

ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Серия научных изданий и справочников, посвященных малоизученным проблемам истории и идеологии русской цивилизации:

Русская цивилизация: история и идеология
Слово и дело национальной России
Экономика русской цивилизации
Экономическое учение славянофилов
Денежная держава антихриста
Энциклопедия черной сотни
История русского народа в XX веке
Стратегия восточных территорий
Мировоззрение славянофилов
Биосфера и кризис цивилизации
Начальная история русской цивилизации
Третий Рим против нового мирового порядка
Энциклопедия славянофилов
Русские монастыри и храмы
Русские святые и подвижники Православия
Государственно-правовой идеал славянофилов
Россия на рубежах США, Японии и Китая
Русская цивилизация: философия и литература
Россия и Польша
Славянофилы, их сподвижники и последователи
Политическая экономия национального хозяйства
Космология духа и циклы истории
Черносотенцы: жизнь и смерть за великую Россию
Синодикъ или Куликовская битва в лицах
Русская цивилизация: экологический аспект
Великие русские достижения
Русская община
Русская артель
Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации»
Русская партия в первой четверти XIX века
Славянская идеология
Экономическая теория славянофилов и современная Россия
Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое
Экономика Сталина
Артель и артельный человек
Древнерусская цивилизация. Наследие в слове
История как Промысл Божий
Православное понимание общества

ВАЛЕНТИН КАТАСОНОВ

**ПРАВОСЛАВНОЕ
ПОНИМАНИЕ
ОБЩЕСТВА**

**СОЦИОЛОГИЯ
КОНСТАНТИНА ЛЕОНТЬЕВА**

**ИСТОРИОСОФИЯ
ЛЬВА ТИХОМИРОВА**

**МОСКВА
Институт русской цивилизации
2015**

УДК 316(47+57)(092) + 930.1:2

ББК Ю3(2)6-678

К 29

Катасонов В. Ю.

К 29 Православное понимание общества. Социология Константина Леонтьева. Историософия Льва Тихомирова / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2015. — 432 с.

В книге выдающегося русского ученого Валентина Юрьевича Катасонова рассматриваются взгляды великих русских мыслителей К. Леонтьева и Л. Тихомирова, ориентированные на путь духовного спасения. Социологический подход К. Леонтьева и историософский подход Л. Тихомирова хорошо дополняют друг друга, давая более целостное, «объемное» православное понимание общества.

ISBN 978-5-4261-0093-0

© В. Ю. Катасонов, 2015

© Институт русской цивилизации, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сравнительно незадолго до трагических событий в России (революция в октябре 1917 года) на небосклоне русской мысли появилось несколько ярких звезд. Среди них – Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891) и Лев Александрович Тихомиров (1852–1923). Были, конечно, и другие яркие звезды, например, писатель Федор Михайлович Достоевский (1821–1881), философ и поэт Владимир Сергеевич Соловьев (1853–1900), поздние славянофилы и молодое племя представителей так называемой религиозной философии (С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк и др.). Но все-таки К. Леонтьев и Л. Тихомиров светили ярче многих других.

Но почему мы соединили вместе именно Леонтьева и Тихомирова? Причина проста: у них было много схожего.

Во-первых, они были «одиночками». Про таких «одиночек» обычно говорят, что они «не были поняты» современниками. К. Леонтьев и Л. Тихомиров действительно «не были поняты», потому что видели и понимали мир иначе, чем большинство. А большинство (имеется в виду, прежде все-

го, «просвещенная» часть общества) в то время уже оказалось зараженным вирусом либерализма, пришедшим из Европы. Леонтьев и Тихомиров были не просто самобытны, они были уникальны. Как ни парадоксально, настоящая известность пришла к ним уже после смерти. События XX века подтвердили правоту целого ряда их идей, которые при жизни воспринимались как «безумства». Их иногда по недоразумению причисляют то к славянофилам, то к русским религиозным философам. Но на самом деле они были «сами по себе». Они не примыкали ни к какому лагерю.

Во-вторых, потому что их мировоззрение и идейные позиции были очень схожими. Они были, выражаясь современным языком, «православными патриотами» России. Формально их относят к реакционерам, «правым», консерваторам. Консерваторов в России тогда было немало. Мало было активных консерваторов, страстно защищавших монархический строй России. Леонтьев и Тихомиров были среди этого меньшинства.

В-третьих, Леонтьев и Тихомиров были знакомы, правда, не очень долго. Общение осуществлялось в виде активной переписки, также происходили личные встречи, каждая из которых длилась часами. Помимо прочего на встречах обсуждались работы обоих авторов. Так, летом 1891 года Тихомиров переслал Леонтьеву свою свежую статью «Социальные миражи современности» с просьбой высказать свое мнение. Общение двух мысли-

телей было прервано смертью Леонтьева поздней осенью 1891 года. Длившееся примерно два года общение Леонтьева и Тихомирова лишний раз подтвердило их сходство во взглядах по принципиальным вопросам (монархическое устройство Российского государства, разрушительная роль либерализма, проблемы Церкви, «закат» Европы, угроза социально-политических потрясений в России, национальный вопрос, еврейский вопрос, социализм и т.д.). Это общение показало, что Леонтьев и Тихомиров были нужны друг другу, удачно дополняли друг друга. Различия в жизненном опыте и подходах к поиску ответов на «вечные вопросы» создавали хорошую базу для плодотворного сотрудничества. К сожалению, планы сотрудничества остались нереализованными из-за смерти Леонтьева 12 ноября 1891 года.

В этот день, узнав о кончине своего друга и единомышленника, Тихомиров записал в дневнике: «У меня еще не умирало человека так близкого мне не внешне, а по моей привязанности к нему. Судьба! Мне должно быть одиноким, по видимому. Он мне был еще очень нужен. Только на днях предложил учить меня, быть моим катехизатором. И вот, – умер...»*

Кроме того, важно иметь в виду, что Тихомиров был моложе Леонтьева на два десятка лет и относился к Константину Николаевичу как к своему учителю и наставнику. Лев Александрович пере-

* Воспоминания Льва Тихомирова. М.; Л., 1927. С. 397-398.

жил Леонтьева на 32 года, за это время успел написать большое количество статей и книг. Общее влияние Леонтьева на творчество Тихомирова очевидно. Современный исследователь Тихомирова С. М. Сергеев пишет: «Леонтьев оказал определенное влияние на Тихомирова как мыслителя. Так, нам представляется, что идея корпоративной организации общества возникла у последнего под непосредственным влиянием леонтьевских интуиций. Да и тихомировское равнодушие к славянскому вопросу, видимо, имеет тот же источник»*.

Небольшое отступление от темы. Конечно, Леонтьев был учителем и наставником не только для Льва Александровича. Были и другие люди, которых идейно наставлял Константин Николаевич. Например, Сергей Федорович Шарапов (1855–1911), экономист, предприниматель, публицист, которого у нас принято относить к «поздним славянофилам». Мне неизвестно о личных встречах Леонтьева и Шарапова, но между ними велась переписка**.

Думаю, что влияние Константина Николаевича на творчество Тихомирова трудно переоценить. О том, что Леонтьев оставил серьезный след в памяти и сердце Тихомирова, свидетельствует даже то, что Лев Александрович посвятил несколько

* Сергеев С. М. Тихомиров и К. Н. Леонтьев // Тихомиров Л. А. Христианство и политика. М.; Калуга: ГУП «Облиздат», ТОО «Алир». 2002. С. 608.

** Переписка К. Н. Леонтьева и С. Ф. Шарапова (1888 – 1890) / Вступ. ст., подгот. текста и комм. О. Л. Фетисенко // Русская литература. 2004. № 1.

своих работ Леонтьеву. Через год после смерти Леонтьева вышла работа Тихомирова «Славянофилы и западники в современных отголосках». В ней Лев Александрович вынужден был защищать добрую память своего учителя от нападков в прессе со стороны С. Н. Трубецкого, который в то время уже был авторитетом в среде русских философов. В 1894 г. вышла работа «Русские идеалы и К. Н. Леонтьев»*. Обращается Тихомиров к теме творчества Леонтьева и в своей фундаментальной работе «Монархическая государственность» (1904). Наконец, в конце жизни Тихомиров подготовил воспоминания о Леонтьеве, вошедшие в сборник «Тени прошлого» (судя по архивным данным, воспоминания писались в 1920–1921 гг.).

Я не первый, кто заметил идейно-духовную близость К. Леонтьева и Л. Тихомирова. Написано уже несколько статей, в которых эти мыслители рассматриваются «в паре». Авторами этих публикаций являются О. А. Милевский, С. М. Сергеев, А. В. Репников**. Указанные авторы вводят в ши-

* С этой работой можно познакомиться в следующем издании: Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России. М.: Институт русской цивилизации, 2010. С. 1086–1103.

** Милевский О. А. Л. Тихомиров и К. Леонтьев: к истории взаимоотношений // Вестник Томского государственного педагогического университета. Вып. 1. Томск, 1997; Сергеев С. М. Тихомиров и Леонтьев // В кн.: Тихомиров Л. А. Христианство и политика. М., 1999; Репников А. В. Константин Леонтьев и Лев Тихомиров // Эхо: Сборник статей по новой и новейшей истории Отечества. Вып. 3. М., 2000; Репников А. В. Славянский царь (Леонтьев, Тихомиров и социализм) // Интернет. Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/history/35496.php>

рокий оборот переписку К. Леонтьева и Л. Тихомирова, необходимые воспоминания современников, пытаются нащупать ключевые вопросы их обсуждений, выявить направления их планировавшегося сотрудничества.

Можно выявить три основных направления задуманного сотрудничества.

Первое направление – так называемое миссионерство среди молодежи. Эта инициатива исходила от Л. Тихомирова. В письмах Леонтьеву он подробно обсуждал необходимость «миссионерской деятельности» среди молодежи: «Я думал, думаю и буду думать, что нам, православным, – нужна устная проповедь. Или лучше – миссионерство. Нужно миссионерство систематическое, каким-нибудь обществом, кружком. Нужно заставить слушать, заставить читать. Нужно искать, идти на встречу, идти туда, где вас даже не хотят. И притом... важно не вообще образованное общество, важна молодежь, еще честная, еще способная к самоотвержению, еще способная думать о душе, когда узнает, что у ней есть душа. Нужно идти с проповедью в те самые слои, откуда вербуются революционеры»*. Более того, Л. Тихомиров полагал, что Леонтьев как человек, умудренный жизненным опытом и в высшей степени неординарный, должен стать лидером, «знаменем» этого миссионерского проекта. К сожалению, значительная часть ответных писем

* Цит. по: Репников А. В. Константин Леонтьев и Лев Тихомиров.

К. Леонтьева не сохранилась, поэтому неизвестно, какой была реакция Константина Николаевича на эти предложения.

Второе направление – проект создания тайной организации, которую Леонтьев в шутку называл «Иезуитским орденом» и которая должна была быть направлена для борьбы с бюрократией во имя самодержавия. Среди первых кандидатов в эту организацию – самые проверенные люди: В. А. Грингмут (кстати, именно он и познакомил Леонтьева и Тихомирова), Ю. Н. Говоруха-Отрок, А. А. Александров и ряд других*. По некоторым данным, кандидатом был и С. Ф. Шарапов. Трудно сказать, кто был инициатором данного проекта, но достоверно известно, что после смерти Леонтьева Тихомиров не стал продвигать идею «Ордена» в жизнь.

Третье направление – совместная подготовка серьезной работы по проблемам социализма. При чем по этому направлению сотрудничества инициатива исходила от Леонтьева. Наиболее четко и конкретно это предложение прозвучало в письме К. Леонтьева от 20 сентября 1891 г.: «Кроме разговоров о службе, я имею в виду переговорить с Вами о другом деле, не знаю – важном или не важном – я на него смотрю так или этак, смотря по личному настроению. Желал бы знать, что Вы скажете о нем. Я имею некий особый взгляд на коммунизм и социализм, который можно сфор-

* К. Леонтьев, наш современник: Сборник. СПб., 1993. С. 376.

мулировать двойко: во-1-х, так – либерализм есть революция (смещение, ассимиляция); социализм есть деспотическая организация (будущего); и иначе: осуществление социализма в жизни будет выражением потребности приостановить излишнюю подвижность жизни (с 89 года XVIII столетия), Сравните кое-какие места в моих книгах с теми местами Вашей последней статьи, где Вы говорите о неизбежности неравноправности при новой организации труда, – и Вам станет понятным главный пункт нашего соприкосновения. Я об этом давно думал и не раз принимался писать, но, боясь своего невежества по этой части, всякий раз бросал работу неоконченной. У меня есть гипотеза или, по крайней мере, довольно смелое подозрение; у Вас несравненно больше знакомства с подробностями дел. И вот мне приходит мысль предложить Вам некоторого рода сотрудничество, даже и подписаться обоим и плату разделить... Если бы эта работа оказалась, с точки зрения “оппортунизма”, неудобной для печати, то я удовлетворился бы и тем, чтобы мысли наши были ясно изложены в рукописи»*.

Трудно сказать, был бы реализован совместный «социалистический проект», проживи Леонтьев дольше. Все-таки, внимательно изучая работы Леонтьева и Тихомирова по теме социализма, можно заметить, что Константин Николаевич больше склонялся в пользу социалистического

* К. Леонтьев, наш современник. С. 371–372.

пути развития России, чем Тихомиров. Ученик Леонтьева занимал сдержанную позицию. Конечно, Леонтьев очень негативно воспринимал те идеи социализма, которые приходили в Россию из Европы. Либо это был «либеральный» социализм, который точно так же, как капитализм, продолжал бы разложение общества. Либо это был социализм «анархический», что грозило обществу «неуправляемым хаосом». Либо это был социализм «диктатуры пролетариата», то есть система безжалостного подавления всех членов общества с помощью силы. При любом варианте это было безбожное (даже богоборческое) общество, в котором традиционная христианская религия замещалась религией «экономического материализма». В отрицании такого социализма Леонтьев и Тихомиров были едины.

Но Леонтьев, который искал пути спасения России и который прозорливо видел, что на страну надвигается страшный «призрак коммунизма», пришел к выводу, что надо действовать по принципу «клин клином вышибают». Леонтьев стал искать такую модель социализма, которая бы сохранила религиозно-духовные и государственно-монархические устои России. «Социализм» у Леонтьева сводился лишь к реформам в сфере социально-экономических отношений при сохранении и даже усилении самодержавия и укреплении авторитета Православия. Постепенно у него в уме стала вырисовываться

модель так называемого монархического социализма. Но модель была еще очень сырой и абстрактной. По этой причине Константин Николаевич и искал сотрудничества с Л. Тихомировым, который, безусловно, лучше Леонтьева знал проблему социализма со всей ее конкретикой.

По различным косвенным признакам можно предположить, что идея «монархического социализма» не «легла на сердце» Тихомирова. В его работах, вышедших после смерти Леонтьева, тема «монархического социализма» не нашла своего продолжения. В России после 1917 года практически воплотился тот вариант социализма, который Леонтьев называл «феодальным», а Тихомиров – «диктатурой».

Что касается различий между Леонтьевым и Тихомировым, то я обратил бы внимание на два момента.

Судя по переписке и свидетельствам очевидцев, в период общения двух мыслителей Леонтьев был человеком гораздо более религиозным, чем Тихомиров. Конечно, Лев Александрович без каких-либо оговорок, так же как и Леонтьев, строго придерживался христианского учения, не допуская в своих умственных исканиях никаких ересей. Что, кстати, очень ценно. Напомню, что в России в это время формировалась целая плеяда философов, которых относили к «русской религиозной философии». Порой эти философы позволяли себе большие вольности в трактовке многих богослов-

ских вопросов. Либерализм пытался подвергнуть разрушению христианство в России с того фланга, который назывался «философия». Достаточно, например, вспомнить увлечения нашей философствующей интеллигенции такими модными темами, как «ноосферный космизм» (В. И. Вернадский), «софианство» (Владимир Соловьев, Сергей Булгаков), «экзистенциализм» (Николай Бердяев) и др. Так вот, Леонтьев и Тихомиров сумели избежать искушений таких модных ересей.

Но вернемся к нашим мыслителям. Для Тихомирова религиозная вера была преимущественно «умственной», а у Леонтьева – «чувственной». Для Тихомирова на первом месте были тексты Священного Писания, труды святых отцов и богословов. Для Леонтьева – эмпирически воспринимаемая красота Божьего мира, а также страх Божий, который он искренне испытывал на протяжении второй половины своей жизни. Как отмечают некоторые наблюдательные исследователи творчества Леонтьева, для него на первом месте в системе личных приоритетов было личное спасение души. А уж спасение России и тем более человечества – на втором плане. Религиозное чувство Леонтьева достаточно интимно, что давало и продолжает давать повод некоторым православным критикам Леонтьева укорять Константина Николаевича в «недостаточной религиозности». Подобных обвинений, кстати, в адрес Л. Тихомирова не было.

Думаю, что на самом деле именно К. Леонтьев был более религиозен, обладал определенным аскетическим опытом (заметим, на фоне его внешнего «барства»), что позволило развить ему духовную интуицию. И даже дало основание некоторым поклонникам таланта Леонтьева называть его «прозорливцем». А вот Л. Н. Тихомиров сумел развить способность «умственного» мировосприятия и миропонимания, свидетельством чему его фундаментальные произведения «Монархическая государственность» и «Религиозно-философские основы истории» (1913–1918). Впрочем, не стоит преувеличивать отмеченное различие двух мыслителей. Накануне Первой мировой войны Лев Александрович поселился подле Троице-Сергиевой Лавры. Жизнь его существенно изменилась. Он стал намного более религиозным человеком, цель духовного спасения у него также стала основной. Между прочим, и Константин Николаевич, и Лев Александрович упокоились у стен Троице-Сергиевой Лавры*. Весьма знаменательно.

Второй момент связан с кругом литературных и познавательных интересов. Хотя К. Леонтьева и Л. Тихомирова волновали одни и те же «вечные вопросы», к ответу на них они подходили несколько по-разному. Подход К. Леонтьева я условно называю «социологическим». Ниже мы покажем, что

* К. Леонтьев захоронен на кладбище Черниговского скита, недалеко от Троице-Сергиевой Лавры. Место захоронения Л. Тихомирова неизвестно.

для ответа на «вечные вопросы» Константин Николаевич даже создал свою теорию, которую называют «органической социологией». А вот Л. Тихомиров ищет ответы на эти же «вечные вопросы», пытаясь постичь метафизику мировой истории от сотворения человека Богом и до последних дней земной жизни человечества. Наиболее отчетливо такой историософский подход проявился в самом фундаментальном труде Льва Александровича – книге «Религиозно-философские основы истории». Социологический подход К. Леонтьева и историософский подход Л. Тихомирова хорошо друг друга дополняют, давая более целостное, «объемное» православное понимание общества. Именно поэтому мы и помещаем под одну обложку две работы – «Социология К. Леонтьева» и «Историософия Л. Тихомирова».

СОЦИОЛОГИЯ КОНСТАНТИНА ЛЕОНТЬЕВА

Константин Николаевич Леонтьев – неповторимо-индивидуальное явление. Нужен особый вкус, чтобы полюбить и оценить его.

*Н. Бердяев. Константин Леонтьев.
Очерк из истории русской
религиозной мысли*

Введение

Имя русского мыслителя Константина Николаевича Леонтьева (1831–1891) сегодня на слуху даже у людей, которые не считают себя ни философами, ни богословами, ни социологами. О Леонтьеве сегодня много говорят и пишут. Иногда при этом приводят цитаты из его произведений. Очень не хочется, чтобы Леонтьев был лишь «модой», поскольку любая мода приходит и уходит. Но для того чтобы Леонтьев остался в памяти человека надолго, навсегда, его произведения надо

читать. К сожалению, современный читатель не очень привык к той литературе, которую мы называем «творческим наследием» русских мыслителей. Современный человек и хотел бы почитать таких гигантов русской мысли, как Л. А. Тихомиров, В. С. Соловьев или тот же К. Н. Леонтьев, да часто такие попытки кончаются неудачно. Слишком велик перепад в уровнях современной литературы и лучших образцов литературы XIX – начала XX века. Чтобы начать осваивать «творческое наследие» не столь уж далекого от нас, времени, современному читателю (особенно молодому) необходимо помочь. Надо перебросить некий мостик, который бы позволил ему совершить путешествие в то время, а затем вернуться в XXI век и взглянуть на наш бурлящий мир «управляемого хаоса» уже другими глазами.

То, что современный мир привыкли называть «управляемым хаосом», никого уже не удивляет. Но у современного человека этот «хаос» ассоциируется с миром политики, терроризмом, войнами, экономическими кризисами, «майданами» и другими событиями социальной жизни. Но, пожалуй, самый главный «хаос» – в сознании человека. Более того, «хаос» социальный порождается «хаосом» в человеческом мировосприятии и миропонимании. Справедливости ради следует сказать, что и в России второй половины XIX века уже было предостаточно «хаоса» – как социального, так и ментального. Но все же в те времена в бу-

шующем океана ментального «хаоса» (имя ему либерализм, нигилизм, атеизм и прочие «измы») в России еще сохранялись немногочисленные «острова стабильности». Одним из таких «островов стабильности» и был мир Константина Леонтьева, надежно защищенный Православием от пронизывающих ветров либерализма, дувших со стороны «освободившейся» Европы.

Итак, данная небольшая работа является «мостиком», которым современный читатель может воспользоваться для того, чтобы вернуться в XIX век и познакомиться с творчеством Леонтьева. Я постарался избежать искушения писать толстую книгу о творчестве Леонтьева, поскольку тогда она плохо станет выполнять свое основное назначение – пробудить у читателя интерес к произведениям самого Леонтьева и дать некоторые ориентиры при чтении его работ.

Творчество К. Леонтьева притягательно. Мало кто из русских мыслителей, которые творили после Леонтьева, не пытался постичь тайны творческой лаборатории Константина Николаевича, оценить его выводы, предложения и предвидения. При жизни К. Леонтьева мало замечали. После смерти, как это ни парадоксально, он стал больше известен, о нем стали говорить, о нем стали писать. Прежде всего, о Леонтьеве писали те, кто лично его знал.

Во-первых, это Лев Александрович Тихомиров (1852–1923), который был идейно близок к

Константину Леонтьеву. Тут следует прежде всего упомянуть работы Тихомирова «Славянофилы и западники в современных отголосках» (1892), «Русские идеалы и К. Н. Леонтьев» (1894), а также воспоминания о Леонтьеве, вошедшие позднее в сборник «Тени прошлого» (судя по архивным данным, воспоминания писались в 1920–1921 гг.). Обращается Тихомиров к теме творчества Леонтьева и в своей фундаментальной работе «Монархическая государственность» (1904).

Во-вторых, православный священник и публицист Иосиф Фудель (1864–1918), оставивший свои размышления о Леонтьеве в виде очерка «Культурный идеал К. Н. Леонтьева» (1895). Между прочим, Фудель подготовил и издал в 1912–1913 годах девять из задуманных им двенадцати томов собрания сочинений Константина Леонтьева и написал предисловие к нему.

В-третьих, известный русский писатель В. В. Розанов (1856–1919), у которого с Леонтьевым также была крепкая дружба. Свои взгляды на творчество Леонтьева Розанов изложил в статье «К. Н. Леонтьев» (написана в 1895 г.). Позднее им были написаны статьи «Константин Леонтьев и его “попечители”» (1910), «К 20-летию кончины К. Н. Леонтьева» (1911), «Неоценимый ум» (1911). Между прочим, в «Уединенном» (одном из наиболее известных произведений Розанова) Леонтьев включен в список тех немногих людей, которых Розанов считал «сильнее», «оригинальнее» себя.

Упомянутые выше и некоторые другие авторы, лично знавшие Леонтьева и находившиеся в духовной близости с ним, оставили очень интересные, взвешенные (не всегда хвалебные) отзывы о творчестве Константина Николаевича. Л. Тихомиров, И. Фудель, В. Розанов были, во-первых, единодушны в том, что Леонтьев был православным человеком, причем не только в личной жизни, но и в своем творчестве. Во-вторых, он любил Россию и был ее патриотом. В-третьих, Леонтьев был очень оригинальным мыслителем, настолько оригинальным, что не все могли постичь глубокий смысл его идей; на почве такого непонимания возникали разного рода несправедливые оценки и даже чудовищные характеристики.

О Леонтьеве писали и те, кто лично его не знал. Одной из первых появившихся после смерти Леонтьева статей стала работа С. Н. Трубецкого «Разочарованный славянофил», опубликованная в 1892 году. Статья, кстати, очень критическая, ее автор даже не рекомендовал читать работы Леонтьева как далекие от христианства. Тихомиров, между прочим, упомянутую выше работу «Славянофилы и западники в современных отголосках» посвятил как раз опровержению того, что написал Трубецкой о Леонтьеве. Он прежде всего отверг обвинения в том, что Леонтьев отступил от Православия. Наоборот, отмечает Тихомиров, «в Леонтьеве идея Православия выступает с редкой чистотой и ясностью».

Да и последующие статьи, которые выходили до революции, также содержали изрядные дозы скептицизма в отношении творчества Леонтьева. В 1904 году Н. А. Бердяев написал большой очерк «К. Леонтьев – философ реакционной романтики». Из самого названия работы видно достаточно скептическое отношение автора к творчеству Леонтьева. Вот выдержка из того очерка: «Леонтьев был необыкновенно умный и даровитый человек, но в политике – малое дитя, ничего в ней не понимал, и за его проповедью реальных зверств и насилий чувствуется лепет романтика, растерявшегося от ужасов и уродств буржуазной культуры, тоскующего по “прошлому величию”, по Моисею, всходившему на Синай, по эллинам, строившим изящные акрополи, по римлянам, ведшим Пунические войны, по гениальном красавце Александре, по апостолам, мученикам, поэтам и рыцарям».

Бердяев в указанном очерке дает развернутую характеристику Леонтьева, которая в значительной мере повторяла все то, что уже было писано о Леонтьеве либералами в России в конце XIX – начале XX века: «Эстет, имморалист, революционер по темпераменту, гордый аристократ духа, плененный красотой могучей жизни, предвосхитивший во многом Ницше, романтически влюбленный в силу былых исторических эпох, тяготеющий к еще неведомой, таинственной мистике, и – проповедник монашеского, строго тра-

диционного православного христианства, защитник деспотизма полицейского государства».

Не удержался Бердяев и от откровенных приписываний Леонтьеву тех мыслей, которых тот не высказывал (и высказывать не мог). Чего стоит, например, такая фраза Бердяева: «Леонтьевская философия насилия и реакции в конце концов сводится к следующему чудовищному софизму: *христианская религия предсказывает торжество зла на земле, следовательно, нужно служить злу, чтобы предсказания оправдались*». Сравнивает Н. Бердяев К. Леонтьева с Ницше и даже обвиняет его в сатанизме: «К. Леонтьев – страшный писатель, страшный для всего исторического христианства, страшный и соблазнительный для многих романтиков и мистиков. Этот одинокий, почти никому не известный русский человек во многом предвосхитил Ницше. Он уже приближался к бездне апокалиптических настроений, которыми сейчас больны многие из нас, и в христианстве он пытался открыть черты мрачного сатанизма, до того родного его больному духу».

Разве может такой человек «больного духа» любить Россию? Россия, по мнению Бердяева, для Леонтьева лишь средство, с помощью которого еще можно попытаться спасти погибающий мир. В первую очередь, любимый сердцу Леонтьева мир Европы. Даже если ради этого придется пожертвовать Россией. Бердяев пишет: «...Через Россию можно еще спасти мир, а для этого нужно за-

морозить ее, остановить либерально-эгалитарный “прогресс”, хотя бы ценой величайших жертв, хотя бы самым мрачным насилием».

В 1909 году в Киеве была издана фундаментальная работа священника Константина Аггеева «Христианство и его отношение к благоустройению земной жизни. Опыт критического изучения и богословской оценки раскрытого К. Н. Леонтьевым понимания христианства». В том же 1909 году увидела свет статья уже известного в то время религиозного философа С. Л. Франка «Миросозерцание Константина Леонтьева». В 1916 году выходит статья не менее известного в то время экономиста и философа С. Н. Булгакова «Победитель – Побежденный (Судьба К. Н. Леонтьева)».

О Леонтьеве много писала русская эмиграция. Н. А. Бердяев в 1926 году издал довольно крупную работу, которая называлась «Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли». В ней, кстати, он скорректировал свои излишне жесткие оценки творчества Леонтьева, которые содержались в его очерке 1904 года. Вероятно, за это время многие трагические события в мире подтвердили правоту мыслей Леонтьева, а Н. Бердяев сумел освободиться от многих своих либеральных предрассудков начала века. Оценки типа «малое дитя» или «растерявшийся романтик», которые Бердяев давал Леонтьеву в начале века, в новом очерке уже отсутствуют. Тем более исчезают всякие параллели с Ницше и сатаниз-

мом. Меняется тональность анализа творчества Леонтьева. Бердяев уже называет Леонтьева «свободным», «самобытным», «уникальным» русским мыслителем. Он сравнивает Леонтьева со славянофилами, но ставит его выше их: «Исторические взгляды К. Н. были объективнее, беспристрастнее и во многом вернее славянофильских, в которых была искажена история в угоду национальным симпатиям и самолюбиям. Историческая теория славянофильской школы не выдерживала серьезной критики. Оценки же К. Н. не зависят от исторической теории, они носят характер эстетический и религиозно-философский. Политическая мысль его была независимее и свободнее славянофильской, он был поистине свободный мыслитель». Н. А. Бердяев писал о Леонтьеве как о человеке, который «провидит не только всемирную революцию, но и всеобщую войну. Он предсказывает появление фашизма. Он жил уже предчувствием катастрофического темпа истории».

О творчестве К. Леонтьева писали такие религиозные философы и богословы русской эмиграции, как С. Л. Франк (1877–1950), Г. В. Флоровский (1893–1979) и В. В. Зеньковский (1881–1962). Особо следует вспомнить «Историю русской философии» протоиерея В. В. Зеньковского (книга издана за рубежом в 1948–1950 гг.). В этом фундаментальном труде есть специальный раздел, посвященный философии К. Леонтьева. Некоторые эмигрантские работы о Леонтьеве содержали крайне нега-

тивные оценки. Тот же Г. В. Флоровский в своей фундаментальной работе «Пути русского богословия» так отзывался о творчестве Леонтьева: «У Леонтьева всего неприятнее именно этот постоянный привкус двусмысленности. У него точно не было врожденного морального инстинкта, его как-то не тревожил никогда категорический императив “нравственного закона”. Но у него не было и подлинной познавательной тоски. Об истине он тоже тревожился немного. Христианство не было для него светом разума, – об этом он никогда не говорил, да и о догматах вообще он упоминал как-то слишком редко. Не часто говорил он и о самом Христе...»*

Я ловлю себя на мысли, что, наверное, легче назвать имена тех русских философов, богословов и социологов той, «старой» России, которые *не* обращались к творчеству К. Леонтьева. Причем оценки этого творчества могли быть диаметрально противоположными. Причем нередко оценки творчества переносились на личность К. Леонтьева. Одни склонялись к тому, что Леонтьев ближе к западникам (слишком уж он восхищался культурой Европы позднего Средневековья), другие называли его славянофилом (очень он переживал за судьбы России). Одни говорили, что Леонтьев – «скрытый католик» и «почтитель Папы» (ему припоминали даже дружбу с

* Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. Часть 2. Париж: YMCA-Press, 2003. С. 22.

Владимиром Соловьевым, другим «скрытым католиком»), а иные считали, что Константин Николаевич – самый православный русский мыслитель конца XIX века. Одни считали его «русским Ницше» и предвестником идеологии национал-социализма, а другие, наоборот, обращали внимание на то, что он предупреждал о возможности появления «коричневой чумы», причем именно в Германии. Одни ставили Леонтьева в ряд идейных антикоммунистов, другие считали, что Константин Николаевич – «красный» или, по крайней мере, «розовый» (ему припоминали его идею «монархического социализма»). Столь большого разброса мнений, наверное, не было ни по одной другой фигуре русской мысли и культуры конца XIX века. А все потому, что оценивать Леонтьева брались (и сегодня берутся) с помощью традиционных мерок. А такие фигуры, как Леонтьев, «аршином общим не измеришь».

Нам, кто живет и пишет в XXI веке, несколько легче оценивать творчество К. Леонтьева, чем его современникам или тем, кто шел следом за ним. История жестокого XX века отчасти разрешила некоторые сомнения относительно Леонтьева. Преимущественно в его пользу. Например, рассеялись сомнения по поводу того, любил Леонтьев Россию или нет (или даже ненавидел). Конечно же, любил! Но он не любил обмана, самообольщения, сюсюканья. Он (видимо, как медик по образованию) ставил очень жесткий диагноз России,

русскому народу. Он в отличие от славянофилов, которые идеализировали русского мужика, видел и сильные, и слабые его стороны – лишь для того, чтобы выстроить единственно верную линию развития России. Это была любовь деятельная, суровая. Из-за разного понимания того, что такое «любовь к Родине», у К. Леонтьева не всегда складывались отношения с представителями лагеря славянофилов. Говоря про любовь Леонтьева к России, я почему-то вспоминаю строки из стихотворения М. Ю. Лермонтова: «Люблю отчизну я, но странною любовью!» («Родина», 1841). В начале прошлого века некоторые публицисты отношение К. Леонтьева к России иронично называли именно «странной любовью». Сейчас, наверное, уже никому не придет в голову такая характеристика. Н. Бердяев в упомянутой выше работе 1926 года писал уже о Леонтьеве как патриоте России: «Вопрос о России, о ее судьбе, о ее призвании в мире всегда был центральной темой размышлений К. Леонтьева. Он мучился о России» (Н. Бердяев. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли).

А что думали по поводу К. Леонтьева философы и обществоведы, работавшие в СССР? – Чаще всего ничего не думали. В советский период нашей истории творчество К. Леонтьева всячески замалчивалось. Даже не рекомендовалось упоминать его имя. А если все-таки о Леонтьеве вспоминали в советское время, то оценки были однозначные,

на него ставили клеймо «махрового монархиста», «реакционера», «черносотенца» и т.п. Табу на Леонтьева было отменено примерно четверть века назад. Началось издание книг Леонтьева. За последние годы появилось много интересных публикаций по Леонтьеву. Это работы таких авторов, как Р. А. Гоголев, С. В. Хатунцев, А. Р. Устьян, И. Г. Шестакова, М. А. Емельянов-Лукьянчиков, Н. В. Сомин, Н. М. Северикова, Н. Б. Лазарева, А. В. Репников и т.д.

К сожалению, произведения Леонтьева и работы о его творчестве издаются очень небольшими тиражами. Пока по-настоящему Леонтьев еще не востребован нашим обществом. Читатель старшего возраста «одичал» за десятилетия «промывки мозгов» марксизмом. А молодое поколение еще больше «одичало», поскольку прошло и продолжает проходить обработку современным либерализмом, который еще более «ядовит», чем марксизм. Да, в учебниках по философии и социологии имя К. Леонтьева сегодня упоминают, но лишь «для порядка». Студенты его не изучают, да и просто не способны постигать.

Тему творчества К. Леонтьева мы обсуждали и продолжаем обсуждать на заседаниях Русского экономического общества им. С. Ф. Шарапова (РЭОШ), коим я руковожу с момента его основания. Здесь интерес к Леонтьеву самый неподдельный, со стороны всех возрастных групп. Дополнительно интерес к Леонтьеву создает следующее

обстоятельство: Сергей Федорович Шарапов, именем которого названо наше общество, был знаком с К. Леонтьевым, между ними велась переписка, часть которой сохранилась и сегодня опубликована. С. Ф. Шарапов был существенно моложе К. Леонтьева и считал его своим учителем. Некоторые мысли, содержащиеся в данной книге, навеяны нашими выступлениями и дискуссиями в рамках РЭОШ. Надеюсь, что этой книжечкой о философии и социологии К. Леонтьева я смогу внести свою скромную лепту в дело возвращения духовного, культурного и научного наследия нынешнему поколению.

Многие исследователи называют Леонтьева философом, некоторые даже богословом. Но это неверно. Константин Николаевич не стеснял себя формальными рамками отдельных областей знаний, наук и научных дисциплин. Он был универсалистом. Более того, он как врач (а он действительно имел медицинское образование и в молодости работал врачом) ставил диагноз: многие науки (особенно общественные) заражены либерализмом. Некоторые из наук XIX века были настолько поражены либерализмом, что приобрели признаки религии. Причем религии, враждебной христианству. Конечно, в первую очередь это относилось к социальным наукам. Но появление на арене теории Дарвина показало, что либерализм не собирается щадить и науки естественные. Для него даже естественная на-

ука может и должна использоваться в качестве «троянского коня». В нее закладываются некие догматы под видом «научных аксиом», которые на самом деле оказываются догматами религиозными. Причем такими догматами, которые призваны вытеснить христианство. Таков лукавый механизм духовной мутации общества, происходящий под флагами «научного прогресса», «просвещения», «торжества знания».

Леонтьев относился с большим недоверием и осторожностью ко многим «научным истинам», за что получил от демократической прессы того времени звания «ретрограда», «мракобеса», «пещерного человека», «врага прогресса», «отсталого интеллигента». Он действительно не хотел бежать в ногу с «прогрессом», потому что прекрасно видел, что это было движение к пропасти. Поэтому он сам предпочитал «отставать» от «прогресса» и другим рекомендовал то же самое. Поэтому он искренне считал себя «отсталым», вернее «отстающим» от «прогресса».

Основным объектом познавательной деятельности Леонтьева было общество, его структура, динамика, движущие силы. Поэтому творческие искания Леонтьева можно назвать «социологией». Но не в традиционном смысле, как «науки», а как сферы познавательных интересов. Леонтьев как социолог очень самобытен и оригинален на фоне официальной социальной науки. При этом я не идеализирую Леонтьева как социолога. Да-

леко не со всеми его выводами можно согласиться, да и сам Константин Николаевич признавал ошибочность некоторых своих рассуждений. Но нам важны не только и не столько его конкретные выводы, сколько его способ мировосприятия и миропонимания. В первую очередь, это мировоззрение православного человека, хорошо знакомого с христианской космогонией, космологией, антропологией. Уверен я, что он был неплохо «подкован» и в христианской апологетике (основное богословие). При этом одновременно К. Леонтьев воспринимает мир (в том числе социальный) как естествоиспытатель, поэтому его социология получила название «натуралистической». Одним словом, Леонтьев был человеком всесторонне образованным. Слава Богу, таких людей во второй половине XIX века в России было еще немало.

Но Леонтьев выделялся и на фоне людей всесторонне образованных. Особенность мировосприятия Леонтьева заключается в том, что он любые явления, процессы, события, объекты оценивает с *эстетической точки зрения*. Леонтьев видит мир и историю через призму понятий «прекрасно – безобразно», «красиво – уродливо», «многоцветно – серо» и т.п. Прекрасное, красивое и многоцветное он олицетворяет с Богом, Истиной, Жизнью. А безобразное, уродливое и серое – с миром падших духов, ложью, смертью. Н. Бердяев назвал Леонтьева «первым эстетом»

России. Были, конечно, в России люди, которые занимались эстетикой профессионально, – искусствоведы, литературные, музыкальные и театральные критики и т.п. Но, они, по выражению Леонтьева, занимались эстетикой «отраженного мира». У Леонтьева была совсем иная эстетика – «живого мира», прежде всего социального мира с его контрастами, полюсами, борьбой, многообразием социальных форм, иерархией, гармонией и т.д. Искусствоведческие интересы у него были на втором или третьем плане.

Борясь с различными проявлениями либерализма в окружающем социальном мире, Леонтьев одновременно вел напряженную борьбу за очищение своего собственного сознания от ядов либерализма. Многие исследователи обращают внимание на сильно развитую интуицию Леонтьева, некоторые даже говорят о его прозорливости. С моей точки зрения, тайна леонтьевской интуиции и прозорливости одновременно и проста и сложна. Простота ее заключалась в том, что он избавлялся от яда либеральной лжи, который даже человек второй половины XIX века в себе не замечал (а что же говорить о нас, живущих в XXI веке?). А сложность состояла в том, что это был тяжелейший труд, яд либеральной лжи он выдавливал из своей души по капле. И труд не только интеллектуальный, но также духовный.

Об этой стороне жизни Леонтьева мы в данной книжечке специально говорить не будем.

Отметим лишь, что последние два десятилетия своей жизни Константин Николаевич жил напряженной духовно-религиозной жизнью, о которой мы не можем много узнать из его статей и книг. Эта жизнь была «за кадром» его литературного творчества. О ней кое-что известно лишь благодаря воспоминаниям современников, близко знавших Леонтьева. А также из переписки Леонтьева (например, с В. В. Розановым, о. Иосифом Фуделем, Л. А. Тихомировым, С. Ф. Шараповым). Эта жизнь началась еще на Афоне в 1870-е годы, затем продолжалась в Оптиной пустыни под духовным наставничеством Амвросия Оптинского (канонизированного в 1988 году в лике преподобного). А за два месяца до своей кончины Константин Николаевич был тайно пострижен в монахи с именем Климент и свой жизненный путь закончил у стен Троице-Сергиевой Лавры.

Для Леонтьева истиной в последней инстанции было христианство, причем именно восточное, то есть православие. Он даже не дерзал сомневаться в христианском учении, и тем более вносить в него какие-то «усовершенствования». Последним, кстати, грешила русская религиозная философия; такими «усовершенствованиями» занимались В. С. Соловьев, С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, С. Н. Трубецкой и некоторые другие русские мыслители «первого ряда»; такие «усовершенствования» оборачивались банальными ересями.

Все интеллектуальное творчество Леонтьева протекало на уровне его «натуралистической социологии». Леонтьев искренне полагал, что его социология никоим образом не может противоречить догматам христианства подобно тому, как, например, медицина и физиология человека только тогда имеют шанс стать истинным знанием о человеке и приносить ему пользу, когда они опираются на христианскую антропологию. Для Леонтьева так называемое противоречие между наукой и религией было надуманным. Константин Николаевич прекрасно раскрыл лукавую подоплеку этого «противоречия»: место настоящей науки в Европе заняла религия либерализма. Позднее (в XIX в.) это стало происходить и в России. А двум богам человек одинаково усердно служить не может. Через некоторое время одного бога он вообще забывает, полностью сосредоточившись на другом. Мы помним слова Спасителя из Нагорной проповеди: «Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и мамоне» (Мф. 6, 24). Наши философы и прочие «умственно продвинутые» мужи до сих пор продолжают гонять эту «дохлую кошку» под названием «наука и религия». А почитали бы К. Леонтьева, глядишь, у них все встало бы на свои места. У нас почему-то даже «профессиональные» богословы не могут

понять эту простую истину: *противоречие-то не между религией и наукой, а между Богом и «обезьяной бога»*. Исключением является работа покойного священника Даниила Сысоева, которая называется «Наука как форма религиозного мышления и ее взаимоотношение с откровением Бога»*. Само название статьи говорит о том, как ее автор понимает современную науку. Понимает правильно, по-христиански. Но статья появилась на свет в XXI веке. А Леонтьев, между прочим, писал о науке как форме религиозного мировосприятия еще в XIX веке.

Излишне говорить о том, что «натуралистическая социология» Леонтьева была тщательно «вычищена» им от любых следов заразы либерализма. Эта социология оказалась весьма плодотворной, многие ее выводы и предвидения были проверены и подтверждены жизнью.

Леонтьев не был бесстрастным «кабинетным» писателем, которого интересовали лишь «объективные» истины и законы социального бытия. Он был человеком в высшей степени чувствительным к тому, что происходило в мире, Европе, России. Парадокс заключался в том, что его социология претендовала на то, чтобы быть объективной, бесстрастной, холодной, где-то даже жестокой в своей неподкупной правде. Но

* Свящ. Даниил Сысоев. Наука как форма религиозного мышления и ее взаимоотношение с откровением Бога // Интернет. Режим доступа: <http://orthoview.ru/nauka-kak-forma-religioznogo-myshleniya-i-ee-vzaimootnoshenie-s-otkroveniem-boga/>.

при этом Леонтьев всей душой стремился изменить опасные тенденции развития, если не во всем мире, то хотя бы в России. Он очень переживал (буквально болел) по поводу опасных тенденций вторжения либерализма в жизнь России. Он постоянно что-то предлагал и в части, касающейся нашей внешней политики (особенно в славянском мире), и в части укрепления государственности, и в части сохранения и укрепления самобытной русской культуры. И, конечно же, в части защиты Православия. Но все-таки бóльшая часть его практических предложений касалась укрепления русской государственности в духе византизма. Острие своей критики Леонтьев направлял против либерализма, полагая его самым опасным вирусом разложения российской государственности. Он, в частности, писал в начале 1880-х годов: «Либерализм однообразен по существу своему; он везде почти у всех один; разница в оттенках его больше количественная, чем качественная. Он смелее, резче, революционнее, или слабее, скромнее, осторожнее; но он один потому, что он есть не что иное, как сознательное или бессознательное разрушение. Разрушение просто; охранение разносторонней, уже прежде создавшейся государственности – всегда должно быть поневоле сложно». («Записка о необходимости новой большой газеты в С.-Петербурге»).

В конце об одном «техническом» моменте: изначально автор готовил по Леонтьеву серию ста-

тей, не планируя выпускать книгу. Предлагаемая книга – набор тех самых статей. Поэтому читатель может заметить некоторые повторы (не буквальные, а смысловые). Я сознательно не стал их убирать, памятуя испытанный временем принцип *repetitio est mater studiorum* (повторение – мать учения).

Вклад Константина Леонтьева в создание теории цивилизации

Константин Леонтьев – один из самых проникательных русских мыслителей... постиг закон перехода культуры в цивилизацию.

Н. Бердяев.

Предсмертные мысли Фауста

[К. Леонтьев] уже более 50 лет назад открыл то, что теперь на Западе по-своему открывает Шпенглер.

Н. Бердяев. Константин Леонтьев.

*Очерк из истории русской
религиозной мысли*

«Цивилизация» – одно из ключевых слов в лексиконе современных обществоведов – историков, политологов, философов, экономистов. У нас в России оно пришло на смену такому понятию, как «общественно-экономическая формация», которое было ключевой категорией марксистской

социологии. У Маркса все многообразие общественной жизни и вся сложность исторического процесса описывались с помощью пяти формаций – первобытное общество, рабовладельческий строй, феодализм, капитализм, коммунизм (с первой фазой – социализм). Восприятие мира как совокупности цивилизаций дает гораздо более интересную, яркую и глубокую картину.

Учение о цивилизации: приоритет России

В современных учебниках по философии и социологии первенство в создании учения о цивилизации чаще всего приписывают иностранцам – немцу Освальду Шпенглеру (1880–1936) и англичанину Арнольду Тойнби (1889–1975). Немец изложил свои взгляды в работе «Закат Европы» (первая часть вышла в 1918 г., часть вторая – в 1922 г.). Англичанин посвятил теме цивилизаций свою 12-томную книгу «Постижение истории» (1934–1961) Иногда еще вспоминают современного социолога и политолога Самюэля Хантингтона, написавшего и издавшего в 1996 году книгу «Столкновение цивилизаций», хорошо «раскрученную» во всем мире. Но все эти работы были написаны и изданы в XX веке.

Вместе с тем основы теории цивилизации были заложены еще в XIX веке, причем не в «ученой» Германии и не на островах Туманного Альбиона, а у нас, в России. Имена этих перво-

проходцев – Н. Я. Данилевский и К. Н. Леонтьев. К сожалению, в наших учебниках по философии, социологии, политологии этих русских мыслителей иногда вообще забывают упомянуть или их имена ставят после О. Шпенглера и А. Тойнби. Как говорится, нет пророка в своем отечестве. Удивительно, что целый ряд идей Данилевского и Леонтьева были почти буквально повторены их европейскими коллегами, но лишь через несколько десятков лет. При этом наших авторов читать и понимать легче, чем иностранцев с их достаточно тяжеловесными текстами и протестантским менталитетом. В. В. Афанасьев, автор посвященной Шпенглеру монографии*, даже заключает, что, учитывая определенную языковую и терминологическую сложность понимания его идей, для того «чтобы полнее понять Шпенглера, следует ознакомиться с точкой зрения Леонтьева, стиль которого отличается большей отточенностью и меткостью формулировок»**.

Учение о цивилизации Н. Я. Данилевского

Нет спора, что в паре «Данилевский – Леонтьев» приоритет в разработке теории цивилизации принадлежит Николаю Яковлевичу Дани-

* Афанасьев В. В. Социология политики Освальда Шпенглера. М.: КДУ, 2009.

** Цит. по: Емельянов-Лукияничков М. А. К. Н. Леонтьев и О. Шпенглер // Интернет. Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/history/35117.php>

левскому (1822–1885), который основные идеи о культурно-исторических типах (так он называл цивилизацию) изложил в своей знаменитой работе «Россия и Европа» (1871).

Коротко скажем об учении Данилевского. Признавая человечество за пустую абстракцию, Данилевский видит в культурно-историческом типе (КИТ) высшее и окончательное выражение социального единства. Данилевский в рамках культурно-исторического типа выделяет четыре основных сферы, или вида деятельности: а) деятельность религиозная, б) собственно культурная (наука, искусство, промышленность), в) политическая и г) социально-экономическая. Важным скрепляющим культурно-исторический тип началом является язык. Следует учитывать, что Данилевский по своему образованию и опыту работы был биологом, поэтому в его теории КИТ повышенное внимание уделяется природно-географическим и этнографическим началам цивилизации. Представления Данилевского об обществе имеют признаки *натуралистической социологии*.

Данилевский насчитывает десять типов, уже проявившихся в истории. Это:

- 1) египетский,
- 2) китайский,
- 3) ассиро-вавилано-финикийский (или древнесемитический),
- 4) индийский,
- 5) иранский,

- 6) еврейский,
- 7) греческий,
- 8) римский,
- 9) новосемитический (или арабийский),
- 10) германо-романский (или европейский).

Данилевский не считает, что его список является исчерпывающим. В него не попали те типы, которые не успели развиться и достичь стадии зрелости. Он упоминает два таких типа (мексиканский и перуанский), «погибших насильственной смертью и не успевших совершить своего развития». Некоторые еще только зарождаются, и их будущее неясно (скорее всего, они не сумеют развиться в нечто оригинальное, самобытное). К таковым он относит, в частности, Новый Свет (Северную Америку).

К. Леонтьев – оригинальный русский социолог

Константин Николаевич Леонтьев в разных своих публикациях неоднократно повторяет, что он – ученик и последователь Данилевского. Леонтьев не только хорошо усваивает мысли Данилевского, он дополняет учение своего предшественника, при этом даже высказывает некоторые критические замечания в адрес своего учителя. Леонтьев еще больше усилил *натуралистический характер социологии* Данилевского. Константин Николаевич постоянно сравнивает общество с живым организмом. Натурализм Леонтьева при-

чудливым образом сочетается с эстетическим подходом к оценке общества и истории. Красота – главный и универсальный критерий оценок, применимый в равной мере к физическому миру, миру органическому и миру социальному. Даже нравственные оценки у Леонтьева (особенно в применении к обществу, государству, нации, человечеству) у него занимают подчиненное место по отношению к оценкам эстетическим. Со временем он доводит свои рассуждения до полного отрицания возможности применения понятий «нравственный» и «безнравственный» к таким явлениям общественной жизни, как государство, политика, власть. Так, Леонтьев утверждал, что власть может быть сильной или слабой, но она не может быть нравственной или безнравственной.

При своем ярко выраженном эстетическом начале этот русский мыслитель был человеком религиозным и богобоязненным. Соответственно он не мог не признавать, что высшим критерием любых человеческих поступков являются религиозные нормы и догматы. Но эти нормы опять-таки применимы лишь к индивидуальной личности. А применение их к обществу, государству, разным социальным группам весьма сомнительно, если не ошибочно. Одним словом, Леонтьев как бы выносил Бога и религию за рамки своих умственных рассуждений. А любимый им византизм с его восточным христианством и самодержавием Леонтьев воспринимал больше с эстетической и

политической точек зрения. В Восточной Церкви ему нравится красота богослужений, а в царской (императорской) власти – сила. С учетом сказанного Леонтьева нельзя отнести к разряду русских религиозных философов. И это несмотря на то, что Леонтьев вел крайне напряженную личную духовно-религиозную жизнь, искренне испытывал страх Божий, а в конце жизни был пострижен в монашество. Это противоречие между личной религиозностью Леонтьева и его социологией с ярко выраженным натуралистическим началом бросается в глаза любому, кто погружается в изучение творчества и жизни Леонтьева. Натуралистическая философия Леонтьева резко контрастирует с социологией славянофилов и русских религиозных философов (ставящей в центре общественной жизни Бога). Он был нестандартным мыслителем, который не примыкал ни к славянофилам, ни к позитивистам-материалистам, ни к религиозным философам, ни к каким другим школам и лагерям.

Место Бога и религии в социологии К. Леонтьева

Впрочем, все-таки Леонтьева можно назвать религиозным мыслителем. Бог незримо присутствует во всех умственных построениях Леонтьева. Схема рассуждений Константина Николаевича такова. Без сильной государственной власти общество существовать не может, оно неизбеж-

но входит в состояние хаоса, анархии. Условием же сильной власти является готовность людей подчиняться государству. Но не всякому, а лишь тому, которое является монархическим. Самодержавному царю (монарху) можно подчиняться и служить лишь в том случае, если люди признают его помазанником Божиим. Но для того чтобы признавать божественную природу власти царя и служить ему, люди должны верить в Бога. И не просто верить, но бояться Его. Леонтьев очень жесток в своих выводах: если в народе нет страха Божия, то общество обречено на распад, революцию, хаос, энтропию. Либерализм – форма проявления, признак такого распада. Утрату страха Божьего лишь частично и ненадолго можно заместить, компенсировать страхом искусственным. Но создающая такой искусственный страх диктатура безбожного государства не может существовать сколь-нибудь долго. Либерализм и диктатура общество не спасают, наоборот – ускоряют его гибель. Утрата людьми страха Божьего неизбежно приближает конец человеческой истории. Собирательным образом такого безбожного человека у Леонтьева является «средний европеец», серая личность, законченный материалист, буржуа (если не по социальному статусу, то по состоянию духа). Такая серая личность описана Леонтьевым в одном из его главных произведений «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» (1872–1884). Апокалипсис,

описанный Иоанном Богословом, для Леонтьева является вещью очевидной, не требующей никаких «научных» доказательств.

К. Леонтьев о трех стадиях развития цивилизации

Главное дополнение Леонтьева к теории цивилизации Данилевского – *теория трех стадий развития цивилизации*. Это стадии юности, зрелости и старости. В терминологии Леонтьева – первичной простоты, цветущей сложности и угасания, ведущего к смерти. Последнюю стадию он еще называл «вторичным смесительным упрощением». Любая цивилизация имеет временные пределы своего существования. По Леонтьеву, максимальный возраст цивилизации – 1000–1200 лет (об этом он, в частности, писал в своей работе «Византизм и славянство»).

Особый интерес для Леонтьева представляет *германо-романская, или европейская, цивилизация*. Та самая цивилизация, на которую ориентировалась как на эталон для подражания российская элита (аристократия и интеллигенция). Леонтьев убедительно показал, что эта цивилизация начиная с конца XVIII века (рубежом он определил Французскую революцию 1789 года) вступила в стадию разложения, угасания, умирания, «вторичного смесительного упрощения». Фактически речь идет об окончательном переходе Европы на рельсы капитали-

стического развития. Вот фрагмент из работы «Византизм и славянство» (1875), где автор разъясняет свою теорию трех стадий: «Вся Европа с XVIII века уравнивается постепенно, смешивается вторично. Она была проста и смешана до IX века; она хочет быть опять смешана в XIX веке, она стремится посредством этого смешения к идеалу однообразной простоты и, не дойдя до него далеко, должна будет пасть и уступить место другим. Весьма сходные между собой вначале кельто-романские, кельто-германские зародыши стали давно разнообразными, развитыми организмами и мечтают теперь стать опять сходными скелетами. Дуб, сосна, яблоня и тополь недовольны теми отличиями, которые создались у них в период цветущего осложнения и которые придавали столько разнообразия общей картине западного пышного сада. Они сообща рыдают о том, что у них есть еще какая-то сдерживающая кора, какие-то остатки обременительных листьев и вредных цветов, они жаждут слиться в одно, в смешанное и в упрощенное среднепропорциональное дерево... Везде одни и те же более или менее демократизированные конституции. Везде германский рационализм, псевдобританская свобода, французское равенство, итальянская распущенность или испанский фанатизм, обращенный на службу той же распущенности... везде слепые надежды на земное полное равенство! Везде ослепление фаталистическое, непонятное!

Везде реальная наука и ненаучная вера в уравни-
тельный и гуманный прогресс...

Сложность машин, сложность администра-
ции, судебных порядков, сложность потребно-
стей в больших городах, сложность действий и
влияние газетного и книжного мира, сложность
в приемах самой науки – все это не есть опро-
вержение мне. Все это лишь орудия смешения –
это исполинская толчея, всех и все толкущая в
одной ступе псевдогуманной пошлости и прозы;
все это сложный алгебраический прием, стремя-
щийся привести всех и все к одному знамени-
телю. Приемы эгалитарного прогресса – сложны,
но цель груба, проста по мысли, по идеалу, по
влиянию. Цель всего – средний человек, буржуа
спокойный среди миллионов точно таких же лю-
дей, тоже спокойных».

К. Леонтьев и О. Шпенглер

Половина всего того, что написал Леонтьев
в последние двадцать лет своей жизни, посвяще-
но теме, которую условно можно назвать «Закат
Европы». Кстати, именно под таким названием
(«Der Untergang des Abendlandes») вышла книга
Освальда Шпенглера через полвека после того,
как были опубликованы первые работы Леон-
тьева о кризисе европейской цивилизации. Пер-
вая часть работы Шпенглера была опубликова-
на в 1918 году, вторая – в 1922-м. В то же время
К. Леонтьев впервые свои взгляды на всемирную

историю, Европу и Россию изложил в статье «Грамотность и народность», которая появилась на свет в 1870 году. Коль скоро мы упомянули Шпенглера, то есть некоторые основания полагать, что свою знаменитую книгу немец писал, будучи знакомым с идеями Константина Николаевича. В период с 1921 по 1926 год. Николай Бердяев тесно общался со Шпенглером, при этом в сфере их общих интересов находилось творческое наследие Леонтьева. Об этом можно прочитать в статье М. А. Емельянова-Лукьянчикова «К. Н. Леонтьев и О. Шпенглер»*.

К. Леонтьев о византизме как цивилизации

Критическому осмыслению со стороны Леонтьева подверглись некоторые моменты учения Данилевского.

В частности, Леонтьев в отличие от Данилевского очень проникся идеями христианской эсхатологии (учение о конечности земной истории) и видит в мире множество признаков «последних дней» (Апокалипсис). Из этого он делает вывод, что новых цивилизаций уже нарождаться не будет. Надежды у человечества на то, что оно может пересесть с «тонущего корабля» европейской цивилизации на корабль какой-то новой, «молодой» цивилизации, нет.

* Емельянов-Лукьянчиков М. А. К. Н. Леонтьев и О. Шпенглер // Интернет. Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/history/35117.php>

Леонтьев восполняет такой «пробел» в работе «Россия и Европа» как неопределенность цивилизационного статуса России. «Вписать» Россию ни в одну из десяти перечисленных Данилевским цивилизаций не получается. Не вызывает сомнения, что Россия не входит в состав европейской (германо-романской) цивилизации. Леонтьев полагает, что Россия является преемницей той цивилизации, которую Данилевский выпустил из поля своего зрения и которую можно назвать «*византийской цивилизацией*». Таким образом, список цивилизаций увеличивается с десяти до одиннадцати. Россия – наследница Византии как носительницы восточного христианства (Православия) и особой формы монархии, называемой самодержавием.

Понятие византизма стало широко использоваться в литературе именно благодаря К. Леонтьеву. Византизм, согласно общепринятому сегодня пониманию, – особый тип отношений между Церковью и государством, где Церковь и государство не противостоят друг другу, а, напротив, взаимно дополняют, помогают друг другу. Они находятся в состоянии согласия (гармонии) и сотрудничества (синергии). При этом свобода и самостоятельность каждого в его собственной области не отменяется. Некоторые авторы полагают, что византизм – лишь новое название того, что на протяжении многих веков называлось «симфонией» властей – церковной и

светской. Отклонения от «симфонии» как в одну сторону (монарх доминирует над Церковью), так и в другую (доминирование Церкви над монархом) ведут к разрушению общества. Церковь же в согласии с государством направляет и ведет общественную жизнь по путям, угодным Богу. В таком понимании Церковь и государство – это два различных проявления одного и того же органического целого. Сам Леонтьев отмечал, что идея «симфонии» государства и Церкви идет от создателя Византийской империи Константина Великого (285–337).

Впрочем, некоторые историки, богословы и правоведы полагают, что принцип «симфонии» получил внятное воплощение в социально-политической доктрине императора Юстиниана I (482–565). Юстиниан считал, что государство должно опираться на добротные правовые основания. По его указанию, правоведы проделали большую работу. Они упорядочили, систематизировали все юридическое наследие древнеримской империи. В итоге появился Кодекс Юстиниана, который и по сей день считается классическим памятником цивилизованного правотворчества. По нему современные студенты-юристы изучают римское право. С Юстинианом утвердилась особая система отношений между государством и Церковью. Ее своеобразие заключалось в том, что она позволяла императору совмещать функции правителя и первосвященника. Это было

персонифицированное объединение всей полноты светской и духовной власти. Как отмечает современный исследователь Византии и византизма Владислав Бачинин, оно получило название цезаропапизма. Цезаропапизм Юстиниана не был жестким и всеобъемлющим. Император признавал за папой римским и Константинопольским Патриархом права на исполнение ими обязанностей по руководству церковной жизнью. Однако в тех случаях, когда этого требовали обстоятельства, Юстиниан решительно вмешивался в жизнь Церкви. Позднее принцип цезаропапизма трансформировался в принцип «симфонии». Это произошло в IX веке при патриархе Фотии*.

Примерно в это же время императором Василием I Македонским эти идеи были воплощены в «Эпанагоге» – своеобразном кодексе, регулирующем отношения Церкви и государства. Этот кодекс действовал до конца существования Византийской империи. В церковных и философских трактатах единство Церкви и государства, существующих в симфонии, уподобляется единству человека, состоящего из души и тела; каждой природе соответствует управляющая его власть: императора – телом, патриарха – душой. Утверждается таинство и в то же время цельность и двухсоставная природа человека и единство Церкви и государства.

* Владислав Бачинин. Византия и византизм // Интернет. Режим доступа: <http://www.archipelag.ru/authors/bachinin/?library=1333>

После падения Византии Россия выступает как ее воспреемница. Провозглашается лозунг «Москва – третий Рим». Византийские идеи и чувства объединяли, сплачивали русских людей для борьбы с иноземцами, в разное время вторгавшимися на Русскую землю. Силу русских испытали на себе татары и монголы, поляки и шведы, турки и французы. Под знаменем византизма Россия «в силах выдержать натиск и целой интернациональной Европы» («Записки отшельника»). «Вещественная сила» византизма чувствовалась во всем: под его влиянием Россия крепла, «росла и умнела», при этом и жизнь ее «разнообразилась и развивалась».

Однако опыт реализации симфонического единства Церкви и государства, по мнению большинства историков и богословов, кончился на Востоке в начале XV века, а в России – в ходе реформ Петра Великого, которые привели к отмене патриаршества*.

К. Леонтьев переживал по поводу того, что в России даже образованные слои имели весьма смутное представление о Византии: многим она представляется чем-то «сухим, скучным», «даже жалким и подлым». Константин Николаевич сожалел, что не нашлось еще людей, которые, обладая художественным дарованием, посвятили бы свой талант описанию византизма, сумели бы развеять «вздорные», «самые превратные представления» о нем и донести до читателя, «сколько

* См. статью: Византизм // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль / Под редакцией В. С. Степина. 2001.

в византизме было искренности, теплоты, героизма и поэзии». О византизме в России в конце XIX – начале XX века любили поговорить либеральные интеллектуалы – но как о явлении прошлой истории. Леонтьев в своих работах говорил *о византизме будущего*. Автор интересной статьи о Леонтьеве Н. М. Северикова пишет об этом византизме будущего: «...За прошедшее тысячелетие жизнь человечества неузнаваемо изменилась: стали иными не только условия существования общества и основы его развития – произошла трансформация идей, принципов, определяющих отношение человека к миру, нормы его поведения, цели, средства и ожидаемые результаты человеческой деятельности. Идеи византизма в интерпретации К. Леонтьева приобрели иное содержание: дали импульс к направлению его размышлений применительно к современности и перспективе грядущего развития России, ее мессианской роли в объединении православнохристианских народов – именно их единство и должно стать залогом утверждения византистских идей “завтра”, или, как выражает свою мысль К. Н. Леонтьев, “византизма” *будущего*»*.

Россия и панславизм

Панславизм – идеология, сформировавшаяся в странах, населенных славянскими народами

* См.: Н.М. Северикова. Константин Леонтьев и Византизм // Вопросы философии, 2012. № 7.

ми, в основе которой лежат идеи о необходимости славянского национального политического объединения на основе этнической, культурной и языковой общности. Сформировалась в среде славянских народов в конце XVIII – первой половине XIX веков. Часто используемые символы панславистского движения – это панславянские цвета (синий, белый и красный) и панславянский гимн «Гей, славяне». Первым панславистом был Юрий Крижанич – хорватский католический миссионер, выступавший за единство славянских народов и пытавшийся создать для славянских народов единый славянский язык. Известен тем, что, находясь в ссылке в Тобольске, написал трактат «Политика», где предрек освобождение всех славянских народов от иноземного ига и появление единого славянского государства.

Во времена Леонтьева резко активизировалась умственная и политическая деятельность в пользу панславизма. Некоторые идеологи «панславизма» полагали, что славянские народы могут образовать свою цивилизацию. Константин Николаевич всячески доказывал, что «славянская цивилизация» – утопия, если не сказать авантюра. Она может нанести серьезный ущерб России.

Активно продвигались в разных странах Европы (в Австро-Венгрии, на Балканах) и в России идеи объединения славянских народов и создания некоей славянской федерации с Россией в качестве ее ядра. Сторонники этой идеи даже

находили нужные им аргументы у Данилевского, который, как мы выше отметили, несколько увлекся этнографическим (племенным) фактором формирования цивилизаций. Панслависты пытались даже апеллировать к славянофилам. Распространялись искаженные представления о славянофилах, которые якобы ратовали за объединение всех славян. Но славянофилы на самом деле славянофилами не были, таковое название как некую кличку они получили от своих недругов или не очень грамотных наблюдателей. Правильнее русских мыслителей типа Ивана и Константина Аксаковых, Ивана Киреевского, Алексея Хомякова, Юрия Самарина было бы называть русофилами. Для них ключевыми ориентирами их мировоззрения была формула Уварова «Православие, самодержавие, народность». На первом месте в этой формуле была религия, причем именно восточное христианство. Между славянами были принципиальные религиозные различия. Среди славян – православные (русские, сербы, болгары), католики (поляки и хорваты), протестанты (чехи), мусульмане (боснийцы).

А что касается последнего члена формулы – «народность», то, как справедливо указывал тот же Леонтьев, под народностью славянофилы понимали не только и не столько племенную общность, сколько общность социальную. Россия во времена славянофилов уже была многонациональным государством, где славяне были лишь одним

из многих десятков народов и племен. Россию как единый народ скрепляла отнюдь не кровь, а прежде всего Православие, а также развившаяся на его основе культура.

Созданию чисто *славянского союза* препятствует ряд серьезных причин: разнообразные племена славян разделены разными религиями, географическим положением, различиями экономических интересов, сильной верой славянских народов в «гуманизм» западного прогресса. «Леонтьев не находит у славянства объединяющей идеи, кроме тяготения к американскому или европейскому эвдемоническому идеалу, но отнюдь не к византийскому. Предпосылкой борьбы с разрушительной силой «общелиберальной заразы» в России, по мысли Леонтьева, может стать византийское Православие, а также «великий восточнохристианский союз» с Россией во главе. Восточнохристианские народы ближе к русскому: они еще «не пропитались европеизмом», пагубным для человека»*.

«Увядание» Европы

Леонтьев – реалист. Он понимает, что хотя Россия не является частью европейской цивилизации, однако угроза поглощения ее этой цивилизацией существует. Когда-то европейская цивилизация была «цветущей сложностью», и

* Северикова Н. М. «Глас вопиющего в пустыне» // М.: Специалист, 2006. № 10. С. 36

Леонтьев как эстет этой Европой восхищается (крестовые походы, рыцарство, аристократия, ярко выраженная сословность феодального общества). Однако Европа XIX века – уже умирающая цивилизация, которая может за собой в могилу утянуть и Россию. Россия как цивилизация также немолода. По оценкам Леонтьева, ей никак не меньше 1000 лет. Она также на пороге заката. По его мнению, предела «цветущей сложности» Россия достигла в эпоху Екатерины II. Леонтьев полагает, что жизнь России как византийской цивилизации можно продлить. Для этого ее надо «подморозить», то есть затормозить процесс умирания. Безусловно, самое главное в этом деле – сохранить «ядро» цивилизации в виде восточного христианства. Следовательно, необходимо всячески препятствовать всякого рода посягательствам на это «ядро». А такие посягательства были постоянными, прежде всего со стороны римского престола. Леонтьев к концу жизни стал непримиримым противником Владимира Соловьева, который носился с идеей объединения всех христианских церквей под эгидой Папы. Борясь за сохранение и укрепление «ядра», Леонтьев готов был пойти на определенные уступки и жертвы по части других элементов русской цивилизации.

На фоне того, что Леонтьев достаточно подробно говорит о европейской цивилизации и «закате» Европы, его замечания о другой части

Запада – Америке – крайне редки. Леонтьев считал Североамериканские Соединенные Штаты цивилизацией, которая еще пребывала в зачаточном состоянии. Он ее никак не отождествлял с цивилизацией европейской. Конечно, в 70–80-е годы XIX века трудно было еще определить вектор цивилизационного развития САСШ. Но на чисто субъективном, интуитивном уровне Леонтьев (в отличие от некоторых других русских интеллектуалов того времени) воспринимал Америку крайне негативно: «Я когда думаю о России будущей, то я как неперемное условие ставлю появление именно таких мыслителей и вождей, которые сумеют к делу приложить тот род ненависти к этой все-Америке, которою я теперь почти одиноко и в глубине сердца моего бессильно пылаю! Чувство мое пророчит мне, что славянский православный царь возьмет когда-нибудь в руки социалистическое движение (так, как Константин Византийский взял в руки движение религиозное) и с благословения Церкви учредит социалистическую форму жизни на место буржуазно-либеральной. И будет этот социализм новым и суровым трояким рабством: общинам, Церкви и Царю. И вся Америка эта... к черту!» (письмо К. А. Губастову от 17 августа 1889 г.). Любопытно, что Леонтьев использует выражение «все-Америка»; вероятно, этим он хотел подчеркнуть особо космополитический характер зародыша американской цивилизации.

Сегодня, когда Вашингтон завершает свой проект Рах Americana, особенно понятным становится смысл выражения «все-Америка».

О «подмораживании» России

В частности, в качестве средства «подмораживания» русской цивилизации в социально-экономической сфере Леонтьев рассматривал социализм. Речь, конечно, не могла идти о безбожном, атеистическом социализме, идеи которого уже витали над Европой (Прудон, Лассаль, Маркс) и окончательно разлагали германо-романскую цивилизацию. У Леонтьева это принципиально иной, «охранительный», или «монархический», социализм. Но об этом в следующих статьях.

Впервые мысль о социализме как спасительном для России средстве Леонтьев высказал еще в 1868 году в своей работе «Грамотность и народность». Вот фрагменты этой работы: «Европейцы, чуя в нас в них что-то неведомое, приходят в ужас при виде этого грозного, как они говорят, “соединения самодержавия с коммунизмом”, который на Западе есть кровавая революция, а у нас монархия и вера отцов». Под российским «коммунизмом» понималась сельская (земская) община, которая сохранилась и после того, как в 1861 году была начата реформа, известная под названием «отмена крепостного права». «Крепостное право» было отменено, а «земская община» сохранилась. И это, по мнению Леонтьева, было

спасительным для России решением. Те молодые реформаторы, которые хотели из России сделать Европу, сами того не ожидая, сделали полезное дело: «...они не предвидели, что земская община будет у нас в высшей степени охранительным началом и предупредит развитие буйного пролетариата; ибо в ней некоторого рода коммунизм существует уже “de facto”, а не в виде идеала, к коему надо рваться, ломая преграды».

Кстати, здесь Леонтьев не оригинален. Об этом же писал, как это ни странно, Карл Маркс. Правда, Леонтьев говорил об этом громко вслух. Маркс свои идеи, касающиеся «русского социализма», не озвучивал*. Речь идет о переписке Маркса с русскими народниками, в своих письмах Маркс признавал, что Россия может избежать «классического» алгоритма движения к коммунизму через капитализм. У России есть община – зародыш коммунизма. При правильной политике властей из этого зародыша может вырасти полноценное социалистическое общество. Но все эти мысли Маркса лежали под спудом. Они противоречили выводам, которые были сформулированы в «Манифесте коммунистической партии» и «Капитале» (работах, сделанных «классиком» под определенным «социальный заказ»). А голос Леонтьева с его идеями «монархического социализма» не был услышан

* Я об этом уже писал в своей книге «От рабства к рабству. От Древнего Рима к современному капитализму» (М.: Кислород, 2014).

властью и не понят большей частью российской интеллигенции.

Позднее Леонтьев писал о том, что если власти не сумеют воспользоваться теми благоприятными возможностями, которые давала России сельская община, то страна может столкнуться с гораздо более жестким вариантом социализма. Леонтьев называл его «феодальным социализмом», «новым феодализмом».

О пророчествах К. Леонтьева

Леонтьев относится к тому разряду мыслителей, которых мало замечают во время их жизни. А если замечают, то воспринимают как чудаков, юродивых, маргиналов. Но о них вспоминают после смерти, когда многие пророчества таких «чудаков» начинают сбываться. Сбылось пророчество Леонтьева относительно «феодального социализма» в России. Леонтьев предвидел не только социализм в России, но и племенизм в Германии. Исходя из реалий немецкого государства конца XIX века – внерелигиозности и расовости подхода к государственному строительству, он предполагал, что «чем это дело будет более оконченным... тем оно станет более безосновным в религиозном отношении, тем сильнее выразится чисто племенной характер германского национального единства» («Культурный идеал и племенная политика. Письма г-ну Астафьеву»). Нынешние трагические события на Украине по-

казывают, насколько был прав К. Леонтьев, когда предупреждал о пагубных последствиях племенизма среди славянских народов.

Леонтьев также писал о том, что воцарившийся в Европе капитализм неизбежно порождает социализм, который лишь по видимости представляет собой противоположность капитализма. Европейский социализм XIX века (в отличие от утопического социализма более ранних веков) – лишь новая форма безбожного материалистического общества. Леонтьев с большой болью в сердце и тревогой писал, что уже в начале XX века Россию и Европу может захватить социализм. Он также не исключал возможность возникновения «гремучей смеси» социализма и племенизма. Такая смесь возникла в Германии после Первой мировой войны и получила название «национал-социализм».

Социология Константина Леонтьева и современная Россия

В своих социологических исследованиях К. Леонтьев хотел быть холодным, безучастным к человеческим страданиям, объективным. В этом он был прямой противоположностью русской «субъективной школе в социологии». Как социолог, он решительно не хочет быть моралистом и

проповедовать любовь к человечеству. Он относится к социологии как к зоологии, к которой, кстати сказать, имел вкус и склонность.

*Н. Бердяев. Константин Леонтьев.
Очерк из истории русской
религиозной мысли*

Введение. К. Леонтьев как оригинальный русский мыслитель

Многие сегодня вспоминают творческое наследие русского мыслителя К. Н. Леонтьева (1831–1891). Издаются и переиздаются большими тиражами такие работы Константина Николаевича, как «Византизм и славянство», «Культурный идеал и племенная политика», «Кто правее? О национализме политическом и культурном», «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» и т.д. Исследователи и знатоки творчества мыслителя обращают внимание на социологию Леонтьева, которая является весьма оригинальной и достаточно полезной для объяснения устройства общества и мировой истории. Константина Леонтьева трудно отнести к какой-то научной школе, какому-то идейному течению, какому-то философскому лагерю. Он не вписывается в общепринятые классификации. Его мировосприятие и мышление настолько нестандартны, что далеко не все современные интеллектуалы с ходу могут понять, что хочет сказать Леонтьев, и тем более понять – какое отношение

эти сочинения XIX века могут иметь к нашей жизни в XXI веке. Леонтьев сам не раз признавал, что он не ученый, не философ, не богослов. Выражаясь современным языком, «по диплому» он был медиком. Некоторое время в молодости работал врачом. А по своему мировосприятию он был эстетом, везде искал прекрасное и все события и явления оценивал, в первую очередь, эстетически. Причем Леонтьев уделял основное внимание *эстетике реальной жизни* с ее борьбой, контрастами, противоположностями. Он еще говорил об *эстетике отраженной жизни*; под ней он понимал искусство. Второй вид эстетики его интересовал гораздо меньше, он не был профессиональным ценителем искусства. Кажется, Н. Бердяев назвал Леонтьева «первым эстетом России». Вот эти два момента (медицина и эстетика) и предопределили специфическое мировосприятие Леонтьевым общества и истории человечества, которое условно можно назвать *«натуралистической социологией»*.

Впрочем, наверное, был еще третий и самый главный момент, без которого не могла бы возникнуть социологии Леонтьева, – его ум. Многие обращали внимание на *своеобразный ум* Константина Николаевича.

Во-первых, *его ум был очень острым*. Таким он у него сохранился до конца жизни, даже тогда, когда Константин Николаевич находился уже в большой физической немощи. Видимо,

острота ума сохранялась за счет большого интереса Леонтьева к жизни. Общавшиеся с ним в последние годы обращали внимание на резкий контраст между его физической немощью и особым духом молодости его речи.

Во-вторых, ум у Леонтьева был, по выражению Н. Бердяева, *не метафизический, а эмпирический*. Сам Леонтьев не раз признавал в своих письмах, что не мог мыслить отвлеченно. Большого философского и богословского кругозора у него не было. Он был натуралист и художник. «Я не признаю себя сильным в метафизике, – читаем мы в письме Леонтьева к Александрову, – и всегда боюсь, что я что-нибудь слишком реально и по-человечески, а не по-философски понял. Я *чувствую* психологию более конкретную, но, когда начинается психология *более метафизическая*, у меня начинает “животы подводить” от страха, что я не пойму».

В-третьих, ум Леонтьева был очень оригинальным. Сам Константин Николаевич не раз признавал, что всю жизнь он стремился «эмансипироваться» от сложившихся стереотипов. Для него не было авторитетов. Он с подозрением относился к научным аксиомам, официальной науке и ее «светилам». То же самое можно сказать и про его отношение к классикам мировой и особенно русской литературы. Он не боялся выступать с острыми критическими оценками в адрес таких классиков, как Н. Гоголь, Ф. Достоевский,

Л. Толстой. Некоторые исследователи творчества Леонтьева сравнивают свободомыслие Константина Николаевича со свободомыслием Ницше. Его мировосприятие парадоксально и неожиданно. В каком-то смысле это мировосприятие ребенка, которое с годами у большинства людей исчезает. У Леонтьева оно сохранилось и даже обострилось с годами.

Во времена Константина Николаевича в России преобладали такие взгляды на общество, которые условно можно было назвать «теологической социологией» (развитие общества согласно замыслу Божьему) и «экономической социологией» (развитие общества под влиянием экономических факторов). Представителями «теологической социологии» можно назвать русских славянофилов и мыслителей религиозной философии, яркими приверженцами «экономической социологии» были марксисты и разные социологи западного буржуазного толка.

Парадоксально, что, будучи человеком в высшей степени религиозным (по крайней мере в последние два десятилетия своей жизни), К. Леонтьев не стал приверженцем «теологической социологии», а все события общественной жизни и истории пытался объяснять с позиций своей «натуралистической социологии». «Натуралистическая социология» Леонтьева как бы сосуществовала с «теологической социологией». Серьезных попыток со стороны Леонтьева осу-

ществить «синтез» этих двух видов социологий не было. В то же время мы можем заметить, что Леонтьев иногда апеллирует к Священному Писанию. Обычно он это делает для того, чтобы показать, что выводы его «натуралистической социологии» полностью совпадают с Истинами Божественного Откровения.

В то же время Леонтьев очень решительно выступал против «экономической социологии» как проявления вульгарного материализма. Выводы его «натуралистической социологии» часто находились в непримиримом противоречии с положениями «экономической социологии».

Хотя Леонтьев оставил после себя большое количество работ разного формата и писем, однако у Константина Николаевича мы нигде не найдем систематического и структурированного изложения его социологических взглядов. Они у него рассыпаны по разным рукописям, иногда повторяются (чуть ли не слово в слово), иногда дополняют друг друга, иногда даже противоречат (на первый взгляд) друг другу. Попытаюсь обобщить социологические воззрения русского мыслителя и дать их краткое систематическое изложение. Постараюсь по возможности избегать использования цитат (по крайней мере, обширных) из работ Константина Николаевича, иначе статья сильно увеличится в объеме. Моя цель – дать ориентировку, «шпаргалку», которая должна читателю облегчить самостоятельное знакомство с творческим наследием

Леонтьева. Всего можно выделить 21 основное положение социологии К. Леонтьева.

Положение 1. Общество – часть природы и развивается по ее законам

Общество – часть природы, хотя и весьма специфическая. Тем не менее развитие общества в первую очередь подчиняется неким универсальным законам природы, особенно природы живой (органической). Задача социологии – правильно применить эти *природно-биологические законы* к объяснению общества и тенденций его развития. А также предвидеть будущее развитие и разрабатывать программы практических действий по управлению этим развитием. Такие знания можно назвать «*натуралистической социологией*». Справедливости ради следует отметить, что натуралистическое направление в социологии существовало и до К. Леонтьева. Но это была социология с уклоном в географию. Иногда ее называют *географической школой в социологии*. Географическая школа была самой популярной до начала XX века. Ее представителями можно считать англичанина Генри Бокля (1821–1862), француза Шарля Луи Монтескье (1689–1755), немцев Карла Риттера (1779–1859) и Фридриха Ратцеля (1844–1904), шведа, автора термина «геополитика», Юхана Рудольфа Челлена (1864–1922), российских историков Сергея Михайловича Соловьева и Льва Николаевича Гумилева. Все они в

той или иной мере подчеркивали определяющее влияние на социальную жизнь людей географических факторов, в качестве которых рассматривались климат, распределение водных ресурсов, качество почвы, распределение полезных ископаемых, рельеф, флору и фауну. Такую позицию определяют как географический детерминизм. Германская школа геополитики Карла Хаусхофера (1869–1946), которая сыграла определенную политическую роль в истории Европы, выросла из географической школы социологии.

Разновидностью «натуралистической социологии» стала *расово-антропологическая школа*. Представители этого направления: Ис. А. де Гобино, Ж. Ляпуж, С. Аммон и другие считали социальную жизнь и культуру продуктом расово-антропологических факторов. Фактору расы отводилась ведущая роль во внутренней политике и эволюции человечества.

Особо авторитетным направлением в социологии второй половины XIX века стал социалдарвинизм. Эта школа связана с именем Чарльза Дарвина, которого считают автором теории биологической эволюции, «естественного отбора», «борьбы видов». Выводы (весьма сомнительные) теории Дарвина были распространены на общество. Многие социологи стали утверждать, что общество развивается по законам биологической эволюции, а главными факторами социальной жизни стали естественный отбор и борьба за суще-

ствование. Сторонник «социального неравенства» У. А. Самнер использовал дарвинизм для защиты принципов индивидуализма и конкуренции. Сторонники либеральных концепций А. Смолл, У. Бенджгот, Э. Ферри и другие разработали так называемую эволюционную этику, которая пыталась объяснить полезность нравственного поведения для единения и выживания людей. У третьего направления социал-дарвинистов (Л. Гумплович и другие) биологизация социальных явлений проявлялась в подчеркивании ведущей роли конфликтов между людьми при удовлетворении ими потребностей в процессе стремления к господству.

Социологические воззрения К. Леонтьева имеют некоторое сходство с социал-дарвинизмом, поскольку основываются на биологических аналогиях. Однако это сходство формальное. Например, в социал-дарвинизме эволюция рассматривается как бесконечный процесс. У Леонтьева развитие отдельных социумов (государств и цивилизаций), а также всего человечества ограничено во времени. Общество, по Леонтьеву, смертно, а его история конечна. Впрочем, имеются и другие принципиальные различия.

Положение 2. Нравственные и экономические критерии для оценки общества и истории не годятся

Вся предыдущая социология, по мнению Леонтьева, была «субъективистской», оценки об-

щества и человеческой истории базируются преимущественно на использовании нравственных (моральных) критериев. Оценки базируются, в первую очередь, на основе критерия «справедливость – несправедливость». В дополнение к нему часто прибегают к критериям «любовь – ненависть», «равенство – неравенство» и т.п. По мнению Леонтьева, *нравственные критерии* применимы к оценке отдельно взятого человека и его поведения. В то же время подобного рода критерии неприменимы к большим социальным группам, нации, обществу, человечеству, государству. Для этих субъектов социологии нужны совсем иные. Уже не приходится говорить о некоторых других критериях, которые вообще лишают человека возможности ориентироваться в истории и мире. Например, в XIX веке, во времена Леонтьева, пышным цветом расцвел так называемый экономический материализм. В этой атмосфере *главным стал экономический критерий*, причем нередко выражаемый в каких-то абстрактных денежных единицах. Леонтьев называл это всеобщим умопомрачением.

Положение 3. Эстетический критерий как универсальное и самое точное средство оценки

Таким «объективным» критерием, по мнению Леонтьева, является *эстетический критерий*. Более того, этот критерий является самым

универсальным. С его помощью можно оценивать все и вся: человека, общество (как нацию), человечество, государство, природу, творения человека (материальная и духовная культура) и даже политику. Этический критерий гораздо более всеохватывающ, чем критерии религиозные и этические. Уже не приходится говорить о таком новом критерии, как экономический, который стал заслонять все другие в конце XIX века, в эпоху расцвета так называемого экономического материализма. Использование эстетического критерия опирается на использование таких понятий, как «прекрасное» и «безобразное», «красивое» и «уродливое», «гармоничное» и «хаотичное». В принципе эстетический критерий не противоречит критерию религиозному: с Богом ассоциируется все красивое, прекрасное, гармоничное. С его антиподом (в христианстве — дьяволом) связано все безобразное, уродливое, хаотичное. Но поскольку в мире много религий, то использование религиозного критерия в мировом масштабе затруднено. Эстетический критерий, по мнению Леонтьева, более универсален, он понятен любому человеку независимо от его расы, национальности, вероисповедания. Что касается этического критерия, то он в социологии Леонтьева занимает подчиненное место по отношению к критерию эстетическому. Получается, что если какое-то событие или какая-то личность заслуживают положительную эстети-

ческую оценку, но при этом могут иметь оттенок аморальности, то общая оценка события или личности положительна. Критики социологии Леонтьева назвали такой подход «эстетическим аморализмом».

Положение 4. Социология Леонтьева опирается на учение Н. Данилевского о культурно-исторических типах

Социология Леонтьева использует многие положения из учения Николая Данилевского (1822–1885) о культурно-исторических типах (цивилизации). Формально у Данилевского в понятие общества в его конкретной культурно-исторической форме входит религия, культура, экономика, природно-географические условия, этнография. Данилевский, будучи по образованию и опыту работы естествоиспытателем, биологом, особое внимание в своем учении о культурно-исторических типах обращал на *природное начало общества*. Леонтьев в значительной степени воспринял у Данилевского именно такое понимание цивилизации. Надо признать, что идеи «натуралистической социологии» существовали и до Леонтьева. Сам Константин Николаевич неоднократно в своих работах упоминает английского философа-позитивиста Герберта Спенсера (1820–1903), одного из родоначальников эволюционизма и основателя школы органической социологии, разновидности натуралистической

социологии. Однако биографы и исследователи творчества Леонтьева уверены, что Константин Николаевич не был знаком с трудами англичанина, когда закладывал основы своей социологии (не исключено, что Леонтьев мог с ними ознакомиться под конец жизни). Признаюсь, сам я англичанина не читал. Те, кто читали и Леонтьева, и Спенсера, однозначно утверждают, что первый из них – ярче, интереснее, глубже. Кстати, уже во времена Леонтьева «натуралистическая социология» в Европе стала приобретать ярко выраженные черты *социал-дарвинизма*. Социология Леонтьева с ним ничего общего не имела.

Положение 5. Универсальная формула «органического развития». «Цветущая сложность»

Ключевым положением социологии Леонтьева является *формула органического развития*. Любой природный объект, представляющий собой некую органическую целостность (начиная от насекомого и кончая крупными животными, растениями, деревьями и т.п.), проходит *три стадии своего развития*:

а) рост, сопровождающийся усложнением структуры органического объекта, укреплением связей между его отдельными частями;

б) состояние наибольшей сложности и многообразия при максимальной прочности связей между отдельными частями целого;

в) постепенный распад органического объекта, выражающийся в упрощении его структуры, ослаблении связей между отдельными его частями.

Леонтьев как эстет особенно много внимания уделяет второй стадии, стадии зрелости, которую он называет *«цветущей сложностью»*. Продолжительность ее относительно невелика, в зависимости от вида объекта. Третья стадия – умирание. На стадии умирания различные объекты уравниваются, приобретают все большее внешнее сходство. Полное разложение объекта до исходных атомов приходит к окончательному и полному выравниванию. Упрощение и выравнивание в учении Леонтьева – главный признак умирания.

**Положение 6. «Жизненный цикл»
цивилизации. Приложение формулы
«органического развития» к европейской
цивилизации. Диагноз: «закат Европы»**

Формула «органического развития» в полной мере применима к описанию *«жизненного цикла» любой цивилизации*. Исследование ряда цивилизаций, проведенное Леонтьевым, показало, что средний срок жизни цивилизации составляет 1000–1200 лет. Примечательно, что примерно так же оценивал средний возраст этноса Л. Н. Гумилев, исследователь проблем этногенеза. Среди тех десяти основных цивилизаций, которые Данилевский называет в своей книге «Россия и Европа», Леонтьева особенно интере-

сует *франко-германская, или европейская, цивилизация*. Леонтьев – большой почитатель этой цивилизации на стадии ее «цветущей сложности». По мнению Леонтьева, Европа стала входить в эту стадию во времена Карла Великого. Леонтьев как эстет восхищается Европой этого периода с ее католицизмом, крестовыми походами, рыцарством, романтизмом, Ренессансом. Полагает, что именно в этот период Европа дала наибольшее количество гениев и героев. Однако после первых буржуазных революций в Европе стали появляться признаки упрощения и распада. Окончательно в третью стадию развития Европа вошла после Французской революции 1789 года. В Европе начался мощный эгалитарно-либеральный процесс. Основным признаком европейской деградации стал человек, который стал превращаться в буржуа, серую и бесцветную личность. Европа перестала рожать гениев и героев. Европа увлеклась материальной жизнью («экономический материализм»). На место Бога пришла сомнительная наука, сомнительное атеистическое образование, конституция и парламент. Либерализм и демократию Леонтьев рассматривает как признак умирания христианства, а с ним – всей европейской цивилизации. Но к такому выводу он приходит через свои эстетические наблюдения, а не через глубокий анализ духовно-религиозного состояния общества, изучение истории христианства в Европе

и т.д. Хотя Леонтьев говорит о том, что его социология является «объективистской», лично он сильно переживает по поводу «заката Европы». Все его описания европейской жизни пропитаны сильным субъективизмом, который строится на чрезмерном превознесении «старой» Европы и нескрываемом отвращении к Европе «новой», то есть буржуазной, капиталистической.

Положение 7. Россия как византийская цивилизация

Что касается оценки состояния России, то Леонтьев дополнил представления Данилевского о главных цивилизациях. К его десяти он добавил еще *одинадцатую цивилизацию, которую назвал византийской*. После гибели Византии Россия стала преемницей византийской цивилизации. Ее основные признаки, по Леонтьеву, – Восточная христианская Церковь и сильное самодержавие. В своих работах он основное внимание уделял именно государственной составляющей византизма – самодержавию. Леонтьев был приверженцем определяющей сути русской цивилизации *формулы Уварова «Православие. Самодержавие. Народность»*. Считал, что Россия особенно сильна самодержавием. Русско-византийская цивилизация вошла в стадию «сложного цветения», по мнению Леонтьева, во времена Петра I. Первые признаки перехода в стадию разложения, как считает Леонтьев,

появились во времена Александра I. Николай I сумел затормозить этот переход, однако с приходом на царский престол Александра II процесс энтропии в русском обществе возобновился.

Положение 8. Капитализм и социализм — две стороны «одной медали»

Леонтьев обращает внимание на то, что источником социальной энтропии выступает *капитализм*, который утвердился в Европе после буржуазных революций, а в России он стал утверждаться в ходе реформ Александра II. Леонтьев не дает развернутого определения капитализма, но по отдельным его замечаниям можно понять, что это общество, в котором произошла ликвидация сословных перегородок, при этом капитал приобрел «большую подвижность». Возникли, как говорит Леонтьев, «эгалитарные процессы», то есть процессы смешения и выравнивания. Смесительное выравнивание проявляется в том, что происходит «перемалывание» представителей разных сословий традиционного общества и превращение их в серую массу наемных работников. Социально-культурная картина общества максимально упрощается: подавляющая часть этого общества – наемные работники, им противостоит небольшая кучка хозяев капитала. Но все они по своему духу – буржуа, даже если у наемного работника нет ничего за душой. 90 процентов членов капиталистического обще-

ства – буржуа, не по социально-экономическому признаку, а по признаку духовно-ценностному. Все они мечтают стать буржуа, все они приземленные материалисты. Недаром одна из работ Леонтьева названа «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения». Под «средним европейцем» он разумел буржуа, который не трудится, но потребляет. Кстати, и в современной России наши руководители пытались до последнего времени вдохновлять народ неким идеалом «среднего класса». Этот идеал конца XX – начала XXI века очень похож на «среднего европейца» К. Леонтьева.

Уже на ранней стадии своего развития капитализм обострил многие противоречия общества и стимулировал появление социалистических идей. *Социализм* стал превращаться в политическое движение. Социализм появился в России. Леонтьев сразу же обратил внимание на то, что социализм (по крайней мере, социализм XIX века) – не только порождение, но и продолжение капитализма. Социализм и капитализм – лишь разные формы проявления «экономического материализма», они возникают на стадии умирания общества. Соответственно у Леонтьева было *одинаково негативное отношение к капитализму и социализму*. Правда, позднее он предложил свой вариант социализма, который называл «самодержавным», «монархическим», «феодалным». Этот проект со-

циализма не предполагал каких-либо изменений в духовно-религиозной жизни русского общества, а предусматривал усиление роли самодержавного государства в управлении социально-экономическими процессами в стране.

**Положение 9. Экономика
не может быть доминирующей сферой
общественной жизни и определяющей
частью цивилизации**

В условиях доминирующей в конце XIX века идеологии «экономического материализма», которая находила свое отражение в различных буржуазных и социалистических теориях, тезис об определяющей роли экономики в обществе и истории стал почти аксиомой. Леонтьев категорически выступал против такой «аксиомы». Он придерживался той точки зрения, что экономика занимает подчиненное место по отношению к культуре, государству, религии. Хотя я обещал воздерживаться от цитирования Леонтьева, в данном случае нарушу свое обещание и приведу очень выразительную фразу Константина Николаевича. Он считал, что экономика в жизни общества **«то же, что пищеварение в теле; и без пищеварения нельзя; но никто не считает пищеварение отправлением высшим»**, и нельзя **«ставить монументы за ловкую торговлю»** («Г-н Катков и его враги на празднике Пушкина»).

Положение 10. Появление социологической науки – признак умирания общества

Социология – одна из форм самопознания общества. Леонтьев обращает внимание на то, что внимание к развитию общественных наук появляется у людей и политиков тогда, когда цивилизация вступает в стадию упрощения и распада. Тут полная аналогия с человеком и медициной: человек начинает активно интересоваться медицинской наукой во второй половине своей жизни, когда он вступает в фазу незаметного умирания, особенно когда у него возникают серьезные болезни.

Положение 11. Боль как понятие натуралистической социологии Леонтьева

Будучи по образованию медиком, Леонтьев оснащает свою социологию некоторыми понятиями, которые до него никто не использовал. Например, сравнивая общество с живым организмом, он вводит понятие «боль». Конечно, никакими инструментами эту социальную «боль» не зафиксируешь, это очень субъективное понятие. Однако оно помогает Леонтьеву лучше описать состояние общества и его динамику. Впрочем, Леонтьев полагает, что «боль» существует на всех трех стадиях развития цивилизации, без нее нет живого общества. Кстати, Леонтьев, имея особую способность чувствовать

социальный мир, чуть ли не физически ощущал те моменты в истории человечества, когда боль была особенно острой. Будучи врачом по образованию, Леонтьев подчеркивал, что боль неизбежна и необходима обществу.

Положение 12. Страх как главная скрепа общества и двигатель истории

Социальную жизнь невозможно также понять без такой ключевой для Леонтьева категории, как «*страх*». Здесь Леонтьев выступает оппонентом русским философам, особенно славянофилам, которые считали, что общественная жизнь должна выстраиваться на базе любви. Леонтьев полагает, что славянофилы – фантазеры и мечтатели. Любовь – недостижимое состояние для обычного человека. В крайнем случае, он допускает любовь биологического происхождения (любовь матери к ребенку). Настоящая, высшая любовь духовного свойства доступна лишь единицам, монахам, да и то не далеко не всем. Страх и только страх – скрепа общества. Хороши те правители, которые это усвоили и используют в своей политике. Леонтьев признает, что есть два вида страха:

- а) страх человека перед другим человеком, другими людьми, начальником, хозяином, царем;
- б) страх перед Богом.

По мнению Леонтьева, желательно, чтобы в обществе было больше страха перед Богом, а не

перед людьми. Страх Божий – основа крепости государства. Именно поэтому, по мнению Леонтьева, русское самодержавие отличалось большой крепостью. С данным положением Леонтьева трудно не согласиться, но оно явно не укладывается в прокрустово ложе «натуралистической» социологии Леонтьева. «Натуралист» Леонтьев время от времени вынужден апеллировать к духовной сфере жизни человека и общества.

Положение 13. Невозможность построения «рая на земле».

Вред «научных» версий ереси хилиазма

Леонтьев подвергает резкой критике почти все существующие социологические воззрения и школы за то, что они исходят из посылки, что земная история человечества не имеет конца. Отсюда рождается *ни на чем не основанный оптимизм и вера в возможность построения «светлого будущего», «рая на земле»*. Это очень опасное заблуждение, разновидность религиозной веры. Оно, во-первых, противоречит законам природы, «органического развития». Во-вторых, находится в прямом противоречии с положениями христианства, Священного Писания о конечности земного мира и земной истории. Православная Церковь на протяжении многих веков последовательно боролась с *ересью хилиазма* – верой в возможность существования Царства Божьего на земле (условно – в течение тысячи лет). Следстви-

ем подобного научно-социологического обмана (*научно-социологического хилиазма*), по мнению Леонтьева, является неправильная государственная политика и неправильное выстраивание жизни на уровне семьи и отдельно взятого человека. Чем больше общество секуляризируется, тем больше иллюзий, тем больше ошибок. Здесь Леонтьев останавливается, поскольку более глубокий анализ последствий таких ошибок выходит за рамки «натуралистической» социологии Леонтьева. Об этом лучше могут сказать богословы, а Леонтьев богословом себя не считал.

**Положение 14. Критика
Леонтьевым ключевых понятий
научно-социологического хилиазма (прогресс,
равенство, демократия, социализма и т.п.)**

Какое прикладное значение может играть социология Леонтьева? Прежде всего, она избавляет людей от многих иллюзий. Основными такими иллюзиями и обманами, которые в обществе XIX века насаждались официальной наукой, политиками, средствами массовой информации, литераторами, были такие «маяки», как *социализм, прогресс, либерализм, эгалитаризм (идеология равенства), демократия, технические достижения, конституция, «правовое государство»* и т.п. Леонтьев подробно разъясняет, что стоит за каждым из этих понятий. А стоит за всеми этими «маяками» упрощение, разложение, смерть.

Среди перечисленных выше ложных «маяков» Леонтьев особо выделяет либерализм.

Положение 15. Либерализм – вирус разложения общества

Теме либерализма у Леонтьева уделяется особое внимание (чуть ли не половина всего им написанного). Либерализм Леонтьев рассматривает в самом широком смысле этого слова. Либерализм – многоголовая гидра, причем отдельные головы порой не имеют видимой связи с самой гидрой либерализма. Либерализм проникает во все поры и клетки общественного организма, используя для этого такие институты, как школа, культура, наука, средства массовой информации и даже официальная религия. Активная экспансия либерализма в немалой степени объясняется тем, что он «освящается» официальной наукой. Сама по себе наука в эпоху победы буржуазных революций приобретает признаки религии, замещая и вытесняя из жизни человека Бога и Церковь. Точно так же и либерализм становится неофициальной религией. Делается все возможное для того, чтобы «средний европеец» воспринимал догматы либерализма не как религию, а как продукт «позитивного знания». Важнейшими догматами либерализма являются положения:

а) о бесконечности земной истории, о возможности построения рая на земле, о первенстве науки над религией;

б) о гуманизме (человек становится на место Бога и становится объектом поклонения);

в) о демократии (как высшей форме политической организации общества по отношению к монархии и другим формам);

г) о первенстве права над моралью и религиозным нормам («правовое государство») и т.д.

Эти и другие «догматы» либерализма «открываются» и «обосновываются» «наукой». Прежде всего – социальными «науками» типа философии, истории, социологии, экономики. Но в XIX веке на религию либерализма стали работать и «науки» естественные. Достаточно вспомнить «теорию происхождения человека», которая формально возникла в недрах биологического знания. Став служанками либерализма, науки естественные стали превращаться в науки «противоестественные». Леонтьев не раз показывает свое скептическое, даже остро критическое отношение к тогдашней официальной науке.

Следует отметить еще одну особенность либерализма. Он похож на яд, который действует постепенно, его влияние растянуто во времени. Догматы либерализма на самом деле никакие не догматы (догматы вечны), а некие «бабочки-однодневки», сменяющие друг друга. Тактика либерализма такова, чтобы люди не отвергали его «догматы», а принимали как «естественные», «полезные» и даже «приятные». Но в последние времена, как отмечает Леонтьев, либерализм,

окончательно отравив и подчинив себе человека, сбросит свои маски. Люди увидят, что за этими масками скрывается сатанизм. Либералы всех мастей и времен – предтечи антихриста.

Положение 16. Технический прогресс как форма религиозной веры

Одной из наиболее крупных голов гидры либерализма, по мнению Леонтьева, является технический прогресс. Вернее, не сам технический прогресс, а вера в его безграничные возможности. Леонтьев жил как раз в то время, когда мир начал покрываться сетью железных дорог, быстро развивалось телеграфное сообщение, появился телефон, в разных отраслях промышленности повсеместно начинали использоваться паровые машины, появились первые двигатели внутреннего сгорания и первые электрические двигатели. Улицы и дома стали освещаться электричеством и т.п. Технический прогресс второй половины XIX века резко активизировал веру людей в то, что с его помощью можно будет построить рай земной на земле. Возникла «технократическая» версия ереси хилиазма. Подобного рода надежды Леонтьев характеризует как религиозную веру. Он, в частности, в своей работе «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» анализирует взгляды английского экономиста Джона Стюарта Милля на технический прогресс, называя их «верой», не имеющей никаких рациональ-

ных объяснений. Леонтьев иронично отмечает: «Милль говорит там и сям, что в прогресс нельзя не верить. И мы, правда, верим в него; нельзя не верить в воспаление, когда пульс и жар, и даже движения судорог сильны, и сам человек слаб...». В этой фразе Леонтьев показывает, что этот самый прогресс не делает даже современного ему человека счастливым и более обеспеченным. В упомянутой работе Леонтьева мы встречаем такие выражения: «бешенство бесплодных сообщений, которое овладело европейцами», «воспалительное, горячее кровообращение дорог, телеграфов, пароходов, агрономических завоеваний, утилитарных путешествий» и т.п.

Впрочем, кроме технического прогресса Леонтьев рассматривал и *другие виды прогресса: научный, экономический*. Последние виды мало чем отличаются от технического прогресса, так как также опираются на иррациональную веру в их способность преобразовать общество. Это дополнительные головы гидры либерализма. Для нас сегодня, в XXI веке, особенно актуален феномен веры в экономический прогресс. Часто эта вера облекается в популярные теории экономического роста.

Положение 17. Разрушительный характер научного, технического, промышленного, экономического прогресса

Описание Леонтьевым различных видов прогресса не ограничивается выводом, что все эти

прогрессы становятся предметом религиозной веры человека, который отошел от христианства. Другим, не менее важным, является вывод об их разрушительном характере. Разрушительное действие этих прогрессов объясняется тем, что имеет место гипертрофированное развитие научной деятельности, техники и промышленности. Это развитие выходит далеко за пределы реальных потребностей общества. Прогресс ориентирован на удовлетворение преимущественно ложных и избыточных потребностей. Негативные, разрушительные последствия научно-технического и промышленно-экономического прогресса нарастают быстрее, чем происходит удовлетворение жизненно необходимых потребностей человека. Таким образом, происходит ускорение всех видов прогресса на фоне деградации человека. К. Леонтьев прекрасно показывает, что человек, который не понимает смысла жизни и истинных своих потребностей, становится жертвой так называемого прогресса. К. Н. Леонтьев одним из первых не только в России, но и в мире показал неизбежность экологического кризиса. В этом отношении очень показательна статья Леонтьева «Епископ Никанор о вреде железных дорог, пара и вообще об опасностях слишком быстрого движения жизни» (1886). В ней он показал, каким образом технический и промышленный прогресс делают человека заложником этого прогресса, заставляя его расширять постоянно

все виды производств, которые бы обеспечивали новые виды техники. При этом возникают такие последствия, которые затрагивают как живущих в данный момент людей, так и будущие поколения. Конкретно Леонтьев говорит об исчерпании невозпроизводимых природных ресурсов, истощении почв, уничтожении многих видов и животных, загрязнении окружающей среды (особенно в городах). Особое внимание Леонтьев как эстет обращает на то, что уничтожается красота природы и всего мира. Конечной жертвой всех видов прогресса оказывается сам человек (разрушение не только его физического тела, но также духовного начала). Прогрессу (как его понимают либералы) Леонтьев противопоставляет *«органическое развитие»*.

**Положение 18. Государство
как центральная категория
«натуралистической социологии» Леонтьева**

В центре «натуралистической социологии» Леонтьева находится государство, государственная власть (хотя в его метафизической иерархии это второй уровень после Бога). Оригинален «натуралистический» подход Леонтьева к объяснению и описанию государства. В природе организмы обладают индивидуальностью, которая удерживается «в форме» до самой смерти. Таковы же и государственные организмы. Идея государства, считал Леонтьев, заключена в его *фор-*

ме. Без формообразующей функции государства общество существовать не может, оно неизбежно «расползется», «растечется», развалится, начнется анархия. *«Форма есть деспотизм внутренней идеи, не дающий материи разбежаться»*. Эта мысль выделена курсивом в работе «Византизм и славянство». Отталкиваясь от этого постулата, Леонтьев постоянно ищет пути и способы укрепления государства, в первую очередь Российского. По Леонтьеву, государство не только может, но обязано быть деспотическим. Сантименты в области государственного строительства недопустимы. Особенно в России с ее монархическими традициями недопустимы никакие либеральные идеи типа «правового государства», «парламентаризма», «конституции», «конституционной монархии» и т.п.

Государство рассматривалось Леонтьевым не только как *организм*, но и как *машина*, сделанная людьми «полусознательно». Такое понимание государства важно, поскольку определяло допустимые границы государственных реформ. Реформировать можно лишь механизмы государственного управления, «механическую» часть государства. А вот в «органические» части государства с реформами лучше не лезть, можно обрушить все государство и вызвать социальный хаос. Таким грубым и опасным «реформаторством» Леонтьев, в частности, считал требования либералов преобразовать русское

самодержавие в конституционную монархию по типу английской. Леонтьев не был абсолютным реакционером (скажем, по типу К. П. Победоносцева), поскольку не только допускал государственные реформы, но даже считал их жизненно необходимыми. Правильнее его называть конструктивным консерватором.

Положение 19. Ослабление религиозного начала и усиление национализма как проявление социальной энтропии

Леонтьев обращает внимание на то, что по мере секуляризации общества (а это, с его точки зрения, яркое проявление социальной энтропии) скрепы общества ослабевают. Религиозные скрепы во все большей степени начинают замещаться скрепами, основанными на крови, племенных связях. Леонтьев констатирует усиление *националистических процессов* в обществе, а их последствия оценивает негативно. Он доказывает, что национализм, в конечном счете, усиливает эгалитарно-либеральные процессы в той же Европе, ускоряя ее «закат». С позиций своей социологии Леонтьев выступал против ложной и опасной идеи панславизма (объединение славянских народов в единую федерацию под эгидой России), которая была популярна в русском обществе. Леонтьев предсказывал усиление племенных начал в Германии, предсказывая появление там национал-социализма (хотя такого термина он не использовал).

**Положение 20. «Подмораживание»
процессов социальной энтропии.
«Монархический социализм»**

Социология Леонтьева достаточно пессимистична и противоречива. Веет неким *духом фатализма*. Леонтьев сам это чувствует и ищет пути выхода из тупика. По большому счету, все, что ему удалось придумать, – организовать торможение (по выражению Леонтьева, – «*подмораживание*») процесса социальной энтропии. Применительно к российской действительности инструментом такого «подмораживания» может и должно стать государство. Причем только самодержавное государство, не ослабленное конституцией. В результате у Леонтьева, яркого противника социализма, в его практических предложениях по спасению русско-византийской цивилизации появляется идея «*монархического социализма*». Здесь Леонтьев делает попытку увязать социализм и монархию. Впрочем, социализм в этих построениях не является самодовлеющей цивилизацией. Он выступает лишь в качестве социально-экономической политики русского самодержавия в рамках русско-византийской цивилизации. Леонтьев предупреждал, что если в России не удастся реализовать проект монархического социализма, то ее может захлестнуть «пугачевщина». В России может установиться жесткий вариант материалистического социализма, основанного на рабском труде.

Положение 21. Сословность как условие устойчивости общества

Сословность у Леонтьева – такое же важное условие устойчивости общества, как крепкая государственная власть, основанная на самодержавии. Под сословностью он понимал деление общества на отдельные группы. Каждая социальная группа отличается от другой правами и обязанностями ее членов. Права и обязанности относятся к сфере имущественных отношений, участию в политической жизни, военной службе и т.д. Сословность является средством защиты против социального смещения и последующего упрощения социальной структуры общества. Применительно к России Леонтьев выступает за сохранение таких сословий, как крестьянство, дворянство, духовенство, купечество, прочее мещанство. В России наступала эпоха капитализма со всеми его «прелестями». Сохранение сословной структуры общества, по Леонтьеву, должно было затормозить «подвижность капитала».

В Европе уничтожение сословий после буржуазных революций привело к тому, что бóльшую часть общества стали составлять так называемые средние европейцы. Он их еще называет «обывателями», «буржуа», «бесцветными личностями». Называя европейца «буржуа», Леонтьев вовсе не обязательно имеет в виду его социально-экономическое положение. Он как будто не замечает, что при капитализме возникли новые сосло-

вия: капиталистическая буржуазия и пролетариат (наемные работники). Для него те и другие составляют единую «серую» массу. Он говорит об ограниченности мировоззрения такого «среднего европейца», его безбожии, примитивном материализме и т.п. Слом сословных перегородок в обществе неизбежно ускоряет процесс эгалитаризма. Лозунги эгалитаризма (равенства) и ликвидации сословий стояли рядом на знамени буржуазной революции. Социалистические революции, как предвидел Леонтьев, сотрут последние различия между остатками традиционных сословий и различия между новыми сословиями капиталистического общества (капиталистическая буржуазия, пролетариат). Он рассматривал это не как достижение, а как величайшую трагедию. Бессословное общество неизбежно войдет в состояние анархии и хаоса. В качестве некоего паллиатива Леонтьев предлагал для России особый тип социализма, в котором будет существовать сословность. Последователи Леонтьева в XX веке трансформировали идею сословности в идею корпоративизма. Примерами государств жестко корпоративного образца в прошлом веке были фашистская Германия, Испания времен Франко (1939–1975), Португалия времен Салазара (1932–1968).

Заключение. Социология Леонтьева и современность

В чистом виде «натуралистической социологии» Леонтьеву создать не удалось. Формаль-

но эта социология, как не раз отмечал сам Леонтьев, никак не противоречит христианству. Но внимательный анализ его работ показывает, что этому мыслителю без учета роли религии и Церкви обойтись никак не удастся. Он и сам признает, например, что скрепы общества крепче в том случае, когда страх Божий преобладает в обществе над страхом перед людьми (фактически – животным страхом). Что *«монархический социализм»* можно реализовать лишь при сильном государстве, а сильного самодержавного государства в Российской империи не может быть без крепкой Восточной Церкви и веры народа. Что принятие конституции в России означало бы утрату сакрального благоговения русского мужика перед царем как помазанником Божиим. В общем, «самодостаточной» «натуралистической социологии» у Леонтьева не получилось. Более того, под конец жизни у Константина Николаевича возникли серьезные сомнения в том, что эстетический критерий является высшим мериллом для оценки социальной жизни. Он стал все чаще признавать приоритет духовно-религиозных критериев и начал.

Наверное, знатоки творчества Леонтьева скажут, что приведенный выше список из двадцати положений его социологии является неполным. И будут правы. Не хотел его расширять. Пусть лучше наши современники читают книги К. Леонтьева. Может быть, поначалу с моей «шпаргалкой».

Социологическое наследие Леонтьева крайне актуально для нас, живущих в XXI веке. За прошедшее после смерти Леонтьева время вышло громадное количество публикаций, посвященных его творчеству с крайне широким спектром оценок. Назову имена только некоторых, наиболее известных современному читателю. Это Л. Тихомиров, Н. Бердяев, о. Иосиф Фудель, В. В. Зеньковский, В. В. Розанов, С. Л. Франк, Д. С. Мережковский и даже А. В. Луначарский. В частности, прав был Н. Бердяев, который в своей известной работе «Константин Леонтьев (Очерк из истории русской религиозной мысли)» отмечал некую фаталистичность, пессимизм и обреченность социологии Леонтьева. Бердяев сравнивал мировоззрение Константина Николаевича с пантеизмом (Бог «растворен» в природе), бесконечно далеким от христианского миропонимания. Впрочем, некоторые православные исследователи полагают, что у Леонтьева не пантеизм, а деизм (Бог создал наш мир, а после этого «дистанцировался» от созданного им мира), что не менее далеко от истинного Православия. Человек в философской конструкции Леонтьева лишен всякой свободы духовного выбора, он фактически заложник и невольник этого материального мира. А идея «Царства Божия», как отмечают некоторые критики православного направления, у Леонтьева вообще оказывается «за кадром» его философских изысканий. Действительно, Бог у

Леонтьева оказывается «за кадром» изысканий, но не «за кадром» его личной жизни. Более того, что касается личной жизни, Бог оказывается в ее центре. Может быть, благодаря этому Леонтьеву так хорошо удается рассмотреть окружающий его физический и социальный мир. Но это особая тема, тема гносеологического метода (метода познания) Леонтьева.

Даже самые непримиримые критики Леонтьева (коих, кстати, немало) вынуждены признать: многие прозрения, предсказания, предчувствия Леонтьева сбылись. Применительно к России это и конституция (которой так боялся Леонтьев), и «русские» революции, и сталинский социализм. Применительно к миру и другим странам – мировая война, германский национал-социализм, дальнейший «закат Европы». Конечно, было бы наивно на этом основании делать вывод, что «натуралистическая социология» Леонтьева может использоваться как универсальное средство для прогнозирования будущего. Думаю, что предсказания Леонтьева оказались достаточно точными не в силу того, что он использовал какую-то теорию, а в первую очередь по причине его сильно развитой интуиции. И это, кстати, важный урок для всех нас, кто воспитан или продолжает воспитываться в духе протестантского рационализма (так, к сожалению, устроена наша система образования). Интуиция – не менее важный инструмент мировосприятия, чем рациональное

познание, основанное на формальной логике. Интуиция – важное свойство русского ума, недоступное европейцу, особенно немцу (у славянофилов это неплохо объяснено). Думаю, что прозорливость Леонтьева имела духовные основания. Все-таки он был христианином, с годами его жизнь становилась все более аскетичной, он общался с монахами сначала с Афона, а потом из Оптиной пустыни, его духовным наставником был Авмросий Оптинский, да и сам Константин Николаевич за несколько месяцев до смерти принял монашеский постриг. Острота его духовного зрения возрастала, он видел «сквозь время». Личность Леонтьева – пример яркого дуализма. В своей личной религиозной жизни для него нет ничего выше Церкви, Священного Писания, святых отцов, церковных догматов, правил, послушания духовному наставнику. В этой личной религиозной жизни для него духовное без всяких оговорок было выше всего земного, включая эстетику. А вот в светской жизни, в писательской деятельности, он давал полную волю своим чувствам, особенно эстетическим, и очень ревниво следил за «чистотой» своей «натуралистической социологии», старался не допускать в своих рассуждениях ссылок на первопричины духовно-религиозные. Впрочем, это ему плохо удавалось. Такие ссылки то и дело встречаются в его произведениях. Полной «сходимости» религиозного и эстетического начал, к большому для Леонтьева

сожалению, не получалось. Лишь в последний год перед смертью наметилось преодоление тяжелого для Константина Николаевича состояния раздвоенности. Справедливости ради надо признать, что такой же раздвоенностью страдали и многие другие мыслители (писатели, философы, ученые), жившие и творившие в России в конце XIX – начале XX века. Такие, например, как Н. Бердяев и С. Булгаков.

Ни в коем случае нельзя абсолютизировать «натуралистическую социологию» Леонтьева, но применять ее можно и нужно. Если не забывать, конечно, что эта социология предназначена для описания и объяснения материальной составляющей общественной жизни. То есть, *прежде всего, экономики*. Признаюсь, не будучи еще знакомым с социологией Леонтьева, я тем не менее для объяснения экономики студентам постоянно прибегал к сравнениям с человеческим организмом. Например, денежное обращение сравнивал с кровообращением, центральный банк – с сердцем, товарно-денежные отношения – с процессами метаболизма (обмена веществ), человека во всем многообразии его экономических функций – с клеточкой организма и т.п. Думаю, что прикладное использование «натуралистической социологии» Леонтьева в целях исследования и преподавания экономики очень перспективно (несмотря на то, что размышления Леонтьева были весьма далеки от предметов экономических).

Нынешние мировые и российские СМИ настойчиво «грузят» нас такими понятиями, как «социальный прогресс», «экономический прогресс», «научно-технический прогресс», «цивилизованный мир», «международное сообщество», «демократия», «либерализм», «общественные идеалы», «мнение науки» и т.п. В том, чтобы наши граждане быстрее и без вопросов «заглатывали» все эти небезопасные для умственного здоровья «конфетки», нашим СМИ очень активно помогает официальная социальная (общественная) наука и система образования. Кстати, Леонтьев еще в 80-е годы XIX века констатировал, что в русские школы пришел материализм и атеизм, учителя фактически готовят будущих революционеров. Он прямо говорил, что лет через двадцать эти дети будут требовать конституции и свергать царя. Интересно, что будут делать лет через двадцать (а может и раньше) наши сегодняшние школьники? – События на Украине подсказывают нам ответ.

В некоторых лукавых понятиях, таких, например, как «демократия» или «либерализм», наши люди уже начали немного разбираться. Как говорится, жизнь подсказала и научила за двадцать лет жизни в «демократической» России в условиях полной «либерализации» экономики и общественного порядка. Но некоторые слова-маяки нам по-прежнему кажутся очень приличными и даже привлекательными. На-

пример, «научно-технический прогресс». А ведь еще в XIX веке Константин Леонтьев показал в целом ряде своих работ, что этот самый «научно-технический прогресс» (НТП) подобен «троянскому коню». Конечно, если над нами взорвут атомную бомбу, мы сразу сумеем оценить все «плюсы» и «минусы» этого самого НТП, но лучше бы к правильным выводам прийти пораньше. Не спешите спорить с ним и со мной по поводу НТП, а лучше почитайте Леонтьева. Уверяю вас, вы о многом задумаетесь. Притом я не призываю во всем соглашаться с Леонтьевым. Я и сам с ним далеко не во всем согласен. Но вот что самое ценное в Леонтьеве: *он заставляет задуматься над тем, что нам до этого казалось «очевидным», «естественным», «доказанным наукой».*

Константин Леонтьев о либерализме и либеральной науке как форме религиозного сознания

Не считая себя обязанным читать все, что пишется нового на свете, находя это не только бесполезным, но и крайне вредным, я даже имею варварскую смелость надеяться, что со временем человечество дойдет рационально и научно до того, до чего, говорят, халиф Омар дошел эмпири-

чески и мистически, то есть до сожигания большинства бесцветных и неоригинальных книг.

К. Леонтьев.

*Средний европеец как идеал
и орудие всемирного разрушения*

К. Леонтьев: либерализм — многоголовая гидра

Хорошо известно, что выдающийся русский мыслитель Константин Николаевич Леонтьев (1831–1861) был консерватором и врагом либерализма. Консерваторов и реакционеров в России было во времена Леонтьева немало. Один Михаил Никифорович Катков (1818–1887), известный русский общественный деятель, публицист и журналист чего стоил! Однако большинство русских реакционеров и консерваторов (Катков тому пример) в основном рассматривали либерализм как политическое явление. Страсти крутились вокруг вопросов реформ всего и вся во времена Александра II. Например, вокруг вопроса, нужна России конституция или не нужна. Или: какая монархия лучше – абсолютная или конституционная? Леонтьев был одним из немногих русских людей, кто рассматривал феномен либерализма в контексте мировой истории и вскрывал глубинные корни этого явления. Нам полезно познакомиться с мыслями Константина Николаевича, ведь мы уже более двадцати лет живем в удушающей атмосфере либе-

рализма, интуитивно отторгаем его, но порой не можем до конца объяснить подобного рода реакцию. У Леонтьева почти каждая работа посвящена критике либерализма, включая такие его знаменитые произведения, как «Византизм и славянство», «Культурный идеал и племенная политика», «Владимир Соловьев против Данилевского», «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения», «Плоды национальных движений на Православном Востоке» и другие. Названия некоторых работ прямо свидетельствуют о том, что они – о либерализме. Например, статьи «О либерализме», «Чем и как наш либерализм вреден?».

Леонтьев убедительно показывает, что либерализм – многоголовая гидра. Отдельные ее головы называются «Прогресс», «Демократия», «Конституция», «Парламентаризм», «Промышленность», «Техника», «Наука», «Равенство», «Справедливость», «Пацифизм», «Образование», «Национализм» и так далее. Многие названия, на первый взгляд, несут большой позитивный смысл и заряд. Что, например, плохого можно усмотреть в науке или образовании, технике и промышленности? Ведь они служат людям, делают их умнее, облегчают им жизнь, способствуют росту их благосостояния. Но, как говорится, «благими намерениями дорога вымощена в ад». Леонтьев из тех немногих людей, которые на веру ничего не принимают, которые к научным

«аксиомам» относятся крайне осторожно, а «догматы» образования ставят под сомнение.

«О либерализме вообще»: десять ключевых положений

Впрочем, пора дать слово самому Константину Николаевичу. Для этого выберем небольшую статью «О либерализме вообще», которая в качестве передовицы была опубликована 10 января 1880 года в малоизвестной газете «Варшавский дневник». Там можно выискать не менее десятка важных и оригинальных мыслей, относящихся к теме либерализма и науки. Сформулирую их и подкреплю цитатами Леонтьева.

1. Вера либералов в прогресс – своеобразная религия, основывающаяся на вере в «светлое будущее». Что-то наподобие Царства Божия, только не на небе, на земле. «...Идеал их все тот же – идеал “постепенного” прогресса, то есть легального шествия к невозможному царству блага и всеобщей правды на земле... Зло так же присуще нравственной природе человека, как боль и страдания его телу. Но вера либералов и мирных прогрессистов слепа». Примечательно, что либералы находятся не только в лагере тех, кого Леонтьев называл «буржуа». Приверженцы идеи социализма еще более фанатично верят в «светлое будущее», которое они называют «коммунизмом». Поэтому социалистов и коммунистов Леонтьев также причисляет к либералам. Хотя социали-

сты и коммунисты второй половины XIX века (в отличие, скажем, от социалистов-утопистов) заявляли о себе как об атеистах (иногда весьма воинствующих), они были в высшей степени религиозными личностями. Впрочем, это подмечали и некоторые другие русские философы и богословы того времени. Достаточно вспомнить работу С. Булгакова, которая называлась «Карл Маркс как религиозный тип» (1906).

2. Слепая вера в прогресс неотъемлема от слепой веры в науку и технику. **Вера в Бога заменяется верой в человеческий разум:** «Излишнее поклонение реальной науке влечет за собою чрезмерные надежды на всемогущество человеческого разума; а если разум всемогущ, то отчего же бы ему не довести людей на земле до возможного совершенства и счастья?» Леонтьев формулирует интересную и очень нестандартную для «просвещенного» общества мысль: человечество может страдать не только от невежества; его страдания от науки и прочих достижений «прогресса» могут быть еще более тяжелыми. Эта мысль перекликается с названием главного произведения А. С. Грибоедова «Горе от ума». Вот, в частности, слова Леонтьева из его работы «Чем и как либерализм наш вреден»: «Все человечество мы от бед не избавим; беды разнородные и неожиданные даже и во всех успехах науки, точно так же как и в невежестве, во всех открытиях, во всех изобретениях, во всех родах учреждений и реформ».

3. Вера в прогресс – именно вера, **никакого рационального объяснения тяга к прогрессу не имеет**. Наши «образованные» круги так же невежественны, как и мужик, идея благотворности прогресса перешла у нашей интеллигенции в прочное убеждение, которое не требует никаких доказательств. «Всякая идея тогда только и господствует, тогда только именно и правит событиями, когда она перешла почти в инстинкт. Умеренный либерализм оттого так и силен в XIX веке, что большинство либеральничает так же полусознательно, как мужик полусознательно крестится и держит посты».

4. Идея прогресса очень влиятельна, так как она захватила бóльшую часть населения. Это важно, что большинство может быть невежественно. Постулат либерализма прост – **«большинство всегда право»**. «“Так думает большинство”... Но большинство есть не что иное, как “собираетельная бездарность”, сказал прекрасно Дж. Ст. Милль, почитаемый сам за прогрессиста». К. Леонтьев не принимал парламентаризма, «правового государства» по многим причинам. В том числе потому, что парламентаризм опирается на мнение большинства. Во-первых, большинство как «собираетельная бездарность» может увести общество не туда. Во-вторых, эту «собираетельную бездарность» можно очень легко обмануть небольшой группе ловких и недобросовестных политиков. Второе может быть еще хуже, чем первое.

5. Шизофреническая раздвоенность – неотъемлемая черта либералов. С одной стороны, они пытаются бороться с отдельными «недостатками» и «причинами». С другой стороны, они ни при каких условиях от прогресса отказываться не собираются. «Иные из них, например, думают, что все было бы хорошо, если б у нас, как везде, была конституция: как будто бы в других странах конституция сделала людей добрее, умнее, честнее, здоровее и сытее!.. Другие жалуются на биржевую игру, на взятки в новой современной форме, на ошибки администрации, на бездеятельность того или другого земства, на “непроизводительные” затраты... на грубое господство денег... На что только не жалуются у нас люди!.. Но скажите этим “мирным” друзьям свободы и равенства, что все эти явления, возмущающие их “легальные” и европейские сердца, суть не что иное, как плоды того “общечеловеческого эмансипационного” прогресса, который они чтут столь ребячески и слепо, – они засмеются над вами или вознегодуют на вас. Они скажут: “Движение назад невозможно”... и успокоятся опять на том же...» Они думают, что введением конституции и «правильных» законов они сумеют изменить ситуацию. Они жалуются на чиновников и коррупцию. Как это похоже на сегодняшнюю нашу имитацию борьбы за наведение порядка в стране! Они даже обличают капитализм с его «грубым господством денег».

Но ничего не помогает. Во-первых, потому что они не видят истинных причин наших бед. Во-вторых, потому что они верят в «царство блага на земле». Эти либералы подобны плохим врачам: «Подобного рода люди (а их, к несчастью, великое множество везде в наше время) похожи на дурно обученных или недобросовестных врачей, которые прижигают, режут и вообще лечат одними наружными средствами, не заботясь о внутреннем худосочии, производящем ужасающие язвы...»

6. Конечно, наставники молодежи, учителя и прочие профессора совершают большой грех, **уничтожая своим материализмом желание молодых людей постигать глубины бытия.** Материализм убивает такое желание на корню. «Наставники юношества, профессора и педагоги продолжают, вероятно, по-прежнему, как ни в чем не бывало и без необходимых оговорок, колеблющих доверие к самим основам человеческой науки, толковать ученикам об этих вещественных атомах, которых, в сущности, вовсе нет и быть не может, и с ранних пор парализуют метафизический полет молодого ума этою проповедью ложной атомистической теории... Но атомистическая теория вещества, предлагаемая не в виде только необходимой для реальных наук метафизической уловки, а в виде чего-то ясного и незыблемого, спускает надолго, если не навсегда, перед мысленными очами молодого человека

точно какую-то завесу, какую-то грубую ткань из маленьких черных точек, за которой он уже ничего далее не видит!»

7. Система образования, основанная на религии материализма, подрывает устои государства. Молодые люди, воспитанные в духе материализма, не смогут быть настоящими гражданами, уважающими государство и служащих государству. «Ибо стоит только юноше сказать себе: “Я не знаю, что такое вещество, и никогда не узнаю здесь на земле”, чтобы шаг за шагом от сомнения в твердости и точности всех научных основ он бы скоро дошел до веры в дух, от веры в дух до веры в личного Бога, от веры в личного Бога до искания форм сношения с Ним, до положительной религии; от положительной религии до живого патриотизма, до “страха Божия”, до любви к предрешающим властям; ибо истинное христианство учит, что какова бы ни была по личным немощам своим земная иерархия, она есть отражение небесной. “И ангелы не равны между собою”, – говорит Церковь...»

8. Леонтьев язвительно и с большой горечью говорит о том, что творится в системе российского образования. «Готовьте! Готовьте, честные граждане, готовьте будущее! Учите детей ваших роптать на власти, учите их тому, что прежде всего надо быть каким-то “честным человеком”, а религию, например, может иметь всякий свою... Учите их не любить никаких край-

ностей, учите набожность звать ханжеством, возмущаться религиозным фанатизмом, преданность службе царской и почтение к начальству считать низкопоклонством... Готовьте, готовьте будущее! Рассылайте поскорей по народным школам анатомические атласы, чтобы крестьянские дети, эти граждане прекрасного грядущего, узнали бы скорей, что души у человека нет нигде, а все одни нервы и нервы... (а если все нервы – то зачем идти на исповедь и слушаться станového?)...» Леонтьев не дожил до трагических событий 1917 года и даже до «русской» революции 1905–1907 годов, но он предчувствовал, что они произойдут. Потому что видел разрушительный процесс в системе образования Российской империи, которая «готовила будущее» России. Леонтьев видел, как под Российскую империю закладывают «мину замедленного действия». Такую же мину в Российской Федерации закладывал министр образования А. Фурсенко, а сейчас его разрушительную работу продолжает Д. Ливанов.

Также Леонтьев показывает, как разрушительный яд либерализма действует в других сферах государственной и общественной жизни Российской империи. Например, **в судебной системе и в литературе**. «В судах по-прежнему старайтесь вести эту наглядную и иллюстрированную “пропаганду свободы”. “Мировые судьи! сажайте в тюрьмы хозяек, обруганных горничными, как

вы сделали с г-жою Энке... Защитники юношей в политических процессах! продолжайте говорить, что русским молодым людям можно потому простить нигилистические заговоры, демонстрации и бунты, что у них нет другой героической поэзии... (как будто не было и нет героической поэзии в наших кавказских битвах, в 12-м году и теперь в Туркестане и Болгарии, под царскими знаменами?!)... Литераторы! пишите, пишите, пишите больше... и все в том же духе! Продолжайте, русские граждане, ваш труд “легального, постепенного и мирного разрушения”...» Как это похоже на сегодняшний день! Судьи выгораживают и казнокрадов (Сердюков, Васильева и прочие kleптоманы из военного ведомства), и наших «борцов за справедливость» с Болотной площади (тот же Навальный, Удальцов. Слава Богу, сейчас их определили в тюрьму). А «русскоязычные» «раскрученные» литераторы типа Акунина оказываются на стороне украинских нацистов.

9. Либералы не похожи на обычных революционеров. Они действуют осторожно, тихо, постепенно. «Надо только, если не вдруг и не насилем, то постепенно устранить все препятствия. Не надо штурма! Штурм нерасчетлив, он пробуждает уснувшую реакцию, а нужен тихий, медленный, но верный подкоп». То, что делают либералы, больше напоминает «тихую», «перманентную» революцию. Деятельность либералов напоминает медленное действие яда.

«Тонкий, медленный, неотразимый яд страшнее железа и огня!» Любимая формула либералов: «Не надо крайностей!» После прихода на трон Александра III либералам «прижали хвост», они стали вдвойне осторожными, иногда даже стали рядиться в тогу «умеренных консерваторов». «Испуганные либералы стали осторожнее, многие из них готовы даже считать себя консерваторами только потому, что они враги преступных крайностей». Леонтьев полагает, что часть либералов – просто люди не очень грамотные, а часть лишь прикрывается либерализмом, являясь откровенными разрушителями. «Повторяем еще: если вы наивны, то вы жалкие люди, глупые люди, презренные люди! Если же вы лукавы, та вы гораздо вреднее и преступнее тех, которых вы сами теперь с испуга соглашаетесь казнить... (речь идет о том, что после убийства Александра II чиновники либерального толка вынуждены были согласиться на одобрение казни цареубийц. – В. К.)». Лично мое мнение, что среди либералов подавляющее количество таких, которых Леонтьев называет «глупыми людьми». Это те, кто, выражаясь словами Леонтьева, «либеральничает полусознательно». Но есть и небольшая кучка либералов, те, кто «лукавы». Тогдашние лукавые либералы были готовы согласиться с казнью нескольких государственных преступников (цареубийц). Сегодняшние либералы и в России и по всему миру готовы убивать и реаль-

но убивают миллионы ни в чем не повинных людей. Сегодня мы хорошо видим это на примере Украины. Впрочем, события на Украине помогают нам быстрее избавляться от навязывавшихся нам иллюзий либерализма. Современные либералы готовы идти на союз с националистами. Сегодняшние либералы – нацисты, расчищающие путь космополитическому капиталу. Мы это прекрасно видим на примере Украины.

Либерализм: сложность средств и простота цели

Дополним мысли Леонтьева о либерализме, прогрессе, науке и образовании из статьи «О либерализме вообще» выдержками из других работ. Возьмем, например, его главное произведение «Византизм и славянство» (1875), где мыслитель сформулировал основные положения своей «натуралистической социологии». Там он впервые предложил универсальную *формулу «органического развития»*, применимую к любому объекту природы (особенно живой, органической природы). Этот объект имеет «жизненный цикл», состоящий из трех фаз: а) становление; б) зрелость; в) постепенное умирание. Формула «органического развития в полной мере применима к любой козявке, животному, растению, человеку, а главное – к обществу. Константин Леонтьев писал о том, что Европа, а за ней Россия и другие страны мира после фазы «цветущей сложно-

сти» (апогей развития цивилизации) начинают вступать в фазу заката, умирания. Это умирание Леонтьев называл «упрощающим смешением». Проявлением этого умирания (социальной энтропии) является либерализм во всех его ипостасях, он расшатывает скрепы общества, упрощает его структуру, усиливает хаос. Итак, там, где либерализм – там неизбежно упрощение, а упрощение приближает общество к гибели. Еще при жизни Леонтьева его критики говорили, что он не прав, что есть тысячи примеров, доказывающих, что жизнь усложняется. Особенно много примеров из науки, техники, экономики. В приведенном ниже фрагменте из книги «Византизм и славянство» Леонтьев отвечает таким критикам: «Сложность машин, сложность администрации, судебных порядков, сложность потребностей в больших городах, сложность действий и влияние газетного и книжного мира, сложность в приемах самой науки – все это не есть опровержение мне. Все это лишь орудия смешения – это исполинская толчея, всех и все толкущая в одной ступе псевдогуманной пошлости и прозы; все это сложный алгебраический прием, стремящийся привести всех и все к одному знаменателю. Приемы эгалитарного прогресса – сложны, но цель груба, проста по мысли, по идеалу, по влиянию. Цель всего – средний человек, буржуа спокойный среди миллионов точно таких же людей, тоже покойных».

О «сложности науки» и «среднем европейце» от «науки»

Обратим особо внимание на упоминание Леонтьева о *сложности в приемах самой науки*. Как это актуально для сегодняшнего дня! Взять, к примеру, так называемую экономическую науку. Она так переусложнена разными формулами, графиками, отвлеченными (абстрактными рассуждениями), что бедный студент уже перестает что-либо понимать. На это все и рассчитано. Леонтьев прямо говорит, что эти «приемы (науки) сложны, но цель груба, проста по мысли, по идеалу, по влиянию. Цель всего – средний человек, буржуа спокойный среди миллионов точно таких же людей, тоже покойных». Погружение бедного студента в эту так называемую экономическую науку приводит его в состояние зомби. Он становится по своему менталитету бесцветным буржуа с очень ограниченным набором интересов, чувств и эмоций. Большая часть его интересов относится к сфере потребления. Леонтьев как бы невзначай таких буржуа называет сначала «спокойными», а второй раз – «покойными». Это не оговорка. Душа таких людей мертва, они «живые покойники». Вспоминается стихотворение Александра Блока «Пляски смерти» (1912), описывающее таких «живых мертвецов», которые обитали в Петербурге и которых Леонтьеву приходилось наблю-

дать еще задолго до Блока. Вот первые строки из этого стихотворения:

Как тяжело мертвецу среди людей
Живым и страстным притворяться!
Но надо, надо в общество втираться,
Скрывая для карьеры лязг костей...

Эти и последующие строки из стихотворения А. Блока – прекрасное дополнение к портрету омерзительной личности либерала, который был создан Леонтьевым в разных его работах. Такого либерала Леонтьев называл по-разному: «буржуа», «обыватель», «средний европеец», «мещанин», «серая личность». Наиболее детально этот портрет прописан Константином Николаевичем в его работе «Средний европеец как идеал и средство всемирного разрушения» (опубликована после смерти Леонтьева, в 1912 г.).

В ряду малопривлекательных типажей либерального лагеря у Леонтьева достаточно часто фигурируют представители интеллигенции, профессора, люди науки. Хоть Леонтьев и не ставит в кавычки слово «профессор» или «ученый», но чувствуется, что Константин Николаевич ко многим представителям этого «профессионального цеха» относится с иронией и сарказмом. Этого человека, выражаясь языком Леонтьева, можно назвать «средним европейцем от науки».

Во многих своих работах Леонтьев отмечает (где намеками, а где прямо), что люди в эпоху заката цивилизации (в той же Европе XIX века) становятся «ученее», но одновременно и... глупее. Вот убийственная для «среднего европейца» фраза из статьи «О либерализме вообще»: «Они не стали ни лучше, ни умнее, ни счастливее!.. Они стали мельче, ничтожнее, бездарнее; ученее в массе, это правда, но зато и глупее».

В работе «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» Леонтьев обращает внимание на то, что большинство так называемых научных книг читать не стоит. От таких книг один только вред: «Не считая себя обязанным читать все, что пишется нового на свете, находя это не только бесполезным, но и крайне вредным, я даже имею варварскую смелость надеяться, что со временем человечество дойдет рационально и научно до того, до чего, говорят, халиф Омар дошел эмпирически и мистически, то есть до сожигания большинства бесцветных и неоригинальных книг. Я ласкаю себя надеждой, что будут учреждены новые общества для очищения умственного воздуха, философско-эстетическая цензура, которая будет охотнее пропускать самую ужасную книгу (ограничивая лишь строго ее распространение), чем бесцветную и бесхарактерную». Что ж, предложение Леонтьева организовать сжигание книг либерального толка не было абсолютно

оригинальным. Такие предложения звучали и от других известных людей России. Так, Грибоедов вкладывает эту идеи в уста своего героя Фамусова: «Уж коли зло пресечь, Забрать все книги бы да сжечь» («Горе от ума»). Не менее выразительна фраза Скалозуба из той же пьесы: «Ученостью меня не обморочишь». Думаю, что эта фраза вполне могла бы послужить эпитафией к ряду работ К. Леонтьева.

Леонтьев постоянно повторяет: есть «ученость», «научность», а есть высший ум, который позволяет видеть весь мир в его целостности, со всеми оттенками, со светом и тенью. Он, в частности, писал, «что уметь видеть мрачную сторону всех этих высокоумий научных есть тоже разум, и даже самого высшего порядка» («Епископ Никанор о вреде железных дорог, пара и вообще об опасностях слишком быстрого движения жизни»). У святых отцов, имевших дар такого разума, это называется «трезвением», «трезвостью» ума. Леонтьев, будучи духовным чадом старца Амвросия Оптинского (канонизированного в лике преподобного в 1988 году), понимал лучше многих других, в чем разница между «научным высокоумием» и «разумом высшего порядка».

«Наука» как религиозная секта

Чтобы было понятно отношение Леонтьева к этой «ученой публике», приведу обширную выдержку из работы Константина Николаевича,

которая называется «О всемирной любви. Речь Ф. М. Достоевского на Пушкинском празднике» (1880): «Итак, испытавши все возможное, даже и горечь социалистического устройства, передовое человечество должно будет неизбежно впасть в глубочайшее разочарование; политическое же состояние общества всегда отзывается и на высшей философии, и на общем, полусознательном, в воздухе бродящем мирозерцании; а философия высшая и философия инстинкта равно отзываются рано или поздно и на самой науке.

Наука поэтому должна будет неизбежно принять тогда более разочарованный, пессимистический, как я сказал, характер. И вот где ее примирение с положительной религией, вот где ее теоретический триумф: в сознании своего практического бессилия, в мужественном покаянии и смирении перед могуществом и правотою сердечной мистики и веры.

Вот о чем славянам не мешало бы позаботиться! Это не противоречит прогрессу; напротив, если понимать прогресс мысли не в духе непременно приятно-эгалитарном и любезно-демократическом, а в значении усовершенствования самой только мысли, то такое строгое и бесстрашное отношение науки к жизни земной должно быть признано за огромный шаг вперед... “Ищите утешения в чем хотите; я Бога не навязываю вам — это не мое дело, — я только говорю вам: не ищите утешения в моих прежних ра-

дикально-благотворительных претензиях, столь глупо волновавших прошедший XIX век. Я могу помогать вам только паллиативно». Вот что бы должна говорить наука!»

Блестящая и очень остроумная характеристика той науки, которая преобладала в России. Особенно, конечно, оценки Леонтьева относятся к общественной науке, социологии. Почему-то, говоря о причинах «русских» революций начала прошлого века, вовлечения Российской империи в бойню Первой мировой войны, мы крайне редко вспоминаем о той российской социальной «науке», которая внесла свой весомый вклад в эти трагические события. Впрочем, не без помощи системы образования, через которую идеи этой «науки» продвигались в народ (прошу прощения у читателя, не могу не ставить в данном контексте слово «наука» в кавычки).

И здесь Леонтьев в очередной раз подчеркивает, что современная ему наука имеет **признаки религии**. Точнее, это **религиозная секта**, обладающая большим разрушительным потенциалом. Как ей не быть религией, если она основана на вере «в разум собирательного человечества, долженствующий рано или поздно создать рай на земле»! Наука пришла на смену христианству, многие его адепты уповали на изменение человека в лучшую сторону. Предполагалось, что таким образом произойдет и улучшение самого общества. Рано или поздно наступит рай на зем-

ле. В истории Церкви это была *ересь хилиазма* (впрочем, почему *была*, эта ересь крайне распространена и сегодня). Однако царства Божия на земле еретики не дождались. И тогда люди свои надежды и взоры обратили в сторону науки. Номинальные члены Церкви отвернулись от христианства, потому что ожидали, что через него они обретут рай на земле. Эта страшная ересь закончилась безбожием, вернее, сменой бога: вместо Христа люди стали поклоняться неведомому богу по имени «наука».

Один из догматов безбожной социологии: наука призвана начать с изменения условий жизни людей. Тогда «сердца поневоле привыкнут к добру, когда зло невозможно будет делать». Наука должна заботиться об изменении одновременно и физических условий жизни человека, и его социальной среды. Первую задачу решают естественные науки, вторую – общественные (социальные). Наука (чистый разум) страдает «утилитарной и оптимистической тенденциозностью, которая сквозит у большинства современных ученых». В этом, по мнению Леонтьева, заключается крайне негативная, разрушительная роль науки, которая сеет в обществе опасные иллюзии.

Российская интеллигенция как вирус социального разложения

Леонтьев, который на несколько десятков лет раньше О. Шпенглера заметил признаки «заката

Европы», предупредил, что такая же судьба может постигнуть Россию. Главная угроза для России XIX века, по мнению Константина Николаевича, исходила от «образованных слоев» русского общества. Их в то время уже было принято величать «интеллигенцией». Само слово, появившееся в России в середине XIX века, уже содержало в себе гипнотический эффект. По умолчанию все соглашались, что этот слой общества (или «прослойка», как говорили марксисты) умнее всех остальных. Большинство должно смотреть в рот интеллигенции и ловить каждое ее слово. Согласно неписаным законам, интеллигенция в России получила статус «учителей», «законников», «книжников», имеющих право (и даже обязанных) учить «невежд», то есть простой народ. Формально Леонтьев сам принадлежал к этому слою «интеллигенции» и прекрасно знал изнутри, чем живет и дышит «умственная часть» общества. Об этом он пишет во многих своих статьях. Возьмем, например, его публикацию 1882 года «Православие и католицизм в Польше».

Во-первых, он вынужден признать: «Национальные свойства великорусского племени в последнее время стали если не окончательно дурны, то, по крайней мере, сомнительны». Леонтьев особо подчеркивает, что деградация великорусского племени проявляется прежде всего в его заражении духом либерализма. Примечательно, что эта либеральная деградация в среде велико-

русского народа происходит гораздо быстрее, чем среди национальных племен на окраинах Российской империи: «В каком именно племени, из всех племен, подвластных русской короне, нигилизм и потворствующее ему умеренное либеральничание распространены сильнее всего? В нашем великорусском племени... Из самого великорусского племени, бывшего так долго ядром объединения и опорой созидания, государству нашему исходит теперь расстройство...»

Во-вторых, Леонтьев, констатирует особую роль интеллигенции в жизни народа любой страны: «Народ рано или поздно везде идет за интеллигенцией». Из этого он заключает, что главным виновником деградации «великорусского племени» является российская интеллигенция, которая занимается умственным и духовным развращением народа. Прежде всего это интеллигенция столичных городов – Петербурга в первую очередь и Москвы во вторую.

В-третьих, Леонтьев раскрывает основные свойства российской интеллигенции: «Интеллигенция русская стала слишком либеральная, то есть пуста, отрицательна, беспринципна. Сверх того, она мало национальна именно там, где следует быть национальной. Творчества своего у нее нет: своей мысли, своего стиля, своего быта и окраски». Кстати скажу, что в других своих работах Леонтьев приводит и другие свойства русской интеллигенции. Например, в статье «А. И.

Кошелев и община в московском журнале “Русская мысль”» Леонтьев обращает внимание на «интеллигентный индивидуализм», который «в разнородной совокупности своей еще несравненно сильнее», чем индивидуализм в других слоях общества. Одним из проявлений «интеллигентного индивидуализма» является то, что каждый представитель «умной» касты слишком высокого о себе мнения, он не может допустить, чтобы кто-то был более прав, чем он. Создается видимость большого количества мнений, интеллектуального «плюрализма». Однако из всего многообразия особенностей российской интеллигенции Леонтьев главной полагает все-таки патологическую склонность к либерализму. За внешней пестротой интеллектуального «плюрализма» скрывается одна и та же однообразная либеральная серость. В той же статье «А. И. Кошелев и община...» Константин Николаевич подчеркивает: «Как бы ни разрознена в своих интересах эта интеллигенция наша и как ни разнообразны в ней оттенки личных мнений – есть нечто преобладающее в ней до подавляющего большинства, это вера в либеральный общечеловеческий прогресс».

В-четвертых, Леонтьев высказывает парадоксальную мысль: главную угрозу Российской империи несут не национальные окраины, где распространен ислам и буддизм, а именно «великорусское ядро». Почему? Потому, что «ядро» уже заражено либерализмом, а у националь-

ных окраин иммунитет к либерализму оказался сильнее: «Либерализм вышел именно из христианских стран, как антитеза духовному, аскетическому, стеснительному христианству, а не из гор Кавказа или Мекки. К мусульманским народам либерализм прививается трудно». Более того, возникает опасная причинно-следственная связь: столичная интеллигенция Российской империи на «научной основе» развращает «великорусское ядро», а номинально «православный» народ может, в свою очередь, заразить вирусом либерализма и «прогресса» национальные окраины Российской империи: «Не православие предлагает нынче великорусское “ядро” своим пестрым иноверным окраинам, как предлагало оно татарам при Иоаннах, – а европейский прогресс самого разлагающего свойства. Мы, русские, более всех иных русских подданных, европейцы в худом значении этого слова, то есть медленные разрушители всего исторического и у себя, и у других...»

В-пятых, Леонтьев отмечает тенденцию: российская интеллигенция будет и дальше умственно и духовно деградировать, все более приближаясь к интеллигенции европейской: «Русская интеллигенция так создана, что она чем дальше, тем бесцветнее; чем дальше, тем сходнее с любой европейской интеллигенцией». Леонтьев в целом ряде своих работ отмечал, что Европа с конца XVIII века окончательно вошла в

фазу «заката» и что главным «двигателем» этого процесса была европейская интеллигенция. Особенно развернуто эти мысли изложены в работе «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения». Для Леонтьева европейская интеллигенция – наглядное пособие, эталон духовной пустоты и глупости.

Интеллигенция как всеядный страус

Причиной быстрой нивелировки российской и европейской интеллигенции Леонтьев называет то, что первая почти исключительно «питается» идеями поздней западной философии, науки, культуры. В упомянутой выше статье «Православие и католицизм в Польше» Леонтьев сравнивает российскую интеллигенцию с неразборчивым страусом: «...она без разбора как огромный и простодушный страус глотает все: камни, стекла побитые, обломки медных замков (лишь бы эти стекла и замки были западной фабрики). – Страус не может понять, что стекло режет желудок и что медь, окислившись, отравит его. Русская интеллигенция не в силах различать стекла и меди от настоящей пищи. Она жрет что попало и радуется. Строгое, осмысленное православие, простое сердцем и мудрое разумом, стало слабо у этого страуса. Окисленная медь европейского либерализма уже давно отравила его, его давно уже несет космополитическим флюксом, а он все еще наивно глядит вокруг и

только ищет, нет ли еще где чего-нибудь такого же, только покрепче?»

Уничтожающая характеристика российской интеллигенции! Леонтьеву требовалось немалое мужество для того, чтобы выдавать подобные «диагнозы». Те же самые «образованные круги» Петербурга и Москвы пытались его осмеивать, называли ретроградом, «пещерным» консерватором, «мракобесом». Обвиняли в недостаточной «научности», «академичности», «отсталости». Константин Николаевич всегда находил очень остроумные, лаконичные, а главное, глубокие ответы на выпады подобного рода. Например, обвинение в «отсталости» он парирует словами: «Отчего отсталость? Не от проклятой ли Европы этой, стремящейся в бездну саморазрушения еще с конца XVIII века?..» Опасаясь вступить в спор с Леонтьевым, представители «умственной» касты, отечественные «законники» и «книжники», чаще всего выбирали такой проверенный способ, как замалчивание.

С большой сердечной болью Леонтьев констатировал, что под влияние европейского либерализма попадали иногда лучшие умы России, которых никак нельзя причислить к серой и бесцветной массе «интеллигенции». Даже славянофилы: «Даже настоящее, глубокомысленное славянофильство переварилось в слабом мозгу огромного страуса в самый простой и грубый европейского стиля эмансипационный пансла-

визм. Пышные перья хомяковской своеобразной культуры разлетелись в прах туда и сюда при встрече с жизнью, и осталась, вместо нарядной птицы, какая-то очень большая, но куца и серая индюшка, которая жалобно клохчет, что ей плохо, и не знает, что делать... Такова интеллигенция наша, взятая как всецелое, как социологическая единица».

Нашу российскую либеральную интеллигенцию начала XXI века можно еще с бóльшим основанием сравнить с глупыми и всеядными страусами. Чем либеральные страусы питаются сегодня? За всех либеральных страусов говорить не хочу. Изредка вижу лишь птичек из питомника под названием «экономическая наука». В этом питомнике есть разные вольеры, тамошние птицы всеядны, но явно предпочитают импортный мусор. А вот в вольере с табличкой «ВШЭ» (Высшая школа экономики) птички могут жить исключительно за счет привозной помойки. Это привилегированная порода, они принципиально местный мусор не глотают. Впрочем, сегодня разницы между своим и привозным мусором уже почти нет. Наши умельцы-либералы научились подделывать так, что свое не отличишь от привозного. Этот мусор называется «монетаризмом», «экономическим либерализмом», «эконометрикой», «макроэкономикой», «микроэкономикой», «институционализмом» и прочими несъедобными названиями, перевести которые

на русский язык просто невозможно. Уже не приходится говорить, что все эти птицы страдают хроническим *космополитическим флуксом*. Поэтому, если вы хотите, например, посетить вольер ВШЭ, то лучше взять с собой противогаз.

Социология Христа и социология смерти

Политическое, психологическое и моральное состояние общества очень сильно влияет на мировоззрение общества, философов. А философия, в свою очередь, рано или поздно влияет на науку. Именно таковы причинно-следственные связи – отнюдь не наука и не научные идеи определяют вектор социального развития людей. В этой связи Леонтьев особенной критике подвергал взгляды английского историка и социолога-позитивиста Генри Бокля (1821–1862), который утверждал, что в зрелом обществе вектор развития общества формируется в результате *«борьбы идей»*. За социалистическим «экспериментом», который Леонтьев считал почти неизбежным (хотя и старался всячески его избежать), неизбежно последует разочарование, уныние, пессимизм. Этот пессимизм отразится на философии. Леонтьев надеялся, что в конечном счете это приведет к отрезвлению и людей, а заодно и социологии с ее необоснованными претензиями на способность сделать все человечество счастливым.

«Человечество есть явление живое и органическое... ему должен настать когда-нибудь ко-

нец». Зачем же нам мечтать о благе правнуков, когда мы своим разумом не можем успокоить даже своих сынов и дочерей? Великие умы и целые нации ошибаются. Что толку заботиться обо всем человечестве, не только будущем, но даже сегодняшнем. Мы можем заботиться только о ближайших делах и только о ближних людях, именно о ближних. Вот эти постулаты и должны лечь в основу реальной науки, а не той «сладенькой» науки, которую мы имеем сегодня. Наука не может предложить человечеству радикальные средства решения проблем этой земной жизни. Она может помогать человечеству лишь *паллиативно*. То есть смягчать остроту проблем и порождаемой этими проблемами боли. Правильно говорили святые отцы, что на земле нельзя построить рай, главное – не допустить здесь ада.

Знание и незнание в обществе и истории

Мы уже не раз отмечали парадоксальность и нестандартность взглядов Леонтьева. Господствовавшая в XIX веке фетишизация науки подвергалась Леонтьевым всесторонней критике. Мы уже рассмотрели некоторые аспекты этой критики. Но вот еще один аспект. Уже упомянутый выше английский социолог Бокль формулировал главный догмат своей научной теории следующим образом: «Умственные истины составляют причину развития цивилизации» (Леонтьев приводит эту формулу). Мало кто осмеливался

ставить под сомнение данное положение. А Леонтьев осмелился. Как человек с развитым эстетическим чувством, Константин Николаевич весь мир, включая общество, воспринимал как сочетание контрастов, противоположностей, полюсов. Умственные истины, или знание (полученное с помощью науки или иным способом), – лишь одна сторона медали. Другой стороной медали, по мнению Леонтьева, является незнание. Леонтьев рассуждает следующим образом: если допустить, что действительно Бокль прав и общество развивается под влиянием знания («умственных истин»), то тогда надо признать, что оно развивается и под влиянием незнания. Подобно тому, как движение электрического двигателя происходит с помощью электричества, у источника которого есть полюс «плюс» и полюс «минус». При этом знание и незнание могут быть распределены в обществе между его слоями в разной пропорции – в зависимости от страны и эпохи. Разум отдельно взятого человека также может представлять собой комбинацию знания и незнания. Незнание, по Леонтьеву, может быть не менее полезно, чем знание. В работе «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» он заключает: «Незнание дает свои полезные для развития результаты, знание – свои; вот и все». Далее он разъясняет, что знание помогает незнанию, а незнание – знанию: «...незнание предков и более современных нам простолюдинов способствует

движению науки, развитию знания у людей ученых, знающих». Чуть ниже: «...незнание есть состояние разума; незнание значит малое накопление фактов для обобщения и выводов. Это есть отрицательное состояние разума, дающее однако положительные плоды, не только нравственные, – в этом никто не сомневается, – но и прямо умственные же... И в среде образованной именно какое-то частное незнание нередко наводит мыслящих людей на новые и блестящие мысли. Это факт всеми, кажется, признанный». Те примеры, которые Леонтьев приводит, раскрывая диалектику «знания – незнания», показывают, что, скорее, у Леонтьева речь идет не об абсолютном незнании, а о знании, не относящемся к категории «научного». Леонтьев его никак не называет. Но по смыслу это «естественное», «природное», «народное» знание, основывающееся на так называемом «здравом смысле». Рассуждения Леонтьева о знании и незнании не означают, что он – ретроград и враг знания. Он против абсолютизации так называемого научного знания.

На злобу дня: о «всеобщей грамотности» и «демократизации знаний»

Кстати, сегодня в России мы являемся свидетелями такой абсолютизации, фетишизации «научного» знания. Достаточно вспомнить разговоры наших либералов о том, что России нужна «экономика знаний» (невнятный термин,

за которым не стоит ничего реального). Леонтьев полагает, что между так называемым «незнанием» и «знанием» должен поддерживаться определенный баланс, необходима *«неравномерность знания в обществе»*.

Опять-таки, проецируя мысли Леонтьева в сегодняшний день, можно сказать, что нашему нынешнему обществу жизненно необходимо именно «незнание», которое зиждется на здравом смысле. А так называемое «знание» превратилось в откровенную отраву, приготовляемую в лабораториях либеральной науки. К. Леонтьев для своего времени выглядел как крайний реакционер и ретроград, поскольку выступал против «всеобщей грамотности» и «демократизации знаний». Но вот сегодня, в начале XXI века, в «демократической» России такие призывы уже не кажутся радикальными. «Всеобщая грамотность» в нынешних условиях – средство всеобщего нравственного развращения и умственной дебилизации нашей молодежи. Те же функции выполняют и «знания», распространяемые через либеральные СМИ. Через школы, университеты, телевидение и интернет либералы ведут борьбу за «грамотность». Но они сеют не разумное, вечное, доброе. Они борются за «грамотность» финансовую, сексуальную, потребительскую. Одновременно учат народ «толерантности», проще говоря, непротивлению злу. То есть занимаются развращением народа, слегка закамуфлированным разными

научнообразными фразами. Сеют семена смерти. И не надо бояться самым решительным образом выступить против такой «всеобщей грамотности» и «демократизации знаний».

О примирении христианства и социологии

В эпоху Реформации, буржуазных революций, Просвещения наука взобралась (не без чьей-то помощи) на высокий пьедестал, заменив собою людям Бога. Леонтьев выражает надежду, что это умопомрачение человечества вечно продолжаться не может. Наука должна смириться, понять свое истинное место в обществе, и тогда произойдет примирение науки и религии.

Мы в России более двух десятилетий жили в плену либерализма. Кажется, эпоха либерализма в нашей стране с ее генетическим кодом Православия завершается. Русский организм сегодня как никогда слаб, но все же иммунная система общества не разрушена до конца. Организм отторгает заразу либерализма. Появляется надежда, что это отразится и на состоянии нашей науки, особенно общественной (философия, история, экономика, социология в узком смысле слова и т.п.). Что в России действительно появится созидательная социология. К сожалению, все эти два десятилетия наука была на стороне либерализма, а, следовательно, была наукой в кавычках, то есть не созидающей, а разрушающей. Но все

это лишь надежда, потому что у врага рода человеческого кроме либерализма имеются и другие хитрости и искушения, с помощью которых он будет пытаться увести людей с узкого пути спасения. Единственной спасительной для человека социологией может быть **христианская социология** – такое видение и понимание общества и истории, которые базируются на Священном Писании, догматах Православной Церкви, творениях святых отцов, лучших работах христианских богословов, философов, ученых (без кавычек). Целостной христианской социологии (по крайней мере такой, которую можно было преподавать как дисциплину в высшей школе) до сих пор, к сожалению нет. И это, кстати, является одной из причин того, что либеральная социология заполнила в нашей стране все и вся. Впрочем, отдельные элементы такой христианской социологии мы можем найти в работах русских религиозных философов. Леонтьев не принадлежал к когорте этих философов, он был носителем идей так называемой натуралистической социологии. Тем не менее у него много мыслей, которые помогли бы создать целостное христианское видение общества и истории. А мой личный опыт работы в удушающей атмосфере либеральной социологии приводит к выводу: уж лучше никакой социологии, чем социология либеральная. Либеральная социология порождает тех самых мертвецов, о которых писал поэт Александр Блок в 1912 году.

Константин Леонтьев о техническом прогрессе

*«Скалозуб: “Ученостью меня
не обморочишь”».*

А. С. Грибоедов. Горе от ума

Хорошо известно, что русский мыслитель Константин Леонтьев (1831–1891) отличался большой оригинальностью взглядов на историю и различные явления общественной жизни. Он был ярко выраженным консерватором, непримиримым противником либерализма, который в эпоху реформ Александра II расцвел в России пышным цветом. Одним из проявлений либерализма, на которое Леонтьев обращал особое внимание, было преклонение его адептов перед техническим прогрессом.

Технократический энтузиазм второй половины XIX века

А развитие техники в мире и в России во второй половине XIX века сделало действительно мощный рывок. Именно в это время происходило бурное развитие железнодорожного транспорта. Началось повсеместное распространение электричества, телеграфа, появился телефон. В промышленности уже повсеместно использовались паровые машины. В городах газовые фона-

ри стали замещаться электрическим освещением. Уже не приходится говорить о том, что в разных отраслях промышленности внедрялись новые технологии обработки сырья и материалов. Например, в металлургии резко повышается производительность труда за счет таких новых методов плавки стали, как бессемеровский, томасовский и мартеновский. Древесный уголь в доменном процессе заменяется на кокс, а дрова и уголь в самых разных сферах промышленности и в быту начинают замещаться нефтью и нефтепродуктами. Технический прогресс не обошел стороной и военное дело. Появилось много новых видов оружия (например, пулеметы), а уже существовавшие виды оружия были очень существенно усовершенствованы (артиллерия, морские боевые суда и т.д.). Современный американский физик Джонатан Хьюбнер изучил историю важнейших технических нововведений со времен Древнего Рима до наших дней и выяснил, что своего пика уровень инноваций в мире достиг в 1873 году и сохранял занятую высоту до конца XIX века. То есть Константин Леонтьев был свидетелем этого самого пика технического прогресса.

Технический прогресс в то время почти не встречал противников. Его приветствовали с энтузиазмом, с ним связывали надежды и упования на решение многих проблем – социальных, политических, военных и даже нравственных. Энтузиазм охватил все слои и все сословия обще-

ства во всех уголках планеты – Америке, Европе, России и даже далекой Японии.

Лукавое слово «прогресс»

И вот на фоне этого всеобщего технократического энтузиазма К. Леонтьев занял по отношению к техническому прогрессу особую позицию, порой настороженную, а порой и непримиримую. Леонтьев обращает внимание на то, что слово «прогресс» вообще стало ключевым в лексиконе либералов, которые не только приветствовали этот самый «прогресс», но и пытались его обосновать «научно». В 40-е годы XIX века в Россию с Запада начали проникать различные социологические теории (своей социологии у нас тогда еще не было). Вместе с этими теориями в Россию попало и это мало знакомое русскому человеку слово «прогресс». «Прогресс» – от латинского *progressus*. Оно, в свою очередь, происходит от глагола *progredi* – «идти вперед». Так вот, Леонтьев обращает внимание на то, что либералы толком не могут объяснить, что значит движение «вперед». А то, что им кажется движением «вперед», есть движение к пропасти. Технический прогресс – мощный ускоритель движения человечества к концу своей земной истории. Технический прогресс – лишь одна из разновидностей этого движения «вперед». Леонтьев тесно связывает его с прогрессом научным, социальным, экономическим, промышленным. В свое время в

полемике с Марксом и его правоверными последователями социалист Эдуард Бернштейн (1850–1932) бросил такую фразу «Движение все, цель ничто». Представляется, что эта фраза очень хорошо описывает идеологию «прогрессистов» (сторонников прогресса).

Леонтьев: философия «прогресса» как ересь и обман

Основным предметом критики Леонтьева является даже не сам прогресс (любой), а та «философия», которую либералы создали для объяснения и обоснования этого феномена.

Во-первых, адепты прогресса рассматривают прогресс как процесс бесконечный, а это, по мнению Леонтьева, уже есть ересь, которая находится в непримиримом противоречии с догматикой христианства. Земная человеческая история конечна, об этом говорит Священное Писание. Наиболее ярко соответствующая идея выражена в Откровении от Иоанна (Апокалипсисе). Впрочем, Леонтьев создал свою оригинальную «натуралистическую социологию». В рамках этой социологии он приходит, опираясь на рационалистические методы познания мира, к тому же самому выводу.

Во-вторых, апологеты прогресса уповают на то, что с помощью достижений в области науки и техники можно построить что-то наподобие рая на земле. Это не меньшая ересь, известная

уже христианству первых веков под названием «хилиазм» (вера в тысячелетнее Царство Божие на земле). Распространение подобных иллюзий способствует «размыванию» христианства, люди отходят от Христа и начинают поклоняться «прогрессу». Преклонение перед прогрессом, упование на достижения науки и техники, а не на Бога – совсем не «рационализм», как некоторые наивно полагают, а опасная форма религиозного сознания. В христианстве вектор человеческой жизни определяется такой понятной целью, как Бог. В либерализме с его абстрактным «прогрессом» ориентиры человеческой жизни сначала размываются, а потом и вовсе исчезают. Человечество начинает блуждать впотьмах. Отход человека от Бога ведет к ослаблению тех скреп, которые обеспечивали целостность общества. Религиозный суррогат под названием «технический прогресс» разрушает общество, возникает социальная энтропия, хаос, анархия, «пугачевщина».

Зараза «прогресса» в России

Многие ученые мужи занимались и продолжают заниматься исследованием технического прогресса и его последствий. Но так далеко просматривать и просчитывать последствия этого прогресса, как Леонтьеву, никому до сих пор не удавалось. Еще раз подчеркнем, что наибольшую угрозу для человека и человечества Леонтьев усматривал даже не в самих технических новше-

ствах, а в том религиозном отношении к науке и технике, которое либералы и «прогрессисты» культивировали в обществе. О том, что эта религиозная зараза пропитала все поры общества Российской империи, свидетельствует даже то, что в Государственной думе в годы Первой мировой войны (1915) появился влиятельный блок, члены которого назвали себя «прогрессистами» (всего 236 из 422 депутатов). Лидер «Прогрессивного блока» – масон П. Н. Милюков. Многие другие члены блока также были масонами. Удивительно, что в состав блока «прогрессистов» вошли даже монархисты, которые свою думскую фракцию назвали «правые националисты-прогрессисты» (во главе с В. В. Шульгиным). Я привожу этот пример для того, чтобы показать, почему Леонтьева так волновала тема «прогресса». Он прозорливо предсказывал, что если с идеологией «прогресса» не вести постоянную и энергичную борьбу, она неизбежно разрушит Россию. То, что современникам Леонтьева казалось мелочами, Константин Николаевич воспринимал очень серьезно, понимая, что невидимые глазу вирусы могут разрушить самый крепкий организм (коим некогда обладала Россия).

Ересь «прогресса» заразила церковную иерархию

Впрочем, у Леонтьева вызывали тревогу и вполне земные, материальные последствия тех-

нического прогресса (о которых в конце XIX века задумывались лишь единицы). Эта тревога звучит у него почти в каждом произведении. Впрочем, у Леонтьева есть одна статья, которая почти исключительно посвящена теме «земных» последствий технического прогресса. Называется она «Епископ Никанор о вреде железных дорог, пара и вообще об опасностях слишком быстрого движения жизни», опубликована при жизни Леонтьева, в 1886 году. В этой статье Константин Николаевич затрагивает очень деликатную и болезненную тему: отношение Церкви (вернее ее служителей) к «прогрессу». Он вспоминает заметку в газете «Московские ведомости» от 1873 года. В ней описывалось освящение некоего железнодорожного вокзала епархиальным архиереем (Леонтьев не называет места и имени священнослужителя). Константин Николаевич концентрирует внимание на речи архиерея при освящении. В речи, как пишет Леонтьев, звучали такие слова: «Ускорение сообщений, цивилизация... даже и благоденствие...» Конечно, Леонтьева не могли не взволновать такие пафосные фразы, которые наглядно демонстрировали, что церковные иерархи не только примиряются с религией «прогресса», но и с энтузиазмом ее приветствуют. Вот какова была реакция Леонтьева на подобную проповедь: «Господи! – подумал я тогда, – на что же все это епископу?.. Именно – епископу на что! Его долг по всякому подобному

поводу, напротив того, или напомнить нам притчу о том богатом, который сказал душе своей: “Пей, ешь и веселись” – и в ту же ночь умер; или посоветовать молиться усерднее, садясь в вагон, на случай внезапной гибели; или сказать вообще, чтобы мы не носились с человеческим “разумом”, как наивные дурни с писаной торбой, что уметь видеть мрачную сторону всех этих высокоумий научных есть тоже разум, и даже самого высшего порядка».

Епископ Никанор как единомышленник К. Леонтьева

И вот, о радость! Через 12 лет Леонтьев узнает из газет о другой речи другого иерарха. Это речь епископа Никанора по поводу железных дорог. Она превзошла все ожидания Леонтьева. Максимум, на что мог рассчитывать Константин Николаевич, живя в атмосфере затхлого либерализма второй половины XIX века, – сухое, сдержанное (без привычного энтузиазма) отношение иерарха к железным дорогам, средствам сообщения, другим достижениям прогресса. Но епископ превзошел все ожидания Леонтьева. Архиерей отозвался о техническом прогрессе самым уничижительным образом. Это вселило в Константина Николаевича надежду на то, что все не так плохо в церковной иерархии и в России в целом. Леонтьев приводит обширные цитаты из речи епископа Никанора. Например,

такую: «Явный вред и ясно предвидимая опасность быстрых путей сообщения заключаются в том, что мы скоро живем и торопимся жить. Быстрые современные сообщения развивают до неимоверности ту быстроту, с какою мы несемся неведомо куда, опасно, как бы не в бездну. Излишняя быстрота всегда и везде опасна...» Епископ – человек в высшей степени образованный, он следит за всеми направлениями науки и техники, он даже предсказывает будущие технические достижения, о которых в то время писали только фантасты, например, известный нашему читателю француз Жюль Верн (1828–1905). К стихиям и энергиям космоса, как говорит епископ Никанор, «человек присоединяет еще свою самодельную одуряющую скорость движения по железным путям, на крыльях ветра, на парах и электричестве, по морю и под водою, и под землю, на аэростатах, посредством нагретого воздуха, водорода и чего-то там еще, скоро, быть может, понесется и посредством солнечного света. А что электричество будет запряжено, как мощный двигатель-скоророход, это не подлежит сомнению. Это вопрос не только близкого будущего, но уже и настоящего времени. Не все же молниям праздно бороздить небо, а на земле только жечь и крошить. Скоро, скоро обуздают их и погонят и возить, и мельницы вертеть, и всякие тяжести двигать». Однако же такое будущее русского архиерея радует мало.

Епископ Никанор о железных дорогах и «истощении благотворных для человека сил вещественных»

Сразу оговорюсь, что буду цитировать епископа Никанора крайне дозированно. Лучше почитайте статью Леонтьева, в которой Константин Николаевич воспроизводит чуть ли не половину речи епископа. Воспроизводит потому, что думает точно так же, как он. Иерарх Русской Церкви – неожиданная подмога Леонтьеву в его тяжелой борьбе с либералами и «прогрессистами». Тезисами отмечу лишь главные из речи епископа последствия технического прогресса.

1. Развитие железных дорог и новых технических средств транспорта, новых промышленных технологий резко увеличивают потребность в энергии и других природных ресурсах. «Производит ли современная быстрота передвижения трату силы? Без сомнения, и громадную. Во-первых, производит трату силы материальной, уходящей на производство этой скорости. Возьмем вот пар. На производство его уходит громадное количество воды, железа и топлива».

2. Истощение природных ресурсов – как минеральных, так и органических, как невозпроизводимых, так и воспроизводимых. Епископ говорит о почве (русских черноземах), воде, лесах, руде, угле и т.д. «Вся же эта логика истребления того, чем жив человек, живо его тело,

будет иметь в весьма недалеком будущем, да по местам имеет уже и в настоящем, своим роковым последствием нужду в хлебе, в тепле и строительном материале, а быстрота современного движения будет поглощать последние остатки запаса органических веществ на земле», – заключает епископ.

3. Уничтожение многих видов флоры и фауны, нарушение равновесия в биологических (экологических) системах. «Скоро в Европе останутся только воспоминанием естественной истории медведь, волк, лисица, лось, зубр, буйвол и многое множество живых родов. Воспоминанием останутся многие роды птиц, гадов, насекомых. Насильственно выселенные из лесов многие роды, особенно насекомых, ринулись теперь в наши нивы, увеличивая с каждым десятилетием опасность голода для человечества».

4. Загрязнение окружающей среды. В первую очередь, в городах, но также и в сельских поселениях. «Посмотрите теперь на наши города с их дымом, копотью, смрадом – чем там дышать? Разве только губительными миазмами? Даже по селам теперь, при истощении водных источников и живительной растительности, когда к ним приближаешься, сейчас же чувствуешь, что с лона живой и животворящей и благоуханной природы вступаешь в жильё человека с его отбросами и смрадом, источником гибели для него самого и всего живого около него...»

5. Угроза различного рода техногенных катастроф. На тот момент времени особенно серьезной была угроза катастроф на железных дорогах. Епископ отмечает: «Всякая быстрота умножает опасность развития разрушающей силы в случае помехи движению, а тем более остановки».

Общий вывод епископа крайне суров: «Таким образом, истощение благотворных для человека сил вещественных увеличением быстроты передвижений очевидно». Все свои рассуждения епископ Никанор привязывает к железным дорогам. Но в принципе другие технические достижения имеют такие же последствия в виде «истощения благотворных для человека сил вещественных».

Еще раз повторим, что в те далекие от нас времена почти никто не задумывался о таких последствиях технического и промышленного прогресса, как истощение природных ресурсов, техногенные катастрофы, уничтожение генофонда планеты, загрязнение среды обитания человека. Тогда только-только появилось слово «экология» (термин ввел в оборот в 1866 году немецкий биолог Эрнст Геккель). Оно означало отрасль науки биологии, которая изучает взаимодействие живых организмов с окружающей средой. Прошло примерно столетие, прежде чем на Земле заговорили наконец об экологическом кризисе, как кризисе взаимоотношений природы и общества. Но даже сегодня большинство тех, кто называет себя экологами и экологистами (активистами

экологических движений), не видят тех глубоких корней экологического кризиса, которые были вскрыты К. Леонтьевым, епископом Никанором и многими другими прозорливыми русскими мыслителями конца XIX века. А корни эти в либерализме и прогрессизме, представляющих форму религиозного сознания, не просто отличную от христианского мировоззрения, но прямо ему противоположную.

Технический прогресс и «дурная бесконечность» возвышения потребностей

Технический прогресс разрушает не только природу и среду обитания, но и самого человека. Технический прогресс, удовлетворяя одни потребности, порождает другие, причем еще бóльшие. Возникает постоянный рост потребностей. В марксистско-ленинской политэкономии, как сейчас помню, одним из главных экономических законов (универсальных, действующих как при капитализме, так и при социализме) был «закон возвышения потребностей». Почему-то коммунистов этот закон ничуть не смущал. Начинает действовать механизм «дурной бесконечности», человек включается в изматывающий «бег за собственной тенью», происходит небезобидная погоня за «миражами» «личного счастья» и «всеобщего благоденствия». В чем причина того, что счастье и благоденствие ока-

зываются миражами? – Епископ Никанор пытается объяснить это без высокого богословия, апеллируя к «здравому смыслу». Появление новых технических новшеств дает толчок к росту потребностей. Потребностей двух видов – производственных и личных (потребительских). Чтобы, скажем, построить и запустить в эксплуатацию железную дорогу, необходимо железо, лес, уголь, вода и многое другое. Строятся новые заводы, открываются новые рудники и шахты, организуются лесозаготовки и т.п. Но для того чтобы все это хозяйство функционировало, нужны новые дороги. А для того чтобы строить и эксплуатировать новые дороги, нужны все новые и новые заводы, рудники и шахты... Вот вам и «дурная бесконечность».

Но это еще не все. Технические новшества пробуждают в человеке нездоровый «аппетит». Начинается безудержный рост личных потребностей человека. Современному человеку, который привык гнаться за модой, это даже объяснять не надо. Для многих, например, обладание последней моделью компьютера, автомобиля или сотового телефона становится «железным» «законом возвышения потребностей». Уже не приходится говорить о том, что многие технические средства становятся своеобразным троянским конем, с помощью которого враждебная России западная цивилизация навязывает русскому человеку чуждые ему вкусы, привычки, порой са-

мого порочного свойства. Вот что говорит епископ по поводу влияния технического прогресса на психологию современного ему человека второй половины XIX века: «А как только появится железная дорога, сейчас же все ценности возвышаются, прежние способы истощаются, новые если и увеличиваются, то создают собой и новую потребность, например, потребность виноградных вин, которой еще деды, да даже и отцы наши не ведали, равно как новые потребности и в других заморских вещах, без которых легко обходились».

Истинная цена технического прогресса, или эффект «разбитого корыта»

А в результате возникает эффект «разбитого корыта», о котором писал еще гениальный А. С. Пушкин. Только в реальной жизни мы видим не сказочную старуху, а обычного человека, причем из самых разных классов и сословий (Леонтьев назвал такого человека, живущего на Западе, «средним европейцем»). А свои желания такой человек адресует не «золотой рыбке», а «техническому прогрессу», который не менее эфемерен и обманчив, чем эта самая рыбка. Епископ отмечает: «Таким образом, железная дорога, в существе дела, нигде и не возвысила благосостояния, чувства довольства, покоя и счастья, напротив, породила всюду тревогу, потребность в средствах жизни, погоню за наживою».

Да, отдельные технические новшества могут создавать потрясающие эффекты, демонстрировать большие скорости, высокую производительность, комфорт и прочие удобства и удовольствия. Епископ Никанор этого не отрицает. Но общий вывод его при этом несколько неожидан: **цена этих технических достижений непомерно высока.** Цена даже чисто материальная, без учета цены нравственной, духовной, эстетической. Вот рассуждение владыки: «Скажите, увеличила ли эта быстрота сообщения внешнее благосостояние людей? По-видимому, например, железные дороги строятся для увеличения благосостояния. Я скажу, как и сказал, что они строятся для удовлетворения потребностей. И удовлетворяют им – это правда. Но удовлетворяют, пропорционально же увеличивая самые потребности, увеличивая тем, что усложняют жизнь более и более, так что жизнь становится дороже, затруднительнее и требовательнее. Этому доказательство в том печальном повсюдном опыте, что везде на Руси, где пока не было железных дорог, там жизнь была проще и дешевле».

Жестокий век чистогана и корысти не привык вообще принимать в расчет эстетические ценности. Об этом почти в каждой своей работе пишет К. Леонтьев. Об этом же говорит и епископ, подчеркивая, что технический прогресс достигается ценой разрушения земной красоты: «Кроме того, где прошла по широте русской земли безлесная

пустынная гладь, там прощай поэзия старины, поэзия наших отцов и дедов, да еще и нашей собственной юности. Наши дети не поймут скоро поэтического выражения “не шуми ты, темный лес, зеленая дубровушка”, равно не поймут и всего неисчерпаемого запаса как мифологической, так и позднейшей поэзии, основанной на таинственной, то возвышающей, то грозной, то прелестной внушительности повсюдных, еще недавно непроходимых, лесных чащ. А это будет огромным истощением душевных сокровищ нашего поэтического народа. Куда девалась эта тысячеголосая восхитительная песнь хвалы Богу, песнь птичьих и всяких животных голосов, какую гремели еще так недавно неисходные зеленые цветущие чащи в прелестные майские утра? В могильное, глухое безмолвие погружается теперь оголяемая тупою корыстью пустынная русская земля. Эта корысть скоро убьет самый вкус к прелестям природы, как убивает самую красоту природы». Эстет Леонтьев постоянно подчеркивает, что красота земли постоянно напоминает человеку о Боге. Уничтожение этой красоты ослабляет и без того уж ослабшую связь человека с Творцом, приближая тем самым конец земной истории.

Технический прогресс и «вавилонское всесмещение»

Наконец, епископ Никанор затрагивает еще один аспект проблемы технического прогресса.

Условно его можно назвать *геополитическим*. Впрочем, также *духовно-богословским*. Речь идет о том, что железные дороги, телеграф и многие другие технические достижения активизируют международное общение, способствуют интернационализации жизни. «Опасно, как бы земля не стала скоро походить на всемирный паутинник, который опутывает весь земной шар, в котором плавают только отошальный всеядный человек, как голодный паук, не имый кого и что поглотити, так как сам же он пожрал, побил, истерзал все живое на поверхности всей земли. Эти железно-дорожные линии не похожи ль на нити всемирной паутины?..» Более чем за век до появления интернета, который сегодня многие называют «всемирной паутиной», наш русский архиерей уже все это прозорливо предугадывал. И речь здесь идет не просто об экономической интернационализации (глобализации). Эта «всемирная паутина», состоящая сегодня из транспортных коммуникаций, телефона, интернета, невидимых финансовых связей, крайне напоминает ту картину, которая описана в Откровении от Иоанна (Апокалипсис) накануне прихода антихриста. Технический прогресс, находящийся преимущественно под контролем либералов, расчищает стези антихристу. Леонтьев особо обращает внимание на приведенный выше отрывок речи епископа, называя технический прогресс инструментом «*вавилонского всесмешения*». А делая

общую оценку речи епископа, Константин Николаевич говорит: «Это луч божественного света в сатанинском хаосе индустриального космополитизма». Леонтьев обильно цитировал епископа Никанора, поскольку мысли последнего по поводу технического прогресса полностью совпадали со взглядами Константина Николаевича.

Дальше Леонтьев в этой статье продолжает рассуждения о пагубности технического прогресса: беда России заключается в том, что она не ищет своего самобытного пути, а некритично заимствует все подряд у Запада. Заимствует технические новшества, научные идеи, культуру, социальные теории и т.п. Технический прогресс, как считает Леонтьев, – проявление космополитизма. Россия заимствует у Запада «машины, пар, телеграфы, эгалитарную свободу, демократические парламенты и т.д.», все это – «орудия всесмесительного разрушения».

Всемирность науки и техники – опасный догмат либерализма

С чего же России начинать свое самобытное развитие? Вот рекомендация Леонтьева, которая была крайне смелой для его времени: «Одним же из главных признаков благотворного в этом (новокультурном) смысле поворота в русских умах должно быть прежде всего скептическое, даже до крайностей пессимизма, пожалуй, расположенное доходить отношение ко всем почти европей-

ским выводам и продуктам отходящего XIX века, с эгалитарным плутократизмом его социального строя и с обманчивым утилитарным идеализмом его умственной жизни». Не менее актуальна и смела эта рекомендация и для нынешней России, которая оказалась не только в экономической и политической зависимости от Запада. Она оказалась прежде всего в зависимости духовной, что проявляется в том числе в поклонении идолам западного либерализма и прогресса. Освобождение от этого духовного рабства, отказ от «европейских выводов и продуктов» позволит, без сомнения, изменить и характер технического творчества русского человека. Сегодня довольно часто говорят о том, что Россия безнадежно отстала от Запада в техническом отношении, что такое отставание неизбежно приведет к окончательному экономическому порабощению России и утрате последней линии нашей обороны – военной мощи. Нам действительно за Америкой не угнаться в военном отношении, существует угроза утраты паритета в области ракетно-ядерного оружия. Впрочем, раздаются голоса некоторых патриотов, которые говорят, что нам буквальный паритет и не нужен. Что нужен асимметричный ответ на вызовы Запада. В принципе я согласен с таким подходом. Но, следуя рекомендации Леонтьева, можно сказать: нам в России нужны «асимметричные» подходы не только в военной сфере. Они нужны также в экономике, социальной

сфере, технике, науке, образовании, культуре. Такие подходы Леонтьев называл **«самобытным путем» России**: «Для того чтобы нация приобрела хотя бы и преходящее (как все на свете), но все-таки истинное и прочное мировое значение, ей надо творить свое и для себя. Только созданное для себя и по-своему может послужить и другим». Леонтьев, как и многие другие русские мыслители конца XIX века, верил, что у России есть своя историческая миссия, предначертанная Богом. Леонтьев, в частности, полагал, что именно Россия сможет спасти умирающую Европу с ее либерализмом, эгалитаризмом, материализмом и прочими «измами» – явными признаками «заката». Но как Россия может спасти Европу, если она пользуется идеями и технологиями той же самой Европы? Как можно понять из контекста статьи, Леонтьев понятие самобытности распространял не только на религию, культуру, социальные теории, но также на технику. Это крайне оригинальная точка зрения даже среди славянофилов и русских патриотов, которые привычно считают, что наука и техника – понятия интернациональные, к русской почве привязки не имеющие.

Технический прогресс и человеческая глупость

Ряд важных мыслей Леонтьева, касающихся технического, промышленного и экономического прогресса, не вошли в статью «Епископ Никанор

о вреде железных дорог...». Обратим внимание на некоторые из них. Возьмем, например, статью «О либерализме вообще», опубликованную Леонтьевым в 1880 году. Вот один из фрагментов статьи: «Или, может быть, люди, утратив некоторые старые доблести, стали при новых порядках гораздо счастливее прежнего? Нет! Они не стали ни лучше, ни умнее, ни счастливее!.. Они стали мельче, ничтожнее, бездарнее; учение в массе, это правда, но зато и глупее. Ибо глупо, например, так слепо верить, как верит нынче большинство людей, по-европейски воспитанных, в нечто невозможное, в конечное царство правды и блага на земле, в мещанский и рабочий, серый и безличный земной рай, освещенный электрическими солнцами и разговаривающий посредством телефонов от Камчатки до мыса Доброй Надежды... Глупо и стыдно, даже людям, уважающим реализм, верить в такую нереализуемую вещь, как счастье человечества, даже и приблизительное...» Здесь Леонтьев повторяет мысль о том, что технический прогресс сделать человека и человечество более счастливым не может, что вера в такую магическую способность прогресса есть глупость. Дополнительная мысль заключается в том, что под влиянием магии технического прогресса (электрические солнца, телефоны от Камчатки до мыса Доброй Надежды) делают человека не умнее, а, наоборот, глупее. Вывод, на первый взгляд, парадоксальный. Особенно учи-

тывая, что в XXI веке нам пытаются внушить обратное. Мол, компьютеры, интернет, технические средства обучения позволяют школьнику и студенту развить свой ум, поднять свой IQ (коэффициент умственного развития) на принципиально новый уровень. Впрочем, еще раз вернемся к епископу Никанору. У него есть одна крайне интересная фраза, которую приводит Леонтьев: «Но на поверхности земной всякая скорость издерживает уходящую на нее силу (здесь епископ говорит о железнодорожном сообщении. – В. К.). Тем более это заметно в человеке. Увеличивая какую бы то ни было скорость, опять-таки хотя бы быстроту мысли, человек издерживает уходящую на нее силу. Тут в трате силы на всякую скорость, на скорость даже мысли, один вред, одна опасность». Епископ Никанор, наверное, обладал даром прозорливости. Даже скорость мысли создает один вред, порождает опасности. Неужели эта мысль могла быть понятна человеку конца XIX века? Наш XXI век называют веком скоростей, веком турбулентности, веком информационного взрыва и т.п. Внешне вроде бы скорость и объемы информации, проходящей через мозг современного человека, увеличились на порядки по сравнению со временем епископа Никанора и К. Леонтьева. Но стали ли современные люди умнее? Сомневаюсь. Скорее, глупее. Еще Гераклит говорил: «Многознание уму не научает». А сегодня, наверное, можно сказать, что много-

знание его убавляет. Впрочем, многознания сегодня тоже нет. Поскольку знание – информация, которая сохраняется в памяти человека. А у современного молодого человека память развита очень плохо. Зачем память, если в любой момент времени все можно узнать из интернета?

Технический прогресс как фермент социального разложения

Самым настоящим кладом мыслей Леонтьева о техническом прогрессе является его известная работа «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» (1872–1884). Константин Николаевич уверен, что разрушительный характер экономического развития и технического прогресса будет со временем проявляться все очевиднее. Разве он был не прав? – Действительно, две мировые войны в XX веке показали разрушительную силу военной техники. Во второй половине XX века заговорили об экологическом кризисе, причем главной причиной этого кризиса стали называть неконтролируемое развитие техники. Катастрофы на АЭС в Чернобыле и Фукусиме являют собой яркий пример техногенных катастроф и т.п.

Кроме того, Константин Николаевич постоянно подчеркивает, что технический прогресс ускоряет социальную энтропию (деградацию) общества, что находит свое выражение в упрощении социальной структуры населения, пре-

вращении всего общества в безликую, серую массу людей-атомов, потерявших свою индивидуальность, утрате людьми истинного религиозного чувства, распаде государств, анархии и т.п. Угасание духовной и социальной жизни иногда сопровождается революционными потрясениями, которые происходят под лозунгами социализма, анархизма, племенизма (национализма) и т.п. Но в конечном счете подобные революционные потрясения обществу и человеку облегчения не приносят, зато приближают конец истории.

Леонтьев питает надежду, что подобного рода «звонки», связанные с техногенными, экологическими и социальными потрясениями, заставят людей всерьез задуматься о техническом прогрессе, науке, истинном и ложном знании, о социальной модели развития. Одним словом, Леонтьев уповает на то, что люди (хотя бы некоторые) прозреют, поумнеют: «Я полагаю, судя по разрушительному ходу современной истории, что именно высший разум принужден будет выступить наконец почти против всего того, что так популярно теперь, то есть против равенства и свободы (другими словами, против смещения словесий, конечно), против всеобщей грамотности и против демократизации познаний... Вероятно, даже против злоупотреблений машинами и противу разных прикладных изобретений, “балующихся”, так сказать, весьма опасно со страшными и таинственными силами природы. Машины,

пар, электричество и т.п., во-первых, усиливают и ускоряют то смешение, о котором я говорю в моих главах “Прогресс и развитие”; и дальнейшее распространение их приведет неминуемо к насильственным и кровавым переворотам; вероятно, даже и к непредвиденным физическим катастрофам, во-вторых, все эти изобретения выгодны только для того класса средних людей, которые суть и главное орудие смешения, и представители его, и продукт...»

О жертвах и «бенефициарах» технического прогресса

В социологии Леонтьева, которую часть называют «натуралистической», не последнее место занимает такое понятие, как «боль». Понятие, взятое из медицины и из обыденной жизни, далекое от абстрактной науки, особенно социологии. Так вот, Константин Николаевич подчеркивает, что технический прогресс будет создавать все бóльшую боль в обществе. А боль, как известно из медицины, играет важную роль. Это сигнал, посылаемый человеку для того, чтобы тот как-то реагировал на опасную ситуацию. Леонтьев прямо перечисляет, кому технический прогресс может создать максимальный болевой эффект. Вот его основные жертвы: национальное государство, привилегированное дворянство, рабочий класс, люди истинной культуры (люди «поэзии», эстеты). Дадим слово Леонтьеву:

ву: «Все эти изобретения невыгодны: для государственного обособления, ибо они облегчают заразу иноземными свойствами; для религии, ибо они увлекают малознающих и незнающих людей ложными надеждами все на тот же разум (односторонне в прямолинейном смысле понятием, надеждами, которые могут привести к совершенно иным результатам); они невыгодны привилегированному дворянству уже по тому самому, что усиливают влияние и преобладание промышленного и торгового класса, который, по словам самого же Бокля, “естественный враг всякой аристократии”. Они невыгодны рабочему классу, который бунтовал при первом появлении машин и непременно разрушит их и постарается даже, вероятно, запретить их драконовскими законами, если только хоть на короткое время действительная власть будет в руках людей этого класса или под их страхом и влиянием. Машин и все эти изобретения враждебны и поэзии – надолго примирить нельзя утилитарную науку и поэзию; со стороны поэзии теперь настала пора усталости и уныния в неравной борьбе, а не внутреннее согласие».

А кто же ратует за технический прогресс? Кто, выражаясь современным языком, его главные бенефициары? – Это класс капиталистов, промышленных, торговых, денежных. А также люди их окружения и прислуга, в том числе ученая. К. Леонтьев пишет: «Все эти изобретения,

повторяю, выгодны только для буржуазии, выгодны средним людям, фабрикантам, купцам, банкирам, отчасти и многим ученым, адвокатам, одним словом, ...среднему классу». Здесь Леонтьев упоминает ученых. В первую очередь, конечно, речь идет не о каких-то философах и иных теоретиках, а о тех ученых, которые связаны с разработкой новых видов техники. Понятно, что если технический прогресс выгоден фабрикантам, купцам и банкирам, то им надо убедить всех остальных в том, что этот самый прогресс – всеобщее благо. А для это тоже нужны ученые. Но это не «технари», а те, кто представляет социальные науки. Леонтьев во многих своих работах показывает, что большинство социологов выполняют «социальный заказ» крупного капитала, что их «теории» являются разновидностью той общей заразы, которую Леонтьев называл либерализмом.

О техническом прогрессе и гипнозе либеральной науки

В работе «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» Леонтьев обращает внимание на то, что большинство так называемых научных книг читать не стоит, ибо они на разные лады расхваливают либерализм и либеральную науку, технический прогресс и демократию, конституцию и «правовое государство», «рыночную экономику» и «подвижность капитала» и т.д. От

таких книг, по мнению Константина Николаевича, один только вред: «Не считая себя обязанным читать все, что пишется нового на свете, находя это не только бесполезным, но и крайне вредным, я даже имею варварскую смелость надеяться, что со временем человечество дойдет рационально и научно до того, до чего, говорят, халиф Омар дошел эмпирически и мистически, то есть до сжигания большинства бесцветных и неоригинальных книг. Я ласкаю себя надеждой, что будут учреждены новые общества для очищения умственного воздуха, философско-эстетическая цензура, которая будет охотнее пропускать самую ужасную книгу (ограничивая лишь строго ее распространение), чем бесцветную и бесхарактерную». Что ж, предложение Леонтьева организовать сжигание книг либерального толка не было абсолютно оригинальным. Такие предложения звучали и от других известных людей России. Так, Грибоедов вкладывает эту идею в уста своего героя Фамусова: «Уж коли зло пресечь, Забрать все книги бы да сжечь» («Горе от ума»). Не менее выразительна фраза Скалозуба из той же пьесы: «Ученостью меня не обморочишь». Думаю, что эта фраза вполне могла бы послужить эпиграфом к ряду работ Леонтьева. Он не только сам не поддавался под гипноз этой «ученой» публики, но и других учил, как от этого гипноза либерализма уберечься. Позволю я и себе поставить эти слова Скалозуба в качестве эпиграфа данного раздела.

Константин Леонтьев о национализме и племенизме

Не льстить надо славянам, не обращаться к ним с вечной улыбкой любезности; нет! надо изучить их и, если можно, если удастся, учить их даже, как людей отсталых по уму, несмотря на кажущуюся их прогрессивность и даже на ученость некоторых из них. Ученость сама по себе, одна, еще не есть спасение; иногда она залог отупения.

К. Леонтьев. Византизм и славянство

Берегитесь! Близок страшный час... Откуда может начаться пожар, мы не знаем, но пламя таится под пеплом.

К. Леонтьев. Религия – краеугольный камень охранения (Передовая статья в «Варшавском дневнике», 1880)

Национальный вопрос стал одним из острейших в России и мире во второй половине XIX века. Он приобрел форму национально-освободительных движений, политического, культурного и иных модификаций национализма, объединительных или, наоборот, разъединительных движений на национальной почве и т.п.

Национальный вопрос — ключевой в творчестве К. Леонтьева

Будучи дипломатом, Леонтьев неплохо разобрался в тонкостях национального вопроса в стра-

нах Европы, особенно на Балканах. Представления Леонтьева по национальному вопросу, как всегда, были очень нестандартными и парадоксальными, порой они были даже шокирующими. У Леонтьева, в частности, были принципиальные «несовпадения» по так называемому славянскому вопросу со многими славянофилами. Самого Леонтьева некоторые исследователи по недоразумению называют славянофилом, хотя если внимательно почитать Леонтьева, то мы можем заметить, что он по ряду вопросов, в том числе национальному, от славянофильства дистанцировался. Рекомендации и предупреждения Леонтьева по национальному вопросу во внешней и внутренней политике Российской империи почти никогда не учитывались. Однако время показало, что во многом Леонтьев оказался прав. Он на разные лады повторял, что сладкие иллюзии могут порождать очень горькие плоды в разных сферах, особенно в сфере национальной политики и национальных отношений. Многие рекомендации и предупреждения Леонтьева по национальному вопросу актуальны и для сегодняшней России. Тем более что даже по сравнению со второй половиной XIX века в нынешней России значение национального вопроса неимоверно возросло.

Основные работы Леонтьева, посвященные национальному вопросу, – «Византизм и славянство», «Национальная политика как орудие всемирной революции. Письма к отцу Иосифу

Фуделю», «Панславизм и греки», «Панславизм на Афоне», «Враги ли мы с греками?», «Плоды национальных движений на Православном Востоке», «Наше болгаробесие», «О национализме политическом и культурном», «Панславизм», «Культурный идеал и племенная политика. Письма г-ну Астафьеву», «Славянофильство теории и славянофильство жизни», «Средний европеец как идеал и средство всемирного разрушения» и т.д. Пожалуй, на тему национальных отношений и национальной политики у Леонтьева написано больше, чем по всем остальным темам. Впрочем, трудно провести границу, определяющую, где начинается и где кончается национальный вопрос. Леонтьев рассматривает его в органической связи с такими «сквозными» темами, как либерализм, прогресс, демократия, государство, «закат Европы», Церковь и религия, цивилизация. Творчество Леонтьева в части, касающейся национального вопроса, исследовано многими авторами. Я не претендую на оригинальность собственного анализа. Скорее, изложенное ниже следует рассматривать как конспективное изложение воззрений Леонтьева по национальному вопросу с краткими комментариями.

Критика К. Леонтьевым идеи панславизма

Больше всего Леонтьева волновали воцарившиеся в России во второй половине XIX ве-

ка настроения в пользу создания некоего славянского союза, или федерации славянских государств. Эта идея получила название «панславизм». Центром, «ядром» этой федерации должна была стать, естественно, Российская империя. А кто должен составить славянское единство? – Кроме славян Российской империи (кои также неоднородны, включают великороссов, малороссов и белорусов) это болгары, чехи, словаки, сербы, поляки.

Внимательное изучение отдельных славянских племен Центральной и Восточной Европы показывает, что они также внутри себя очень неоднородны, фактически уже разделились на автономные группы со своей религией и культурой. Яркий пример – сербы. Когда-то они были единым племенем – вероятно, с единой христианской религией. Позднее сербское племя разделилось по религиозному признаку на православную, католическую и мусульманскую части, которые не только утратили между собой родственно-кровные связи, но и начали враждовать. Об этом Леонтьев подробно писал еще за 120 лет до того, как начался распад Югославии, который перерос в кровопролитную войну между православными сербами, католиками-хорватами и боснийцами-мусульманами.

Итак, славянские племена делятся, стремятся сначала к национально-культурной автономии, а затем у них появляется желание получить

свою государственность. Эта тяга к собственной государственности развивается у славянских племен на фоне того, что они уже включены в состав других империй и государств. Болгары, например, в состав Османской империи, а чехи и словаки – Австро-Венгерской империи. Поэтому тяга к собственной государственности у них может принимать форму национально-освободительного движения.

Чтобы добиться своих политических целей, европейские славяне апеллируют к своему «старшему славянскому брату» – Российскому государству. А «старший брат» подхватывает тягу «младших братьев» к независимости. Так возникает панславизм. Но Леонтьев призывает Россию к осторожности. Многие «младшие братья» в культурно-духовном отношении весьма далеки от великороссов. Чрезмерное сближение со своими братьями по крови может создать для великороссов лишь дополнительные проблемы. В частности, верхи (политическая и интеллектуальная элита) Болгарии, по мнению Леонтьева, лишь прагматично использует Россию для того, чтобы вырваться из-под владычества Османской империи и влиться в состав Европы. Болгарская элита по своим либеральным взглядам намного ближе к Берлину и Парижу, чем к Москве или даже Петербургу. Эта элита просто мечтает, чтобы получить статус «среднего европейца».

Европейское славянство: отсутствие традиций государственности

Кроме того, следует принять во внимание, что большая часть европейского славянства не имеет традиций собственной государственности, а это крайне опасно. Леонтьев пишет: «Из всех славян только поляки и русские жили долго независимой государственной жизнью, и потому у них и накопилось, так сказать, и удержалось больше своего собственного, чем у всех других славян (повторяю еще раз, что я не настаиваю здесь, худо ли или хорошо это собственное; я только заявляю, напоминаю реальные данные)» («Византизм и славянство»; далее, если специально не оговорено, приводимые цитаты – из данной работы К. Леонтьева).

Чуть ниже Леонтьев еще раз повторяет эту мысль об отсутствии у европейских славян крепких государственных традиций, выделяя чехов, хорватов, сербов и болгар: «...ни у чехов, ни у хорватов, ни у сербов, ни у болгар нет в характере той долгой государственной выправки, которую дает прочное существование национальной популярной монархии. Они и без парламента все привыкли к парламентарной дипломатии, к игре разных демонстраций и т.п. У всех у них уже крепко всосались в кровь привычки и предрассудки так называемого равенства и так называемой свободы». Здесь Леонтьев подчеркивает,

что европейские славяне склонны к парламентаризму, монархическая государственность им не по зубам. Поэтому они инстинктивно и тянутся к расслабленной Европе. Отсутствие государственной дисциплины, как считает Леонтьев, – фактор, способный серьезно дестабилизировать любой панславянский союз (если, не дай Бог, его удастся сколотить). Он породит внутренние трения, создаст дополнительные проблемы для России как «ядра» этого союза.

Славяне: различий больше, чем сходства

Леонтьев подробно сопоставляет славянские народы и показывает, что они крайне различаются в религиозном, культурном, историческом и экономико-географическом отношении: «Разделять их может очень многое: 1) Религия (католичество, православие, мусульманство в Боснии, быть может, раскол у болгар, если он устоит). 2) Географическое положение и через это торговые и другие экономические интересы; так, например, в настоящее время австрийским подданным выгодна свобода торговли в Турции и свободный ввоз австрийских мануфактурных контрафакций. А турецкие подданные, и славяне, и греки, постоянно на это жалуются и желали бы системы покровительственной для укрепления и развития местной промышленности. 3) Некоторые исторические и военные предания.

Так, например, у сербов вся ненависть в народе сосредоточена на турках и немцах; против греков они почти ничего не имеют, а с болгарами и говорить даже разумно о греках нельзя. Православные сербы Турции привыкли смотреть на немцев (Австрии) как на самых опасных врагов, а католические сербы Австрии (хорваты, далматы и др.) привыкли сражаться под знаменами Австрийского государства. 4) Интересы чисто племенного преобладания...» Последний из перечисленных пунктов различий Леонтьев подробно иллюстрирует на примере непростых отношений между сербами и болгарами. Он раскрывает длительную историю борьбы двух славянских племен. Первые стремились «осербить» болгар, вторые, наоборот, «оболгарить» сербов. Обо всех южных славянах Леонтьев пишет немного ниже: «Мы видим, что все у них разное, иногда противоположное, даже враждебное, все может служить у них разъединению, все: религия, племенное честолюбие, предания древней славы, память вчерашнего рабства, интересы экономические, даже монархические чувства направлены у одних на князей черногорских, у других на потомство Милоша, у третьих на мечты о короне Вячеслава и Юрия Подебрадского, у иных, наконец, это чувство состоит просто в привычной, хотя и много остывшей уже, преданности Габсбургскому дому или оно направлено на временное охранение власти султана». А вот

еще из работы «Византизм и славянство»: «Напрасно мы будем искать какие-нибудь ясные, резкие черты, какие-нибудь определенные и яркие исторические свойства, которые были бы общи всем славянам».

Панславизм — путь к космополитическому порядку

Заключение Леонтьева однозначное: идея панславизма утопичная, а если все-таки будет «продавлена» насильно, то наделает немало вреда великороссам. Впрочем, все это мы наблюдали воочию во второй половине XX века. После войны сложился так называемый социалистический лагерь как экономический и политический союз (Совет экономической взаимопомощи и Варшавский пакт). Ядром союза был СССР (правопреемник Российской империи), членами — страны Восточной Европы, большинство населения которых составляли славяне. Можно написать целую книгу с анализом того, что сосуществование разных племен славян в одном доме было очень трудным, а напряжения в отношениях между «старшим» братом и «младшими» братьями компенсировались лишь щедрой материальной помощью русских славян. Когда «старший брат» ослаб, социалистический панславизм приказал долго жить. О последствиях таких «экспериментов» Леонтьев прозорливо предупреждал еще за много десятилетий.

Общий вывод Леонтьева, касающийся панславизма, как всегда, парадоксален. Так называемые национально-освободительные движения славян в Европе являются фактором, способствующим развитию космополитических процессов в мире. Эти движения лишь ускоряют социальное и культурное разложение славянских народов, которых политическая элита вдохновляет лозунгами национального освобождения. Та же Османская империя, которую в России во второй половине XIX века привыкли клеймить как угнетателя славян, по парадоксальному мнению Леонтьева, неосознанно выполняет удерживающую роль. Она удерживает славян от быстрой и окончательной ассимиляции в космополитической атмосфере «общеевропейского дома».

Европейские славяне: отсутствие истинно национальной элиты

Не следует думать, что Леонтьев свои выводы, касающиеся славян и панславизма, основывает исключительно на примере Болгарии. Не менее жесткими являются его оценки, касающиеся других славянских народов и племен. Даже сербов. Вот что пишет Константин Николаевич в работе «Византизм и славянство»: «Сербы, нечего и говорить, все демократы; и у них эпическая патриархальность переходит как нельзя лучше в самую простую буржуазную утилитарность. У них есть военные и чиновники, сверх докторов

и купцов и т.д. Но чиновники и военные нигде не составляют родового сословия, которое воспитывало бы своих членов в определенных впечатлениях; они набираются где попало, и между ними могут быть люди всякого образа мыслей. Вчерашний чиновник или военный завтра свободный гражданин и член оппозиции или даже явный предводитель бунта. Как воспитана вся интеллигенция сербская, так воспитаны и служащие правительству люди. Залогов для неограниченной монархии мы в Сербии не видим. Сербь не сумели вытерпеть даже и того самовластия, с которым патриархально хотел управлять ими их освободитель и национальный герой старый Милош. Еще при высшей степени патриархальности народной жизни они уже захотели конституции и взбунтовались... Итак, повторяю, у сербов нет, по-видимому, залогов для крепкой монархии».

Одна из причин склонности европейских славян к либерализму, по мнению Леонтьева, заключается в том, что у них не сложилась национальная элита. А элита не сложилась потому, что отсутствовала сословность, прежде всего аристократия, которая бы могла переносить из поколения в поколение национальные культурные традиции и веру. То, что в этих странах называли элитой, по Леонтьеву, – случайные люди, не имевшие глубоких корней, готовые ради карьеры принять западный либерализм. Это купцы, другие представители местной буржуазии, интелли-

генция «в первом поколении»: «Итак, мы видим: 1) что ни у чехов, ни у хорватов и далматов, ни у русских Галиции, ни у сербов православных, ни у болгар, ни у черногорцев нет теперь никакого прочного и национального привилегированного класса; 2) что у всех у них почти нет вовсе ни аристократических преданий, ни сословного воспитания»; 3) что австрийские славяне во всех делах собственно славянских руководятся национальной буржуазией, купцами, учителями, докторами, писателями и т.д.». Эта «элита в первом поколении» и становилась зачинщиком различных «национальных движений», под флагами которых она рвалась в «общеевропейский дом».

«Одним словом, – отмечает Леонтьев, – общий вывод тот, что, несмотря на всю разнородность их прежней истории, несмотря на всю запутанность и противоположность их интересов, несмотря на раздробленность свою и на довольно большое, хотя и бледное, разнообразие тех уставов и обычаев, под которыми они живут еще и теперь в Австрии и Турции (включая сюда, по их малости, и оба княжества, Сербию и Черногорию), все юго-западные славяне без исключения демократы и конституционалисты». К сожалению, этого в России не понимали не только представители интеллигенции, но даже многие чиновники, состоявшие на «государевой службе» в Министерстве иностранных дел. Они «ловились» на лукавые призывы «младших

братьев» к созданию панславянского союза. Новейшая история показывает, как же был прав Леонтьев. Побыв некоторое время (может быть, против свои воли) в «социалистическом панславянском союзе» (СЭВ) и получив от него все, что можно было получить, «младшие братья» великороссов в конце XX века дружно бросились в «общеевропейский дом».

Панславизм и Православие

Леонтьев отмечает, что с поляками или хорватами разобраться гораздо проще, поскольку они католики. Даже люди, не очень сведущие в тонкостях политики, прекрасно понимают, что католицизм – серьезное препятствие для панславизма. А вот с православными «братьями» ситуация сложнее. Тут многие обманываются. По мнению Леонтьева, православие у наших «младших братьев» (за некоторыми исключениями) – номинальное, формальное, далекое от настоящего (под настоящим он понимает византийское Православие, которое наиболее полно сохранилось лишь в России). Приговор Леонтьева как всегда очень жесткий, он обо всех европейских славянах (а вместе с ними и о греках) следующее: «Нынешний христианский Восток вообще есть не что иное, как царство, не скажу даже скептических, а просто неверующих *epiciers* (обывателей (*фр.*) – В. К.) , для которых религия их соотчичей низшего класса есть лишь удобное орудие агитации, орудие племенного по-

литического фанатизма в ту или другую сторону. Это истина, и я не знаю, какое право имеем мы, русские, главные представители православия во вселенной, скрывать друг от друга эту истину или стараться искусственно забывать ее!»

«Не льстить надо славянам...»

Леонтьев находился в очень напряженных отношениях с российской элитой. Прежде всего потому, что он видел, как эта элита заискивала перед Западом. Я об этом уже говорил. Но вот что удивительно: она заискивала даже перед «младшими братьями» из славянского мира. «Не льстить надо славянам, не обращаться к ним с вечной улыбкой любезности; нет! надо изучить их и, если можно, если удастся, учить их даже, как людей отсталых по уму, несмотря на кажущуюся их прогрессивность и даже на ученость некоторых из них. Ученость сама по себе, одна, еще не есть спасение; иногда она залог отупения». Все правильно говорил Константин Николаевич. Учить надо было «младших братьев», как *людей отсталых по уму*. Но вот кто их будет учить? Ведь во многих своих работах Леонтьев констатировал, что наша элита сама состояла из *людей отсталых по уму*. Если бы было иначе, не носилась бы наша элита с идеей панславизма как с писаной торбой. А она носилась. Во вред России.

Должна ли была Россия принимать в расчет в своей политике «славянский фактор» и ис-

пользовать его в своих национальных интересах? Конечно же должна. Леонтьев, находясь на дипломатической службе, по возможности это и делал. Вот какую позицию, по мнению Леонтьева, Россия должна занимать по отношению к славянским народам в мире: «Государство не имеет права, как лицо, на самопожертвование. Но дело в том, что на востоке Европы корысть наша должна быть бескорыстна в том смысле, что в настоящее время мы должны бояться присоединений и завоеваний в Европе не столько из человечности, сколько для собственной силы нашей. И чем ближе к нам нации по крови и языку, тем более мы должны держать их в мудром отдалении, не разрывая связи с ними. Идеалом надо ставить не слияние, а тяготение на рассчитанных расстояниях». Формула Леонтьева предельно проста: **держатъ безопасную дистанцию**. Чтобы еще более заострить свою точку зрения по вопросу о политике России по отношению к братьям-славянам, Леонтьев формулирует следующую парадоксальную мысль: «Слияние и смешение с азиатцами поэтому или с иноверными и иноплеменными гораздо выгоднее уже по одному тому, что они еще не пропитались европеизмом».

О национально-освободительных движениях в XIX и XX веках

Фактически бóльшая часть национально-освободительных движений (не только в славян-

ском мире) в XIX веке уже не имеют никакой собственной культурно-исторической и духовно-религиозной основы. А потому, как полагает Леонтьев, такие движения по своей необъявленной цели и конечному результату имеют **ярко выраженный космополитический характер**: «Космополитические, разрушительные и отрицательные идеи, воплощенные в кое-как по-европейски обученной интеллигенции, ведут все эти близкие нам народы сначала к политической независимости, вероятно, а потом? Потом, когда все обособляющие от космополитизма признаки бледны? Что будет потом? Чисто же племенная идея, я уже прежде сказал, не имеет в себе ничего организующего, творческого; она есть не что иное, как частное перерождение космополитической идеи всеравенства и бесплодного всеблага. Равенство классов, лиц, равенство (то есть однообразие) областей, равенство всех народов. Расторжение всех преград, бурное низвержение или мирное, осторожное подкапывание всех авторитетов – религии, власти, сословий, препятствующих этому равенству, – это все одна и та же идея, выражается ли она в широких и обманчивых претензиях парижской демагогии или в уездных желаниях какого-нибудь мелкого народа приобрести себе во что бы то ни стало равные со всеми другими нациями государственные права».

То, что Леонтьев говорил о XIX веке, проявилось еще более четко в XX веке. Давайте

непредвзятым взглядом окинем прошлый век с его национально-освободительными движениями. Пик этих движений пришелся на 50-60-е годы. Политическую независимость обрели десятки стран Африки и Азии, которые до этого были колониями или полуколониями Британии и некоторых других европейских государств. Освобождение проходило под лозунгами с ярко выраженной национальной и даже националистической окраской. Флаги с этими лозунгами держали местные политические лидеры, которые смутно себе представляли, что такое национальная культура, национальные традиции, национальная самобытность. Зато они прекрасно понимали, что такое западная цивилизация с ее материальным изобилием и демократией. Поэтому, осознанно или неосознанно, конечной целью своих национально-освободительных революций и движений эти местные лидеры видели что-то очень напоминающее западную цивилизацию. А в поддержке этих движений лидерам немалую поддержку (чаще всего скрытую) оказывала Америка, которая стала главным «бенефициаром» Второй мировой войны. Вашингтон, поощряя национально-освободительные движения, тем самым добивался нового передела мира. Короткое время освободившиеся страны находились в состоянии эйфории, пребывали в иллюзии свободы, но вскоре на смену колониализму пришел неоколониализм, основанный на исполь-

зовании экономических методов закабаления государств. Развал колониальной системы под национальными лозунгами был важным шагом на пути к глобализации. Бывшие колонии оказались в едином экономическом, политическом, культурном пространстве под названием *Rax Americana*. А главными национально-культурными атрибутами этой империи (или цивилизации) являются «МакДональдс», «Пепси-кола» и зеленая бумажка, называемая «доллар». Если внимательно читать Леонтьева, то понимаешь: русский мыслитель все это предвидел и осознал. «Национально-политический принцип, проведенный в жизнь где оружием, а где переработкой учреждений, является на деле лишь новым и могучим средством космополитической, то есть антинациональной, демократизации Европы...» («Панславизм» // Передовые статьи «Варшавского дневника» 1880 года). Так и хочется в качестве эпиграфа к творчеству Константина Николаевича поставить слова известной поговорки: «Благими намерениями вымощена дорога в ад».

О национальных движениях в Европе и германском племенизме

В работах Леонтьева удивительно много тонких замечаний о национальных движениях эпохи буржуазных революций в Западной Европе. Особенно подробно Константин Николаевич об этом пишет в своем произведении «Средний

европеец как идеал и орудие всемирного разрушения». Эти национальные движения расчищали путь капитализму, который затем со стремительной скоростью стал уничтожать национальную культуру, религию, традиции. Возникло европейское единообразие, стала исчезать «цветущая сложность» европейского культурного и социального ландшафта. Это не значит, что социальная активность народа совсем сошла на нет. Она продолжилась, но уже иначе – в форме социализма и в форме племенизма. Основным очагом социалистических движений, по мнению Леонтьева, была Франция. Там произошли главные революционные события 1848 года, там же в 1871 году возникла Парижская коммуна. А вот основным очагом племенизма, как полагал Леонтьев, может стать Германия, которая возникла как единое государство после франко-прусской войны 1870–1871 годов. Племенизм, по Леонтьеву, – крайняя форма национализма, предполагающая объединение людей не по культурно-историческому или религиозному признаку, а по признаку крови. В принципе о племенизме Леонтьев говорил применительно к южным славянам, которые часто лишь формально прикрывали свои движения флагом Православия. А вот Германия уже во времена Леонтьева стремительно теряла последние признаки религиозного государства. Тем более что в рамках единой Германии не было единой религии, а были като-

лицизм, лютеранство и некоторые другие протестантские конфессии. Религия становилась уже неподходящей скрепой для общества, поэтому на роль главной скрепы стала выходить кровь. Конечно, Леонтьев не мог предвидеть всех деталей будущей истории Германии, но в его анализе явно просматривалось следующее:

- 1) Германия будет главной страной континентальной Европы;
- 2) она станет главным участником будущих европейских войн;
- 3) племенизм станет главной «национальной идеей» немецкого народа.

Особенно поражает предвидение Леонтьевым появления на немецкой земле фашизма, который был «племенизмом» с добавлениями социализма («национал-социализм»).

Важно отметить, что Леонтьев активно выступает против племенизма и против политического национализма. Под последним следует понимать утилитарное использование национальных лозунгов для достижения политических целей, прежде всего достижение государством национального суверенитета (собственно панславизм, по мнению Леонтьева, как раз относится к политическому национализму). «Итак, служба принципу чисто племенной национальности, мы способствуем, сами того не желая и не сознавая, – космополитизму», – заключает Леонтьев. «Национальное начало, лишённое особых религиозных оттенков и формы,

в современной, чисто племенной наготе своей, есть обман...» («Панславизм» // Передовые статьи «Варшавского дневника» 1880 года). Собственно, на примере Германии времен III Рейха мы хорошо видим правоту этих слов.

Во-первых, национал-социализм был откровенным обманом немецкого народа, причем подобного рода племенизм является гораздо более тонким и эффективным ядом, чем другие политические и социальные искушения (скажем, социализм). Племенизм и сегодня является самым эффективным средством обмана народов, о чем, в частности, свидетельствуют события на Украине, где голову подняли откровенные нацисты.

Во-вторых, после использования оружия с названием «племенизм» противником захватывается жизненное пространство, где устанавливается космополитический режим. На месте Германии III Рейха возникла другая Германия, градус космополитизма в которой выше, чем в большинстве других стран. Германия – ядро Европейского союза, осознанно или неосознанно она является главным строителем сегодняшнего космополитического мира в Европе.

Будущее Европы глазами К. Леонтьева

Но в то же время Леонтьев – ярый сторонник культурного национализма, то есть движения за сохранение и укрепление религии, куль-

турных традиций, обычаев, самобытной науки и техники, национального искусства и национального образования – за все то, что противостоит разлагающему духу космополитизма. Реальной силой, способной сдерживать национальное начало от перерождения его в политический национализм, Леонтьев считал религию, которая является *«самой существенной чертой культурного обособления»* («Владимир Соловьев против Данилевского»).

Много интересного мы узнаем из работ Леонтьева и о будущем Европы. Мысль Константина Николаевича проста: революции и разные национальные движения сумеют так «перемолоть» «цветущую сложность» европейских стран, что на ее месте останется однообразное, серое пространство, которое назовут «единой Европой». Для Леонтьева с его ярко выраженным эстетическим мировосприятием такая «единая Европа» сродни унылой пустыне или мрачному кладбищу. Леонтьев размышляет: «...если в эпоху современного, позднего плодоношения своего европейские государства сольются действительно в какую-нибудь федеративную, грубо рабочую республику, не будем ли мы иметь право назвать этот исход падением прежней европейской государственности? Какой ценой должно быть куплено подобное слияние? Не должно ли будет это новое всеевропейское государство отказаться от признания в принципе всех местных отличий,

отказаться от всех, хоть сколько-нибудь чтимых преданий, быть может... (кто знает!) сжечь и разрушить главные столицы, чтобы стереть с лица земли те великие центры, которые так долго способствовали разделению западных народов на враждебные национальные станы. На розовой воде и сахаре не приготавливаются такие коренные перевороты: они предлагаются человечеству всегда путем железа, огня, крови и рыданий!.. И наконец, как бы то ни было, на розовой ли воде ученых съездов или на крови выросла бы эта новая республика, во всяком случае Франция, Германия, Италия, Испания и т.д. падут: они станут областями нового государства, как для Италии стали областями прежний Пиемонт, Тоскана, Рим, Неаполь, как для все-Германии стали областями теперь Гессен, Ганновер и самая Пруссия; они станут для все-Европы тем, что для Франции стали давно Бургундия, Бретань!.. Мне скажут: “Но они никогда не сольются!” Я же отвечаю: “Блажен, кто верует: тепло ему на свете!” Тем лучше и для их достоинства, и для нашей безопасности; но имеем ли мы право не быть бдительными и убаюкивать себя тем, что нам нравится? Чему учит здравый смысл? Чему учит практическая мудрость? Остерегаться ли худшего, думать о нем или отгонять мысль об этом худшем, представлять себе своего врага (эгалитарную революцию) бессильным, так, как представляли себе пруссаков французы?»

Редко кто размышлял о судьбах Европы так глубоко и далеко, как Леонтьев. Во-первых, он видел мощную тенденцию к созданию единой космополитической Европы еще почти за столетие до того, как появились первые наднациональные институты Европы. Во-вторых, он прекрасно понимал, что такие проекты («Единой Европы») не рождаются в тиши кабинетов или на научных конференциях. Они рождаются на полях сражений и покупаются ценой большой крови. В-третьих, Леонтьев в очередной раз повторяет свою формулу, что России всегда надо исходить из худшего варианта развития событий в мире (в данном случае для России худшим вариантом была бы реализация проекта «Единой Европы»). В начале XXI века мы являемся очевидцами реализации проекта «Единой Европы». Этот проект, как показали события последних лет, не сделал европейские народы счастливее (бесконечный долговой и экономический кризис в Европейском союзе), не укрепил он и безопасность в мире (поддержка Брюсселем войны на Украине способствует созданию очага европейской или даже мировой войны в самом центре Европы).

Впрочем, сдается мне, еще не все предсказания Леонтьева касательно будущего Европы и европейцев состоялись. Срок некоторых еще не подошел. В работе «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» мы находим много таких сюжетов «заката Европы». Вот один

из них: «Романцы выселяются и смешиваются с неграми, Париж разрушен и, быть может, наконец покинут, как покинуты были столькие столицы древности; германцы отчасти тоже выселяющиеся, отчасти теснимые объединенными славянами с востока, придвигаются все ближе и ближе к Атлантическому приморью, смешиваясь теснее прежнего с остатками романского племени... Неужели это одно уже само по себе взятое не есть именно то, что называется разрушением прежних государств и постепенным падением прежней культуры?» То, что европейцы «смешиваются с неграми», – далеко не сенсация, это происходит уже давно. А вот выселение европейцев, разрушение Парижа, продвижение славян в Европу – этого еще нет. Но после начавшейся войны на Украине, которая, кстати, поддерживается Брюсселем и отдельными странами – членами Европейского союза, подобные сюжеты уже не кажутся фантастическими. Неужели Европа еще раз наступит на те же самые грабли и станет очагом мировой войны, уже третьей по счету? Только костер «племенизма» мировая олигархия на этот раз решила разжечь не в Германии, а на Украине.

О племенизме малороссов

Тут мы переходим к еще одному важному аспекту национального вопроса. Обсуждая проблему панславизма, Константин Николаевич не мог обойти такой деликатный вопрос, как *славяне*

Малороссии (тогда слово «Украина» почти не использовалось). Сравнивая русских (великороссов) и украинцев (малороссов), К. Н. Леонтьев в «Византизме и славянстве» прямо писал, что все у нас разное, кроме Православия: «Что, как не православие, скрепило нас с Малороссией? Остальное все у малороссов, в преданиях, в воспитании историческом, было вовсе иное, на Московию мало похожее». Я не хотел бы глубоко погружаться в тему «Леонтьев и малороссийское славянство». Тема, безусловно, актуальная. Думаю, что если бы мы были способны понимать культурные различия между великороссами и малороссами, то, наверное, на сегодняшний день совершили бы меньше ошибок при формировании нашей политики в отношении Украины. Национальная политика эпохи СССР, политика «дружбы народов», сыграла с нами дурную шутку. Несмотря на то что партийные и государственные власти Советского Союза говорили о необходимости развития национальных культур, дальше каких-то фестивалей и «культурных декад» дело не доходило. Настоящего развития культуры не происходило, потому что политика властей не опиралась на все богатство культурного наследия. Даже то, что творчество Леонтьева в советское время замалчивалось, показывает, что мы были изолированы от своего культурного наследия. В результате мы, великороссы, вообще перестали чувствовать эту разницу между собой и малороссами. Но из этого никак не

следует, что ее перестали чувствовать малороссы. Даже если не все живущие на Украине относятся к категории малороссов*.

В заключение хочу привести еще одну цитату: «...Национальное же начало, понятое иначе, вне религии», есть не что иное, как национализм, или, еще хуже, «славянский расизм», – писал Леонтьев в «Письмах отшельника» по поводу роста национальных движений в Юго-Восточной Европе конца XIX века. То, что мы сегодня наблюдаем на Украине, вполне можно назвать этим самым «славянским расизмом», который, кажется, уже перерос в «славянский фашизм». А фашизм, как показывают события на Украине, вполне космополитичен. Мы видим в рядах тех, кто ведет боевые действия против ополченцев Новороссии, фашистов самых разных мастей: славянских, еврейских, шведских, немецких и прочих. Как удивительно прозорлив был Леонтьев, когда говорил, что племенизм неизбежно порождает космополитизм. Впрочем, тут я хотел бы Леонтьева дополнить: и сам этот племенизм подпитывается космополитизмом. Прежде всего – мировой космополитической олигархией. На примере Украины это видно очень наглядно. В приведенной выше цитате из Леонтьева также содержится

* Подробнее об этом можно прочитать в статье Н. Б. Лазаревой «Украинский национализм. Перечитывая К. Н. Леонтьева» // Русская народная линия. Интернет. Режим доступа: http://ruskline.ru/analitika/2014/04/09/ukrainskij_nacionalizm_perechityvaya_knleonteva/

краткий ответ на вопрос: как избежать ужасов фашизма? – Вернуться к Богу. По всем работам Леонтьева красной нитью проходит эта простая мысль: без Бога (религии) национализм перерождается в племенизм.

Два социализма Константина Леонтьева

Чтобы лучше видеть и объяснить другим, что выгодно и невыгодно для России, надо прежде всего дать себе ясный отчет в том идеале, который имеешь в виду для своей отчизны.

*Константин Леонтьев.
Записки отшельника*

Только одна могучая монархическая власть, ничем, кроме собственной совести, не стесняемая, освященная свыше религией, облагодсловенная Церковью, – только такая власть может найти практический выход из неразрешимой, по-видимому, современной задачи примирения капитала и труда.

*К. Леонтьев. Записка
о необходимости новой большой
газеты в С.-Петербурге*

Парадоксы Леонтьева

В публицистике и научной литературе, даже в СМИ, сегодня стало модным все и не все (но

чаще всеу) упоминать имя русского мыслителя Константина Николаевича Леонтьева (1831–1891). Особенно это слало модным после того, как президент В. Путин в прошлом году в одном из своих выступлений привел обширную цитату из Леонтьева, чем, безусловно, резко повысил интерес пишущей братии к этому мыслителю. При этом каждый находит у Леонтьева то, что ему хочется найти. Одни называют его славянофилом, другие – западником, одни почитают Леонтьева как выдающегося православного мыслителя, другие подозревают его в откровенных симпатиях к католицизму и исламу, одни относят его к разряду русских патриотов и националистов, другие квалифицируют мыслителя как слегка закамouflированного русофоба. Наконец, одни полагают, что Леонтьев был аскетом и монахом, обладающим духовным зрением и прозорливостью, другие обращают внимание на то, что «ничто человеческое ему было не чуждо» и что в жизни он был сибаритом, а в мировосприятии – материалистом. Впрочем, серьезные исследователи жизни и творчества Леонтьева (например, Лев Тихомиров, Николай Бердяев, Семен Франк) совершенно верно говорят о «дуализме», «раздвоенности» личности Леонтьева. Сам Константин Николаевич в своей переписке и своих публикациях не скрывал своего «дуализма», мучился им и последние два десятилетия своей жизни сознательно его преодолевал.

В наше время очень популярной стала тема «Константин Леонтьев и социализм». Причем те, кто касается этой темы всуе, четко разделились на две группы. Первая полагает, что Леонтьев как консерватор и реакционер был непримирим к социализму. Вторая группа относит его к разряду идеологов «русского социализма», Леонтьев у них чуть ли не идейный продолжатель Герцена и Чернышевского. Так каким все-таки было отношение Леонтьева к социализму? – Попробуем ответить на этот вопрос.

Безбожный социализм как продолжение капитализма

Леонтьев – стопроцентный реакционер и консерватор, поэтому к социализму он относится так же негативно, как и все другие русские (и не только русские) реакционеры и консерваторы. Впрочем, Леонтьев оригинальный мыслитель. Для него на первом месте эстетика, на втором – политика, на третьем – религия. Большинство критиков социализма апеллировали к тому, что социализм есть отрицание христианства. Мировоззрение же Леонтьева было религиозным лишь во вторую очередь, а в первую очередь он был эстетом и натуралистом. Леонтьев видел в социализме прежде всего «умирание» человечества – сначала эстетическое, потому культурное, а в финале истории – и физическое. Впрочем, «умирание» началось еще с конца XVIII века в Европе. До этого, начиная

с эпохи Ренессанса, Европа представляла собой «цветущую сложность», которую Леонтьев видел в богатстве культуры, рыцарстве, феодализме, католицизме и т.п. Вступление Европы в фазу умирания Леонтьев связывает с капитализмом, а капитализм являет собой уродливое социальное явление «всеобщего упрощения» и нигилизма. Оно при жизни Леонтьева проходило под лозунгами либерализма и эгалитаризма (на знамени Французской революции 1789 года были начертаны слова «свобода» и «равенство»). Истоки материалистического социализма Леонтьев усматривает во Франции («Письма о Восточных делах»). Тенденции либерализма и эгалитаризма неизбежно будут приводить и уже приводят к усилению социалистических настроений в Европе. Сначала это были настроения «умственные», у социализма появились свои идеологи типа Прудона, Блана, Лассаля и им подобных. Социалистические идеи постепенно сложились в «учение экономического равенства, учение вначале мечтательное и кроткое, а позднее взявшее в руки ружье» (Религия – краеугольный камень охранения // Передовые статьи «Варшавского дневника»).

Леонтьев много раз повторяет простую мысль: социализм – прямое продолжение буржуазного общественного строя. Причем не такое продолжение, которое отрицает (преодолеывает) буржуазный строй, а, наоборот, продолжает и усиливает отвратительные черты буржуазного строя. Речь

идет о тех социалистических проектах, которые появились в XIX веке (Прудон, Лассаль, Маркс и другие). Они разительно отличаются даже от социалистических проектов предыдущего века, связанных с именами социалистов-утопистов Фурье, Сен-Симона, Озуна. Те более ранние проекты не отрицали религию (католицизм, протестантизм); более того, даже апеллировали к ней. А вот проекты XIX века базируются на посылке, что все обыватели хотят стать буржуа. Все хотят быть такими же буржуа, какие появились в Европе в XIX веке. Только тогда число таких «буржуа» будет исчисляться не десятками тысяч, и десятками миллионов. Естественно, что такие потенциальные «буржуа» прежде всего думают о потреблении, а не труде в этом будущем обществе «равенства и справедливости». И капитализм, и социализм характеризуются предельным экономизмом и материализмом. В конце XIX – начале XX века русские философы (Л. Тихомиров, С. Булгаков, Н. Бердяев и другие) даже ввели понятие «*экономический материализм*» как главный признак умонастроений и образа жизни того времени. Материальные цели отодвигают таким обывателям (мещанам, по выражению Леонтьева) Бога на второй и даже третий план. В конце концов Бог им вообще становится ненужным. Они становятся безбожниками, атеистами, нигилистами. Леонтьев достаточно часто цитирует Прудона, у которого истинные безбожные устрем-

ления, связанные с социализмом, выражены наиболее откровенно. Это разновидность «анархического социализма». Вирус такого безбожного социализма, по мнению Леонтьева, может окончательно уничтожить европейскую (франко-германскую) цивилизацию, и без того ослабленную вирусом капитализма. 1848 год в Европе показал, что социализм перестал быть просто «идеей». Он превратился в «действие». Парижская коммуна 1871 года еще раз напомнила об этом. Леонтьев, будучи уже зрелым человеком, наблюдал и осмысливал этот «реальный» социализм.

Леонтьев стал свидетелем многих драматических событий в Европе, которые были порождены противоречиями между трудом и капиталом. При этом идейно ему были одинаково чужды представители как капиталистического, так и социалистического полюсов (последние были представлены коммунистами либерального толка или анархистами): «Для нас одинаково чужды и даже отвратительны обе стороны – и свирепый коммунары, сжигающий тюильрийские сокровища, и неверующий охранитель капитала, республиканец-лавочник, одинаково враждебный и Церкви своей, и монарху, и народу».

Россия – оплот борьбы с европейским социализмом

Леонтьев с его гипертрофированным эстетическим началом очень любил Европу, но не ту,

мещанскую Европу XIX века, а Европу эпохи Ренессанса, средневековую Европу. Он любит такую Европу даже больше, чем Россию. Особенно – Россию второй половины XIX века, которая также заразилась либерализмом. Он очень переживает по поводу того, что Европа несется под откос, и надеется, что, может быть, Россия сумеет как-то остановить процесс гниения и разложения Европы, спасет ее от буржуазно-социалистической заразы. Леонтьев большие надежды возлагает на так называемый византизм, под которым он понимает союз Восточной Церкви и самодержавия: «Сильны, могучи у нас только три вещи: византийское православие, родовое и безграничное самодержавие наше и, может быть, наш сельский поземельный мир... Царизм наш, столь для нас плодотворный и спасительный, окреп под влиянием православия, под влиянием византийских идей, византийской культуры. Византийские идеи и чувства сплотили в одно тело полудикую Русь... Под его знаменем, если мы будем ему верны, мы, конечно, будем в силах выдержать натиск и целой интернациональной Европы, если бы она, разрушивши у себя все благородное, осмелилась когда-нибудь и нам предписать гниль и смрад своих новых законов о мелком земном всеблагенстве, о земной радикальной всепошлости!» Леонтьев полагает, что с помощью укрепления византизма можно будет защитить Россию от европейской буржуазно-социалистической «за-

разы», остановить процесс разложения России либерализмом (читай: капитализмом). А затем в России сложится новый культурно-исторический тип (вид цивилизации). Леонтьев называет этот новый тип «византийским», «восточнославянским», «славяно-византийским» и т.п. А затем Россия придет на спасение Европе. Но постепенно Леонтьев начинал понимать, что его надежды на спасение Европы от чумы капитализма и социализма через византизм весьма эфемерны. В последние годы он думает уже не о том, чтобы «освободить» Европу (она, по его мнению, обречена), а чтобы хотя бы продлить существование России путем ее «подмораживания». «Петербургская Россия, – писал он в 1880 году, – эта мещанская современная Европа, сама трещит везде по швам, и внимательно разумеющее ухо слышит этот многозначительный треск ежеминутно и понимает его ужасное значение!» В России бурно развивается капитализм со всеми эстетическими уродствами, которые Леонтьев не мог выносить. А вслед за этим так называемым русским капитализмом уже маячила его неотступная тень – так называемый русский социализм. Его первым официальным носителем оказался А. Герцен. Во всех учебниках и словарях так и пишут: «Герцен – основоположник русского социализма». А за ним двигалась многочисленная команда народников. К народникам Леонтьев относился негативно, буквально брезгливо.

Но угрозу с их стороны он реально осознавал и был очень рад, что когда на императорский престол взошел Александр III, власть основательно им «поприжала хвост». Леонтьев писал: «Слава Богу, что мы стараемся теперь затормозить хоть немного свою историю в надежде на то, что можно будет позднее свернуть на вовсе иной путь. И пусть тогда бушующий и гремящий поезд Запада промчится мимо нас, к неизбежной бездне социальной анархии».

«Монархический социализм»

Леонтьева недаром называют «парадоксальным» мыслителем. В случае с социализмом он вполне оправдал это определение. В начале 1880-х годов у него появляется идея использовать для борьбы с «чумой» либерализма и эгалитаризма именно социализм. По принципу «клин клином выбивают». Но социализм не атеистический, не эгалитарный (уравнительный), а так называемый монархический, самодержавный, охранительный. Это фактически усиление роли самодержавного государства, более активное его вмешательство в социально-экономическую жизнь, установление жесткого контроля над отношениями труда и капитала. Леонтьев не экономист, он очень далек от экономики, но, видимо, он имел в виду что-то наподобие того, что сегодня называется «шведским социализмом». То есть изменения без ломки фундамента той

цивилизации, которая сложилась в России. Леонтьев далек от понимания тонкостей экономики – касаясь этой сферы, он ограничивается лишь общими фразами: «Необходимо вступить решительным и твердым шагом на путь чисто экономических, хозяйственных реформ, необходимо опередить в этом отношении изнеженную духом Европу, стать во главе движения... из последних стать первыми в мире!» Леонтьев многократно повторяет свою любимую мысль: необходимо ограничить «подвижность капиталов». Фактически речь идет о том, чтобы «заморозить» развитие капитализма в России.

В рамках «монархического социализма» предлагается решать *двуединую задачу*: с одной стороны, обеспечивать удовлетворение материальных потребностей всех членов общества, не допускать нищеты и бедности; с другой стороны, развивать в народе религиозность, поддерживать и поощрять духовные потребности с тем, чтобы материальное начало не возобладало в народе. Вот что Леонтьев писал об этой двуединой задаче в «Записке о необходимости новой большой газеты в С.-Петербурге»: «Только одна могучая монархическая власть, ничем, кроме собственной совести, не стесняемая, освященная свыше религией, облагодословенная Церковью, только такая власть может найти практический выход из неразрешимой, по-видимому, современной задачи примирения капитала и труда. Рабочий

вопрос – вот тот путь, на котором мы должны опередить Европу и показать ей пример. Пусть то, что на Западе значит разрушение, у славян будет творческим созиданием... Народу нашему утверждение в вере и вещественное обеспечение нужнее прав и реальной науки... Только удовлетворение в одно и то же время и вещественным, и высшим (религиозным) потребностям русского народа может вырвать грядущее поколение простолюдинов из когтей нигилистической гидры. Иначе крамолу мы не уничтожим, и социализм рано или поздно возьмет верх, но не в здоровой и безобидной форме новой и постепенной государственной организации, а среди потоков крови и неисчислимых ужасов анархии... Надо стоять на уровне событий, надо понять, что организация отношений между трудом и капиталом в том или другом виде есть историческая неизбежность и что мы должны не обманывать себя, отвращая лицо от опасности, а, взглянув ей прямо в глаза, не смущаясь, понять всю ее неотвратимость».

Как бы предвидя возражения со стороны непримиримых монархистов и критиков идеологии «экономического материализма», Леонтьев в той же статье специально подчеркивает, что реальный социализм может существовать лишь при прочной монархии, никакие другие государственно-политические формы не могут гарантировать прочности социализма как правильно выстроенных отношений между трудом

и капиталом: «Я скажу даже больше: если социализм не как нигилистический бунт и бред самоотрицания, а как законная организация труда и капитала, как новое корпоративное принудительное закрепощение человеческих обществ имеет будущее, то в России создать... этот новый порядок, не вредящий ни Церкви, ни семье, ни высшей цивилизации – не может никто кроме монархического правительства».

Леонтьев по размышлению понимает, что «монархический социализм» не может держаться только на одном столпе – самодержавной власти. Нужна другая опора – вера, религия, Церковь. За год до смерти в письме к Александрову Константин Николаевич еще раз излагает план мистического и монархического реакционного «социализма»: «Иногда я думаю, что какой-нибудь русский царь станет во главе социалистического движения и организует его так, как Константин способствовал организации христианства. Но что значит “организация”? Организация значит принуждение, значит благоустроенный деспотизм, значит узаконение хронического, постоянного, искусно и мудро распределенного насилия над личной волей граждан... И еще соображение: организовать такое сложное, прочное и новое рабство едва ли возможно без помощи мистики. Вот если после присоединения Царьграда небывалое доселе сосредоточение православного управления в соборно-патриаршей форме совпа-

дает, с одной стороны, с усилением и того мистического потока, который растет еще теперь в России, а с другой – с неотвратимыми и разрушительными рабочими движениями и на Западе, и даже у нас, – то хоть за две основы – религиозную и государственно-экономическую – можно будет поручиться надолго».

Сельская община и социализм

Говоря об особенностях русского человека, Леонтьев называл такую его особенность, как коллективизм. Этот коллективизм проистекал из общинной формы организации крестьянской жизни. Хотя Леонтьев не был народником (более того, народников не любил и презирал), он, как и народники, полагал, что это создает основу для «русского социализма». Впрочем, отношение Леонтьева к такому качеству, как коллективизм, было смешанным. Он сначала очень был этим недоволен, полагая, что коллективизм не в состоянии произвести ярких личностей. А если нет ярких личностей, то нет и «цветущей сложности». Коллективизм русского человека претил эстетическому чувству Леонтьева. Вероятно, в его представлении коллективизм ассоциировался с чем-то наподобие «лагерного социализма» Л. Троцкого, в котором действительно самобытной личности места не было. Но позднее, когда Леонтьев стал возлагать определенные надежды на социализм, он ухватился за идею коллективизма – по принципу «нет худа без добра».

Корнем русского коллективизма была сельская община. На общину как основу исключительно «русского социализма» Леонтьев обратил внимание еще в 1870 году в своей работе «Грамотность и народность». Вот фрагменты этой работы: «Европейцы, чуя в нас для них что-то неведомое, приходят в ужас при виде этого грозного, как они говорят, “соединения самодержавия с коммунизмом”, который на Западе есть кровавая революция, а у нас монархия и вера отцов». Под российским «коммунизмом» понималась сельская (земская) община, которая сохранилась и после того, как в 1861 году была начата реформа, известная под названием «отмена крепостного права». «Крепостное право» было отменено, а «земская община» — сохранена. И это, по мнению Леонтьева, было спасительным для России решением. Те молодые реформаторы, которые хотели из России сделать Европу, сами того не ожидая, сделали полезное дело: «...они не предвидели, что земская община будет у нас в высшей степени охранительным началом и предупредит развитие буйного пролетариата; ибо в ней некоторого рода коммунизм существует уже de facto, а не в виде идеала, к коему надо рваться, ломая преграды». Фактически у Константина Николаевича синонимом «монархического социализма» был *«феодальный социализм»*, или *«социалистический феодализм»*. И он не стеснялся таких формулировок и выражений. Ведь надо было спасти Россию и Европу!

Сословный социализм как форма «монархического социализма»

Мы уже говорили, что К. Леонтьев полагал сословность обязательным условием стабильности любого государства. В Западной Европе буржуазные революции сословность уничтожили, что дало свободу «подвижному капиталу», который начал свою разрушительную работу. В России сословность сохранялась до Александра II, хотя, безусловно, в отдельные элементы этой сословности постоянно вносились какие-то коррективы.

Напомним, что в Российской империи население имело достаточно сложное деление по разным группам, причем каждая имела свои особенные права и обязанности. И это было зафиксировано в своде законов Российской империи. Прежде всего, все проживающие на территории империи лица делились на подданных и иностранцев. Подданные, в свою очередь, состояли из трех категорий: природные подданные, инородцы, финские обыватели. Собственно сословиями были четыре основные группы природных подданных (статья 4 Свода законов): 1) дворянство; 2) духовенство; 3) городские обыватели; 4) сельские обыватели.

Однако в рамках указанных сословных групп между отдельными лицами могли быть столь серьезные культурно-исторические различия, что на практике под сословиями понимались более

мелкие группы. Например: дворянство делилось на потомственное и личное (и они имели между собой очень мало общего); духовенство разделялось по исповеданиям; городское сословие распадалось на пять различных «состояний» (статья 503): почетные граждане (личные и потомственные), гильдейское купечество (местное и иногородное), мещане (или посадские), ремесленники (или цеховые), рабочие люди. Отдельно закон выделял еще «казачье сословие».

После реформ Александра II, по мнению известного российского правоведа Н. М. Коркунова, эффективно сословные различия сохранились только в существовании одного привилегированного сословия – дворянства*. Тем самым русское законодательство того времени о правах состояния состояло в противоречии с фактическими условиями жизни; не редкость было встретить человека, который не знал, к какому сословию он принадлежал. К. Леонтьев прекрасно видел, как на его глазах происходило размывание и уничтожение сословной структуры российского общества. Поэтому Константин Николаевич всегда призывал к сохранению и восстановлению той сословности, которая существовала еще при императоре Николае I. В последние годы программа восстановления сословности в России стала частью проекта «монархического социализма» Леонтьева.

* Коркунов Н. М. Русское государственное право. Том I. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1901. Глава III.

Социалистический проект Леонтьева можно было бы назвать «сословным социализмом», поскольку он предполагал сословное устройство общества, которое, по мнению Константина Николаевича, необходимо для укрепления государственности. Леонтьев ожидал «образования новых весьма принудительных общественных групп, новых горизонтальных юридических расслоений, рабочих, весьма деспотических и внутри вовсе не эгалитарных республик... узаконения новых личных, сословных и цеховых привилегий... вся земля будет разделена между подобными общинами и личная поземельная собственность будет... уничтожена». В рамках феодально-сословного социализма власти «ограничат надолго прямыми узаконениями и всевозможными побочными влияниями как чрезмерную свободу разрастания подвижных капиталов, так и другую, тоже чрезмерную свободу обращения с главной недвижимой собственностью – с землей»*.

«Корпоративный социализм»

Кстати, некоторые исследователи творчества Леонтьева отмечают, что та социально-экономическая модель, которая на некоторое время уста-

* Более подробно с этими идеями Леонтьева можно ознакомиться в интересной статье М. А. Емельянова-Лукьянчикова «Константин Леонтьев о “социалистическом феодализме” в России: два сценария» // Интернет. Режим доступа: <http://www.portal-slovo.ru/history/39049.php>

новилась при «диктаторах» Франко и Салазаре в послевоенных Испании и Португалии, имела некоторое сходство с моделью «сословного социализма» Леонтьева. Там роль сословий выполняли корпорации, получившие от «диктаторов» особые полномочия. Своеобразная модель «*корпоративного социализма*». Известный эмигрантский исследователь творчества Константина Леонтьева Юрий Иваск (1907–1986) в своей книге «Константин Леонтьев (1831–1891). Жизнь и творчество» (впервые была опубликована в США в 1974 году) высказал предположение, что если бы Леонтьев дожил до середины XX века, то он стал бы сторонником корпоративных государств, созданных Франко в Испании и Салазаром в Португалии.

Эту же мысль подхватывает другой автор, православный священник: «И Леонтьев, и Салазар, и Франко были приверженцами государственности христианской. Леонтьев был озабочен сохранением России – наследницы Византии, православный дух которой он считал нашим безценным наследством и который уже начал гаснуть к его времени. А в одной из своих речей создатель и бессменный на протяжении 40 лет руководитель португальского “нового государства” профессор экономики Антониу Салазар призвал: “Рассматривать Государство как служение Богу во имя общего блага, всем сердцем – теми, кто облечен властью; не забывать, когда повелеваешь, во имя какой справед-

ливости это осуществляется, и не забывать, когда подчиняешься, о священном достоинстве того, кто повелевает”. Христианская государственность и была для них “деспотической идеей”, которая не давала основанной на ней материи национальной жизни разбегаться и растворяться в окружающем. Салазар и Франко, как никто из европейских, да и мировых лидеров, понимали, что сложность и цветение элементов их миров тогда возможны, когда скреплены рамками объединяющей их идеи христианской государственности. В этих рамках осложнение и цветение составных частей целого дает силу и своеобразие самому целому. Но появление и развитие элементов, не вписывающихся в единство целого – губит это целое, а следовательно, губит и его элементы»*.

Особенно близка к идеям К. Леонтьева модель корпоративного государства, которая существовала на протяжении нескольких десятилетий в Португалии (с 1933 по 1968 г.). Примечательно, что установление режима Антониу Салазара произошло в начале 1930-х годов без каких-либо революций, переворотов и войн. Все было тихо и «цивилизованно». По какому-то недоразумению этот режим называют фашистским. Он, скорее, имел ярко выраженную национальную окраску, ставил задачу консолидации всех национальных сил. Никаких тесных идейных отношений с Гит-

* Свящ. Георгий Титов. Опыт построения элитарного государства // Интернет. Режим доступа: <http://www.sorokinfond.ru/index.php?id=276>

лером и Муссолини, которые провозглашали национал-социалистические лозунги, у португальского лидера не было. Опять-таки власть в Португалии называли диктатурой. Все познается в сравнении. Власть Салазара трудно назвать диктатурой на фоне фашистских режимов Гитлера и Муссолини. Между прочим, в Португалии не было даже смертной казни. Хотя принято считать Португалию отсталой в экономическом отношении страной, однако во времена Салазара ее относительный экономический уровень (на фоне Европы) даже несколько вырос. Пусть Салазар не стеснялся называть свое государство элитарным, однако степень социальной поляризации в этой пиренейской стране не была предельной. Также Салазар не стеснялся называть свое государство корпоративным, хотя такое название ассоциировалось с фашистскими режимами. Наконец, руководитель Португалии уделял большое внимание религии (Католической церкви). Между прочим, Гитлер занимал почти открыто враждебную позицию по отношению к христианству, а Муссолини и Франко были просто католиками и в жизнь Церкви сильно не вникали. А вот Салазар, как полагают некоторые исследователи, в целях укрепления государственной власти опирался на Католическую церковь не меньше, чем на армию.

Суть корпоративного государства Салазара раскрывает современный исследователь М. Ф. Ан-

тонов в своей книге «От капитализма к тоталитаризму». Согласно конституции, принятой в 1933 году, Португалия объявлялась *«унитарной корпоративной республикой»*. Власть формально осуществляли президент и государственный совет, а по существу – премьер-министр с диктаторскими полномочиями, который сам назначал министров (поэтому про него говорили, что он – «президентствующий премьер»). Национальное собрание (парламент) было совещательным органом. (Сам Салазар говорил, что ему достаточно небольшого парламента – совета министров.) Была создана и Корпоративная палата, которая включала представителей местных властей и религиозных организаций, промышленников, торговцев и деятелей культуры. Этот орган мог обсуждать проекты законов, которые потом передавались на рассмотрение Национального собрания. Избирательными правами пользовались люди состоятельные и грамотные (женщины – не менее чем с дипломом средней школы)*. Конечно, Португалию времен Салазара с большой натяжкой можно назвать «корпоративным социализмом». В литературе ее чаще называют «корпоративным капитализмом». Или более нейтрально – «корпоративное государство».

Но если говорить честно, то у Леонтьева понятие «социализм» также достаточно условно,

* См.: Антонов М. Ф. От капитализма – к тоталитаризму. Мир в XXI веке и судьбы России. М.: Альта-Принт, 2008. Глава 6 «Корпоративное «новое государство» Антониу Салазара».

поскольку оно экономическое, не касается цивилизационного устройства общества. «Капитализм» и «социализм» – лишь некие градации на шкале, определяющей степень государственного вмешательства в экономику, его влияния на распределение общественного продукта, масштабность государственных социальных программ. Это примерно, как спор двух людей, оптимиста и пессимиста, по поводу стакана с водой. Один утверждает, что стакан наполовину полон (оптимист), другой – что наполовину пуст (пессимист). Одни, например, могут утверждать, что Швеция – страна особого «шведского социализма». А другие, наоборот, – что это страна особого «шведского капитализма». Никаких стандартов для определения границы между капитализмом и социализмом в таком узком (экономическом) понимании в мире не существует.

Предчувствия социалистической «пугачевщины»

Но постепенно Леонтьев перестает верить даже в возможность «монархического социализма». Слишком очевидно, что либерализация в России усиливается, а монархическая власть не укрепляется. Более того, Леонтьев начинает чувствовать, что эта власть в ближайшее время может резко ослабнуть. Это предчувствие Леонтьева основывается на том, что в России стала витать идея «конституции», «конституционной монар-

хии». Константин Николаевич прекрасно понимал, что конституция проблем России не решит. На некоторое время она может создать иллюзию того, что Россия стала «цивилизованной страной». Но на самом деле конституция – мина замедленного действия. Почему? Русский человек привык бояться Бога и повиноваться Государю. Русскому человеку говорят: больше не надо повиноваться Царю, главное, чтобы ты исполнял закон. Уважение и покорность монарху быстро исчезают. А вот подчинение закону не появляется. Русского человека к законопослушанию надо готовить, учить очень долго. А до того как он успеет стать таким же законопослушным, как англичанин или немец, в России вспыхнет «пугачевщина». И эта «пугачевщина» приведет к созданию в конце концов социализма. Но не того, «монархического», социализма, а социализма «жесткого», устанавливающего настоящее рабство. Коллективным же рабовладельцем будет государство, управляемое небольшой группой революционеров. В последние годы своей жизни Леонтьев находился в подавленном состоянии, поскольку он ощущал вполне отчетливо, что именно этот вариант социализма помимо его воли и желания будет иметь место в России. Вот что он прозорливо писал о конституции и последующей социальной революции в России: «Либерализм, простертый еще немного дальше, довел бы нас до взрыва, и так называемая конституция была бы самым верным средством для произведе-

ния насильственного социалистического переворота, для возбуждения бедного класса населения противу богатых, противу землевладельцев, банкиров и купцов, для новой, ужасной, может быть, пугачевщины. Нужно удивляться только, как это могли некоторые, даже и благонамеренные, люди желать ограничения царской власти в надежде на лучшее умиротворение России! Русский простолюдин сдерживается гораздо более своим духовным чувством к особе Богопомазанного Государя и давней привычкой повиноваться Его слугам, чем каким-нибудь естественным свойством своим и вовсе не воспитанным в нем историей уважением к отвлеченностям закона. Известно, что русский человек вовсе не умерен, а расположен, напротив того, доходить в увлечениях своих до крайности. Если бы монархическая власть утратила бы свое безусловное значение и если бы народ понял, что теперь уже правит им не сам Государь, а какими-то неизвестными путями набранные и для него ничего не значащие депутаты, то, может быть, скорее простолюдина всякой другой национальности русский рабочий человек дошел бы до мысли о том, что нет больше никаких поводов повиноваться. Теперь он плачет об убитом Государе в церквах и находит свои слезы душеспасительными; а тогда о депутатах он не только плакать бы не стал, но потребовал бы для себя как можно побольше земли и вообще собственности и как можно меньше податей...»

Н. Бердяев в своей работе о Леонтьеве (опубликованной в 1926 году) так комментировал эти слова Леонтьева: «Предсказание это сбывается дословно. В нем дано описание характера русской революции лет за тридцать пять до ее торжества». Бердяев писал, что у Леонтьева «можно найти и совершенно конкретные предвидения русской революции, почти буквальное описание ее характера. В этом он был настоящим пророком. Эти предвидения чередовались у него с планами и мерами предотвращения грядущей опасности и грядущего разрушения, часто наивными и практически бездейственными». В начале 1890 годов Леонтьев отмечал, что если идти в том же направлении, то «Россия, через каких-нибудь десять всего лет, увидела бы себя с целым сонмом ораторов, аферистов... во главе... с миллионами пьяных, разорившихся и свирепых батраков». Леонтьев не очень ошибся в сроках – до первой «русской» революции оставалось 15 лет. Он весьма живописно представлял себе эту ситуацию. «Вообразим себе на минуту, – писал Константин Николаевич – ...В России республика; члены Дома Романовых частично погибли, частью в изгнании. Монастыри закрыты; школы секуляризованы; некоторые церкви приходские, так и быть, пока еще оставлены для глупых людей. Чернышевский президентом; Желябов, Шевич, Кропоткин министрами; сотрудники наших либеральных газет и журналов – кто депутатами,

кто товарищами министров». Оторопь берет от прозорливости Леонтьева. По этой части, он, как мне думается, превзошел даже Достоевского.

Впрочем, даже дикая «пугачевщина» и последующий свирепый социализм, как думает Леонтьев, все-таки лучше, чем либерализм, который гораздо быстрее доведет человечество до могилы. В работе «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» мы читаем: «Коммунизм в своих буйных стремлениях к идеалу неподвижного равенства должен рядом различных сочетаний с другими началами привести постепенно, с одной стороны, к меньшей подвижности капитала и собственности, с другой – к новому юридическому неравенству, к новым привилегиям, к стеснениям личной свободы и принудительным корпоративным группам, законами резко очерченным, вероятно даже, к новым формам личного рабства или закрепощения». Мы были свидетелями именно такой модели социализма и можем подтвердить, что действительно были «стеснения личной свободы», существовали «*принудительные корпоративные группы*», имели место «*новые формы личного рабства или закрепощения*», постепенно возникало «*новое юридическое неравенство*» и «*новые привилегии*». Но было при этом уменьшение «*подвижности капитала и собственности*», проще говоря, было уничтожено всевластие капитала. Да, было непростое время, его можно оценивать по-разному. Но прав был

Леонтьев, когда говорил, что даже такая жестокая форма коммунизма не является абсолютным злом, так как притормаживает быстрый процесс либерального разложения человечества и его движения к своей гибели.

Какой социализм нужен России?

Следует признать, что кое в чем Леонтьев заблуждался. Он считал, что именно Россия может стать оплотом противостояния той социальной революции, которая вызревала в Европе. Оказалось, что Россия, наоборот, стала лидером мировой социалистической революции, которой в немалой степени заразил Европу. Сначала, сразу же после Первой мировой войны, Германию и Венгрию (неудавшиеся социалистические революции), а потом, после Второй мировой войны, — Восточную Европу, а также некоторые страны за пределами Европы. Бердяев писал в 1926 году: «В одном отношении К. Н. ошибался: он долгое время думал, что в России почва разнообразнее и сложнее, чем в современной Европе, и что поэтому Россия может остановить мировую социалистическую и анархическую революцию. Оказалось, что Россия стала во главе социалистической и анархической революции, и эгалитарная страсть оказалась в русском народе более сильной, чем у народов Запада».

Кстати, внимательно читая Леонтьева, можно понять и сравнительно скромный срок суще-

ствования советского социализма (70 лет). У него была одна опора – государство. Причем сверхжесткое государство, на языке большевиков – «диктатура пролетариата». Но на одной опоре долго не устоишь. Не было второй опоры, о необходимости которой предупреждал Константин Николаевич, – вера, религия, Церковь. Сталин задумался об этой опоре, но слишком поздно. А Хрущев эту опору, которую только-только начали воздвигать после войны, немедленно демонтировал. Была еще третья опора в конструкции Леонтьева – община и коллективизм. Но ее начал демонтировать еще Столыпин, а большевики успешно завершили этот процесс. Ни советы, ни трудовые коллективы, ни колхозы не смогли вернуть того истинного духа народного коллективизма, о котором писал Леонтьев.

Несложно заметить определенную противоречивость в высказываниях Леонтьева по поводу социализма. Но эта противоречивость поверхностная, так как высказывания относятся к разным годам. А ситуация в России и в мире уже в те далекие времена была достаточно динамичной.

Кроме того, следует обратить внимание на то, что социализм в работах Леонтьева используется в разных смыслах. В одних случаях речь идет о социализме как некоей религии, заменяющей христианство. Религии, на фундаменте которой может возникнуть некая еще неизвестная человечеству цивилизация (которой Леонтьев

очень боялся, полагая ее «концом истории»). В других случаях речь идет о социализме как некоей государственной политике, направленной на регулирование социально-экономических отношений. Политике, которая не посягает на то, чтобы стать новой религией. Политике, которая осуществляется на фундаменте существующей цивилизации. К сожалению, и сегодняшние бесконечные споры по поводу социализма в немалой степени порождаются этой путаницей. Очевидно, что *социализм как религия и цивилизация* – это путь в никуда, приближение «конца истории» (точнее – земной истории). Если речь идет о том, что *социализм – лишь часть цивилизации, относящаяся к сфере социально-экономической*, тогда надо понять, частью какой цивилизации такой социализм является или может быть. К сожалению, ни наши политологи, ни наши философы, ни наши политики такими метафизическими вопросами не отягощаются. Надо бы им рекомендовать читать Данилевского, Леонтьева, Тихомирова.

Леонтьев продолжает думать о социализме до последних дней своей жизни. За несколько месяцев до своей кончины у Константина Николаевича состоялась беседа с Л. А. Тихомировым по поводу социализма. Два величайших русских мыслителя договорились о том, что они совместно будут осмысливать феномен социализма и готовить предложения для власти по поводу того,

как ей относиться к существующему социализму и какой социализм в России строить. Об этом можно прочитать в подробных воспоминаниях Льва Александровича, которые были опубликованы в виде книги «Тени прошлого». Тихомиров уже в одиночку продолжал этот проект. Он пережил Константина Николаевича на 22 года и за это время успел подготовить много интересных работ, посвященных проблеме социализма. Видно, что целый ряд мыслей Тихомирова были навеяны Леонтьевым, которого Лев Александрович считал своим учителем. Тем не менее отношение обоих мыслителей к социализму было разным: у Леонтьева – смешанным, противоречивым, а у Тихомирова – почти исключительно негативным.

Константин Леонтьев об экономике

Нельзя ставить монументы за ловкую торговлю... Торговля необходима; торговля в государстве то же, что пищеварение в теле; и без пищеварения нельзя; но никто не считает пищеварение отправлением высшим, и нельзя идею торговли возводить на пьедестал, наравне с гражданской доблестью, с поэзией, с военными подвигами, пожалуй, даже и с научными заслугами, столь измельчавшими

и опошленными теперь бездарным множеством ученых вульгарностей.

*К. Леонтьев. Господин Катков
и его враги на празднике Пушкина*

Сразу хочу сказать, что К. Леонтьев не ставил перед собой задачу специально заниматься изучением и осмыслением экономики. Никакого систематического, целостного изложения взглядов на экономику мы у Леонтьева не найдем. Тем не менее в его работах можно обнаружить много интересных и остроумных замечаний, имеющих прямое или косвенное отношение к сфере сельского хозяйства, промышленности, торговли, денег и т.п. Кроме того, общий подход Леонтьева к изучению и пониманию общества и истории содержит некоторые подсказки, позволяющие нам лучше понимать, что такое экономика.

Ответы Леонтьева на вызовы «экономического материализма»

Ключевая мысль Леонтьева, касающаяся экономики, очень проста: *экономическая сфера жизни общества занимает важное, но все-таки подчиненное положение по отношению к таким сферам общественной жизни, как политика, государственная деятельность, культура, религия.* Такое понимание роли и места экономики в обществе вписывается в концепцию цивилизации (культурно-исторических типов) Н. Данилевско-

го. Леонтьев считал себя учеником и продолжателем дела Данилевского, восприняв с небольшими оговорками его учение о цивилизации. Правда, Леонтьев в отличие от своего предшественника и учителя не стал углубляться в изучение экономики, а у Данилевского был ряд интересных работ на эту тему. Для иллюстрации понимания Леонтьевым места экономики в обществе приведу цитату из его статьи «Господин Катков и его враги на празднике Пушкина»: «Нельзя ставить монументы за ловкую торговлю... Торговля необходима; торговля в государстве то же, что пищеварение в теле; и без пищеварения нельзя; но никто не считает пищеварение отправлением высшим, и нельзя идею торговли возводить на пьедестал, наравне с гражданской доблестью, с поэзией, с военными подвигами, пожалуй, даже и с научными заслугами, столь измельчавшими и опошленными теперь бездарным множеством ученых вульгарностей».

Подобного рода высказываний у Леонтьева достаточно много. И они не случайны. Дело в том, что Константин Николаевич жил в то время, когда неожиданно в обществе возобладали идеология так называемого экономического материализма. На этот феномен обращал внимание не только К. Леонтьев, но также другие русские мыслители конца XIX – начала XX века. Среди них Л. Тихомиров, С. Булгаков, Н. Бердяев. Леонтьев во многих своих работах показывает, что

в большинстве случаев за конкретными проявлениями «экономического материализма» прячется зло более высокого порядка – либерализм с его религиозными фетишами научного, технического и экономического «прогресса».

Гипнотический эффект западной экономической «науки»

Идеология «экономического материализма» зародилась не внутри России, она пришла к нам из Европы под видом разного рода «научных» теорий. Например, в виде марксизма, который, по мнению его адептов, впервые поставил на «научную» основу изучение общества и истории. Ключевой категорией марксистской «науки» стала «общественно-экономическая формация». Это абстрактная модель общества для всех стран и на все времена. Эта модель исходит из того, что фундаментом общества (базисом) является экономика, экономические отношения. А все остальное можно назвать «надстройкой», которая опирается на экономический базис и которая вырастает из него. Основоположник марксизма включал в надстройку политику, государство, идеологию, культуру, науку, право и даже... религию. У Маркса даже религия оказывалась «продуктом» экономического развития. Фактически экономический материализм Маркса – «религия наоборот», «религия экономизма». Между прочим, в начале XX века С. Булгаков

написал небольшую работу, которая называется «Карл Маркс как религиозный тип». Нетрудно заметить, что общественно-экономическая формация дает перевернутую картину социального мира по сравнению с картиной, которая основывается на понимании общества как цивилизации. Впрочем, такую же перевернутую картину социального мира давали и те западные теории, которые условно можно было назвать «буржуазными». Особенно экономические теории. К середине XIX века удалось создать миф о том, что экономическая наука в отличие от традиционных социальных наук лишена «субъективности», некоторые адепты «экономического материализма» дошли даже до того, что стали относить ее к разряду «точных» наук. Чтобы возникла иллюзия того, что экономика – «точная» наука и всякие сомнения относительно ее выводов можно отнести к разряду «мракобесия», ее стали активно наполнять формулами, таблицами и математическими расчетами (математизация экономики).

На многих в России этот «научный» гипноз действовал безотказно. В России появилась своя «экономическая наука», которая на самом деле на 99 процентов была перепевами западных авторов, принадлежавших к религиозной секте «экономического материализма». Самобытных русских экономистов того времени можно было пересчитать по пальцам. К ним прежде всего можно отнести Сергея Шарапова, Василия Коко-

рева, Александра Кошелева, Александра Нечволодова, Георгия Бутми. Они не принадлежали к корпорации «профессиональных экономистов», то есть не были заложниками религиозных идей «экономического либерализма».

На Леонтьева чары западного «экономического материализма» также не действовали. Думаю, что достаточно скромное место, которое Леонтьев в своем творчестве уделяет экономике, в определенном смысле является вызовом «духу времени» и «экономическому материализму». Тем самым Леонтьев как бы ставит экономику на законное место. Прежде всего – в сознании человека. Константин Николаевич хочет напомнить читателю, что кроме желудка в человеке есть много других важных органов и частей: сердце, мозг, легкие и т.д. Что кроме пищеварения в человеке имеют место и другие важные процессы: дыхание, кровообращение, обмен веществ. Не говоря уже про такой «невидимый» глазу процесс, как мышление.

Кстати, Леонтьев ставил экономику на ее законное место даже в политике. В политике он как дипломат разбирался очень неплохо. В среде государственных деятелей и дипломатов в то время существовало непререкаемое мнение, что национальное богатство, экономическая мощь государства является самой главной гарантией безопасности и устойчивости государства. Экономическая мощь может компенсировать любые

другие слабости государства. Леонтьев так не считал. Например, в работе «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» Константин Николаевич писал: «...богатство нации одно только само по себе менее всего может спасти нацию от политической гибели». В данном случае он имел в виду Францию, которая формально была в 1870-е годы самой экономически сильной страной Европы после Англии, но в которой имелись явные признаки разложения. Леонтьев предсказывал, что в будущем Франция понесет еще новые поражения (после поражения во франко-прусской войне).

Западная экономическая мысль — разновидность либерализма

В своих работах Леонтьев упоминает имена некоторых западных экономистов. Так, Константин Николаевич достаточно подробно разбирает некоторые положения работ английского экономиста Джона Стюарта Милля (1806–1873). Леонтьев ставит Милля намного выше других экономистов и социологов Европы за то, что тот очень глубоко и тонко показывает процессы социальной энтропии (разрушения) под влиянием капиталистического развития. Особенно близки Леонтьеву мысли англичанина о том, что капитализм разрушает кристаллическую структуру общества, предельно упрощает ее, порождает социальное, культурное и умственное однообра-

зие, делает общество серым и унылым, ускоряет «закат» Европы. Константин Николаевич цитирует известную работу Милля «О свободе». Но при этом отмечает крайне неудачное название самой книги, подозревая, что сам автор не свободен от уз экономического и всякого иного либерализма: «В 50-х годах Дж. Ст. Милль издал замечательную книгу “О свободе”. Книга эта, положим, весьма неудачно озаглавлена – ее надо бы назвать “О разнообразии” или “О разнообразном развитии людей”, – ибо она написана прямо с целью доказать, что однообразие воспитания и положений, к которому стремится Европа, есть гибель. “Свобода” тут у него вовсе некстати, ибо от него как-то ускользнуло то обстоятельство, что именно нынешняя свобода, нынешняя легальная эгалитарность, больше всего и способствует тому, чтобы все большее и большее количество людей находилось в однородном положении и подвергалось бы однообразному воспитанию». Это цитата из работы Леонтьева «Национальная политика как орудие всемирной революции. Письма к отцу Иосифу Фуделю» (1888). Далее Леонтьев заключает: «Однако, несмотря на эту грубейшую и непостижимую ошибку, в этой книге Дж. Ст. Милля есть драгоценные страницы и строки, его же собственный либерализм беспощадно опровергающие». О чем свидетельствуют эти замечания Леонтьева об английском экономисте? Во-первых, о том,

что он относится с большой симпатией к Миллю (считая его одним из наиболее ярких мыслителей Запада XIX века). Во-вторых, что даже такой яркий мыслитель, как Милль, оказывается пленником идеологии либерализма, которую тогдашний немецкий социолог Макс Вебер называл «духом капитализма» (не вкладывая, между прочим, в это понятие никакого негатива).

Технический и экономический прогресс — детище либерализма

Экономика Леонтьева интересует не сама по себе, а как некое звено в цепи причинно-следственных связей. Причинно-следственные связи, которые порождают изменения одновременно на всех уровнях жизни и бытия человека. Таков общий методологический подход Леонтьева к изучению социального мира в рамках его «натуралистической социологии». В уже упомянутой работе «Национальная политика...» Константин Николаевич пишет: «Природа, “натура” человека, учреждения, быт, вера, моды — все это органически связано». Он развивает эту мысль: «...природа (особенно до изобретения паровых и электрических сообщений) влияла, как всякому известно, глубоко не только на общие нравы и личные характеры, но и на учреждения. И наоборот, учреждения (особенно при нынешних средствах сообщения) глубоко влияют на природу. Общество везде нынче жестоко подчи-

няет природу (в том числе и личный характер, натуру отдельного лица)». В данном случае под «учреждениями» у Леонтьева понимается то, что сегодня принято называть «институтами». Это различные организационные институты (государственные, частные, общественные), законы, устоявшиеся привычки (обычаи), неформальные нормы и т.п. У нас в университетах и институтах даже преподается дисциплина «институциональная экономика». Преподается в духе махрового либерализма, а оттого она крайне бессодержательна.

Но вернемся к Леонтьеву. Как видно из приведенного выше отрывка, после того, как из бутылки был выпущен джин «технического прогресса»? Экономическая сфера с ее капиталистическими институтами начала активно влиять на природу: во-первых, природу самого человека; во-вторых, природу, окружающую человека.

«Прогресс» и разрушение внутренней природы человека

Нет, пожалуй, ни одного произведения Леонтьева, в котором бы он не писал о том, как меняется природа человека. Когда в XIX веке началась так называемая промышленная революция, она сопровождалась повсеместным внедрением в экономику различных технических новшеств. Леонтьев пишет прежде всего о железных дорогах, пароходах, телеграфе и телефоне, электри-

ческом освещении. Хотя этим технический прогресс не ограничивался. Сюда можно прибавить повсеместное использование паровых машин в промышленности, появление двигателей внутреннего сгорания и электрических двигателей, создание новых видов оружия, внедрение новых методов выплавки чугуна и стали и т.п.

Как это влияло на *природу человека*? Если говорить коротко, то духовно нестойкие люди подпадали под действие «магии» технического прогресса, начинали верить, что технический прогресс сможет решить все проблемы общества и отдельно взятого человека. Люди все меньше полагались на Бога, все больше уповали на спасительность науки и техники. Эта мысль красной нитью проходит через многие работы Леонтьева.

Кроме того, технический прогресс в виде новых средств сообщения и электрических средств связи способствует созданию «нового Вавилона». «Вместе с усилением свободного движения личной воли, хотя бы и дурацкой, личного рассуждения, хотя бы и весьма плохого, с освобождением и от духа сословных групп, и от общенациональных старых привычек усилилась и потребность физического движения; большое количество людей захотело ездить, и ездить скоро; скоро менять и место, и условия своей жизни», – пишет Леонтьев в работе «Национальная политика...». По новым каналам коммуникаций происходит инфицирование людей вирусом либерализма, а

очагом этой инфекции в XIX веке была Европа. Вирус либерализма доходит до самых отдаленных уголков планеты, привнося не только разрушительные идеи, но также вредные привычки (жажда потребления) и ложные ценности.

Обратим внимание на то, что Леонтьев в приведенной выше цитате волю «нового» человека называет «дурацкой», а его личное рассуждение «плохим». Это сказано Константином Николаевичем не для «красного словца». В других своих работах он на этом аспекте природы «нового» человека останавливается специально. Его диагноз очень суров и нелицеприятен: «новый» человек глупеет на глазах. Леонтьев развенчивает устоявшийся миф адептов экономического и технического прогресса: мол, этот прогресс способствует развитию человека. Леонтьев с его парадоксальным видением мира и человека доказывает прямо противоположное.

«Прогресс» и разрушение природы, окружающей человека

Если влияние экономического и технического прогресса на природу человека не так бросается в глаза (учитывая, что этот процесс очень медленный), то *разрушающее его действие на окружающую человека природу* может не замечать только слепой. Леонтьев с болью пишет об этом разрушающем действии в России второй половины XIX века: «Построилось вдруг множество

железных дорог, стали вырубаться знаменитые русские леса, стала портиться почва, начали мелеть и великие реки наши. Эмансипированный русский человек восторжествовал над своей родной природой – он изуродовал ее быстрее всякого европейца». Пожалуй, наиболее подробное описание того, как экономический и технический прогресс разрушает физическую природу планеты, содержится в статье Леонтьева, которая называется «Епископ Никанор о вреде железных дорог, пара и вообще об опасностях слишком быстрого движения жизни» (1886).

Социальная энтропия и «подвижность капитала»

Леонтьев с его жестким реализмом прекрасно видит, что Европа движется к своему закату. Что признаки социальной энтропии (разложения, деградациии) обозначились и в России с того времени, когда начались реформы Александра II. Он как человек верующий, православный, прекрасно понимает первопричину этих разрушительных процессов – отход людей от Бога. Возвращение человека к Богу, возрождение умирающего христианства – дело всей Церкви, в первую очередь ее иерархов и пастырей. Вероятно, поэтому Константин Николаевич в эту сферу старается не внедряться. Он дает свои рекомендации относительно того, как укреплять другие этажи общественного здания в рамках своей «на-

туралистической социологии». Это предложения по укреплению государства как самодержавной власти, по преобразованию системы образования, по вопросам внутренней и внешней политики (особенно в части, касающейся национальных отношений), по вопросам сословной организации общества, сельской общины, семьи и т.п. Как честный врач Леонтьев заявляет: все эти предложения не смогут полностью и окончательно вылечить больного (умирающее общество, человечество). Но они могут затормозить процесс умирания, продлить больному его жизнь. Применительно к России Леонтьев называл подобного рода меры «подмораживанием».

В этих рекомендациях и предложениях имеются идеи, имеющие непосредственное отношение к экономике. Красной нитью через многие работы мыслителя проходит мысль о том, что процессы социальной энтропии резко усилились в связи с тем, что возросла «подвижность капитала». Это выражение означает, что в результате буржуазных революций в Европе и либеральных реформ в России капитал получил полную свободу. Подобно вирусу, промышленный, торговый и особенно денежный капитал начал разлагать тело социального организма. Некогда крепкое и разноликое традиционное общество с его «цветущей сложностью» (выражение Леонтьева) стало перемалываться вирусом капитализма, превращаться в труху, серую бесформенную массу.

Такое упрощение, постепенное превращение органического целого в механический набор молекул и атомов, есть движение к смерти. Напомним, что Леонтьев был медиком, что помогало ему смотреть на общество как на живой организм. Кроме того, у Леонтьева было в высшей степени развито эстетическое чувство, поэтому сложные социально-экономические процессы он воспринимал весьма своеобразно. Отсюда такое нестандартное описание капитализма, которое разительно отличается от тяжеловесного языка многих протестантских авторов. Или от языка Карла Маркса, который описывал процесс капиталистического накопления языком профессионального талмудиста.

Сословность общества как преграда для всевластия капитала

Зафиксировав причинно-следственную связь между «подвижностью капитала» и социальной энтропией, Леонтьев делает естественный вывод: *надо ограничить «подвижность капитала»*. Каким образом? Прежде всего, *восстановив в России сословность*, которая начала разрушаться в период реформ Александра II. Сословность означает наличие перегородок между отдельными группами общества. Перегородок в виде запретов, ограничений прав или, наоборот, неких преференций, привилегий, полномочий, равно как и неких обязанностей и повинностей

по отношению к государству. Буржуазные революции в Европе проводились под лозунгами ликвидации сословного деления общества, без чего капитал не мог получить полной свободы и власти. Леонтьев выступал за сохранение сословий дворянства, крестьянства, священства, купечества, мещанства, чем заслужил звание «ретрограда», «реакционера», «консерватора». Так его величали либералы в эпоху царской России, так его продолжали величать и в советское время (правда, в этот период о Леонтьева старались вообще не вспоминать).

О рабстве вообще и рабстве капиталистическом

Леонтьев как мастер парадокса прямо заявляет, что именно сословность спасает миллионы людей от рабства. Вот, например, в своей главной работе «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» (1872–1884) он раскрывает ложь одного из мифов либерализма, мифа о том, что рабство – явление давно минувших времен. Рабство – неистребимо. В лучшем случае общество может сузить сферу действия рабства, но не ликвидировать его. Вот его высказывание на этот счет: «...рабство никогда не уничтожалось вполне и не только не уничтожится, но, вероятно, вскоре возвратится к новым и, вероятно, более прочным формам своим». Леонтьев неплохо понимает человеческую природу человека. В

том числе человека духовно слабого. Такой человек склонен к тому, чтобы принять добровольно социальное, экономическое рабство: «Дайте людям везде продавать или отдавать себя в вечный пожизненный наем из-за спокойствия, пропитания, за долги и т.д., и вы увидите, сколько в наше время нашлось бы крепостных рабов или полурабов, по воле». Крепостное право, которое враги русского царизма во все времена называли «феодалным рабством», по Леонтьеву, являлось средством защиты русского мужика от настоящего рабства, которое даже классики марксизма называли «наемным рабством». Стоило начать слом сословных перегородок и дать волю капиталу, как русский мужик стал быстро превращаться в раба. Леонтьев пишет о наемном, капиталистическом рабстве в работе «Средний европеец...»: «Рабство... есть сильная невольная зависимость рабочих людей от представителей подвижного капитала; велика власть денег у богатых; и это так; но если сравнить прежнее положение дел хоть у нас в России с нынешним, то мы увидим, что и везде, где произошло сословное смешение, — есть власть у богатых; бедные зависят от них».

О русской крестьянской общине и «закрепощении» дворянства

Кстати, Леонтьев полагал, что из всех реформ Александра II так называемая аграрная,

или крестьянская, реформа не носила откровенно либерального характера. Леонтьев не возражал против того, чтобы крестьянин был освобожден из-под так называемой крепостной зависимости (хотя и он, и другие современники считали, что скорее это был «помещичий патернализм» за редкими исключениями). Против чего Леонтьев возражал, так это против того, чтобы крестьянина освободить без земли, сделав его абсолютно незащищенным перед акулами капитала. Такие варианты крестьянской реформы обсуждались. Слава Богу, говорит Леонтьев, что этого не произошло. Но попытки оторвать крестьянина от земли продолжались. Чтобы такой сценарий не был реализован, Леонтьев выступает за сохранение крестьянской общины и закрепление за крестьянами прав на общинную землю. Без этого может быть обрушена важная опора Российской империи. В той же работе «Средний европеец...» Леонтьев пишет: «Сильны, могучи у нас только три вещи: византийское Православие, родовое и безграничное самодержавие наше и... наш сельский поземельный мир».

Мало того, что Леонтьев выступал за сохранение сельской общины и закрепление за ней вечных прав на землю. Здесь он был не одинок. За это выступали и народники (по крайней мере, некоторые). Леонтьев идет дальше. Он предлагает также «закрепостить» дворянство, то есть законсервировать это сословие: «Спасение не в том,

чтобы усиливать движение, а в том, чтобы как-нибудь приостановить его; если бы можно было найти закон или средство прикрепить дворянские имена, то это было бы хорошо; не развинчивать корпорации надо, а обратить внимание на то, что везде прежние более или менее принудительные (неподвижные) корпорации обратились в слишком свободные (подвижные) ассоциации и что это перерождение губительно. Надо позаботиться не о том, чтобы крестьян освободить от прикрепления их к мелким участкам их коммуны; а дворян (если мы хотим спасти это сословие для культуры) самих насильно как-нибудь прикрепить к их крупной личной собственности». В данном предложении Леонтьев абсолютно оригинален. Никто такого кроме него не предлагал. Рационально-экономического обоснования в таком предложении нет. Впрочем, Леонтьев сам об этом говорит, подчеркивая, что таким образом можно будет спасти сословие дворян «для культуры». Пожалуй, это одно из немногих предложений Леонтьева, которое мне лично кажется утопичным или вредным. Впрочем, в последние годы своей жизни Константин Николаевич к идее «закрепощения» дворянства уже не возвращался.

Предчувствие «пугачевщины» и «феодалного социализма»

В последние годы своей жизни Леонтьев начинает всерьез думать о «плохих» и «совсем пло-

хих» сценариях развития событий в Российской империи. «Подвижность капитала» продолжала нарастать, а сословная структура общества — размываться. Константин Николаевич понимает, что рано или поздно это может кончиться «пугачевщиной». Особенно если царская власть согласится на конституцию и добровольно превратится из абсолютной монархии в конституционную. За «пугачевщиной» он уже просматривает контуры той социальной модели, которую он назвал «феодальным социализмом». Это уже общество, где официальной религией будет атеизм и его подобие под названием «экономический материализм». С социальной точки зрения это будет общество с преобладающим рабским трудом людей, объединенных в большие коллективы. Управлять населением будет небольшая группа политических лидеров-социалистов. Дальнейшее описание такого общества ближайшего будущего по Леонтьеву я продолжать не буду. Оно было очень похоже на тот социализм, который установился в России после 25 октября 1917 года. С политической точки зрения это было государство «диктатуры пролетариата», с социально-экономической точки зрения это было рабство миллионов простых граждан, а в качестве совокупного рабовладельца выступало «пролетарское государство». Средства производства находились в руках этого государства. Бенефициарами этой модели общества выступа-

ли коммунистические вожди. Эта модель вписывалась в описание того, что Маркс называл «азиатским способом производства», а социологи и экономисты XX века – «государственным капитализмом». Этот «государственный капитализм» прикрывался псевдосоциалистической риторикой. К описанию советского общества, которое начали строить большевики после семнадцатого года, можно еще добавить, что оно было атеистическим, а практическая политика пролетарского государства в религиозной сфере стала откровенно богоборческой. Впрочем, это описание касается советского общества 1920-х годов. В последующие годы и десятилетия складывалась уже иная модель. Все это предсказывал Леонтьев и говорил, что эта социалистическая «пугачевщина» неизбежно будет сопровождаться большой кровью.

«Монархический социализм»: социальная утопия или социальный идеал?

Так вот, чтобы не допустить такого кровопролития и остановить движение России к пропасти, Леонтьев предложил идею «монархического социализма». Если марксистский или иной социализм, родившийся в недрах либерализма, претендует на то, чтобы быть «новой религией», то социализм Леонтьева на это не претендовал. По мнению Леонтьева, «монархический социализм» не должен был затрагивать таких устоев

российского общества, как Православие, монархическая власть, сословность, поземельная община и т.д. Фактически у Леонтьева под социализмом понималось усиление роли государства в экономике, обеспечение более равномерного распределения общественного продукта (предотвращение чрезмерной социально-имущественной поляризации общества), обуздание излишней «подвижности капитала», ограничения (или запреты) на свободную торговлю землей и т.п. Леонтьев специально подчеркивает, что более равномерное распределение общественного продукта должно осуществляться прежде всего для того, чтобы в стране не было обездоленных людей. Такая политика не имеет ничего общего с «эгалитаризмом» (что означает «выравнивание»). Но во втором случае речь идет о выравнивании прав и обязанностей лиц, принадлежащих к разным социальным группам (сословиям). Предлагая «монархический социализм», Леонтьев категорически выступал против уничтожения сословий и той формальной «уравниловки», которую предлагали европейские социалисты типа Прудона, Лассалья и Маркса. К сожалению, предложения Леонтьева о «монархическом социализме» не были взяты на вооружение правительством Российской империи. Более того, они не были даже услышаны наверху. Поэтому вместо «монархического» социализма Россия получила социализм «феодальный», что явилось

тяжелым, но отрезвляющим испытанием для русского народа.

За последнее столетие русский народ был свидетелем того, как сначала в нашей стране рухнула монархия, которая существовала на протяжении нескольких веков. Затем рухнул социализм, который продержался в общей сложности семь десятков лет. Конечно, причин крушения монархии называют много. Наверное, были причины и экономического характера. Монархия (настоящая, а не та, искусственная, которая сохранилась еще кое-где в мире) и капиталистическая модель экономики оказались вещами плохо совместимыми. Социализм оказался недолговечным, поскольку имел ярко выраженный характер «экономического материализма», не имел надежного политического и духовного фундамента. Государство «диктатуры пролетариата» и «научный атеизм» оказались недолговечными, гнилыми опорами социалистической модели общества.

Пора делать выводы, извлекать уроки. Есть смысл еще раз задуматься об идее Леонтьева по поводу «монархического социализма». Понятно, что речь идет лишь о том, чтобы рассматривать эту модель как идеал, а не как социальный проект ближайшего будущего. Мы не готовы пока к «монархическому социализму». Но, наверное, было бы неправильно отбрасывать идею Леонтьева о «монархическом социализме» как абсолютно утопическую.

О движущих силах общества и методе их исследования

Реальные силы – это очень просто. Во всех государствах с самого начала исторической жизни и до сих пор оказались неизбежными некоторые социальные элементы, которые различными взаимодействиями своими, борьбой и соглашением, властью и подчинением определяют характер истории того или другого народа.

*К. Леонтьев. Средний
европеец как идеал и орудие
всемирного разрушения*

Любая серьезная социологическая теория или школа должны отвечать на такие фундаментальные вопросы: какова конечная, высшая цель развития общества? Каковы движущие силы общественного развития? Какова роль человека в истории? Бесконечна ли человеческая история или имеет свои пределы? И т.п.

Метафизика истории и социология К. Леонтьева

Будучи человеком православным, искренне верующим в Бога, Леонтьев некоторые из таких фундаментальных вопросов выносил за рамки своих социологических размышлений – по той

простой причине, что Священное Писание, святые отцы, христианская Церковь уже дали ответы на них. И Константин Николаевич эти истины не подвергал сомнению, они были для него святы. Таковой истиной, например, было то, что земная история творится Богом и человеком совместно, в ходе чего возникает некая синергия. Траектория развития общества не является жестко детерминированной, на отдельных отрезках истории она может изменяться в зависимости от того, как ведет себя человек – действует ли он с учетом воли Божией, исполняет ли Его заповеди. Или, наоборот, воюет с Богом, пытается «плыть против ветра». Или же не видит и не замечает Бога. Сама история есть «школа жизни» для всех людей; Бог таким путем направляет ход истории, чтобы вразумить как можно большее число людей. Бог хочет, чтобы каждый человек пришел к Нему, но добровольно, свобода воли человека сохраняется. Леонтьев также говорит о том, что земная история конечна. Это положение не только относится к разряду неоспоримых догматов христианства, но, по мнению Леонтьева, вытекает из законов развития материального мира.

Об этих и иных метафизических вопросах, являющихся аксиомами христианской социологии, Леонтьев говорит походя, как правило тогда, когда ему приходится заниматься критическим анализом западных социологических теорий, являющихся по своей сути «научным»

прикрытием религии либерализма. Большинство западных социологов не только выносят Бога за рамки своих рассуждений, они Бога вообще исключают из своих умственных построений. Он им не нужен, потому что они – либералы, а следовательно, и гуманисты. Гуманисты в том смысле, что историю, по их мнению, творит исключительно человек, который опирается на свой разум, а также науку, технику, экономику. В этих либерально-гуманистических теориях имеются лишь незначительные вкусовые различия. У одних авторов в центре истории оказывается отдельная харизматическая (пассионарная) личность типа Александра Македонского или Наполеона Бонапарта. У других – социальная группа (например, у марксистов – пролетариат). У третьих – все человечество.

У одних авторов творцы истории находятся на баррикадах, готовят революции и бросают бомбы в царей. У других – те, кто создает новые виды техники и «толкает» технический прогресс. У третьих – те, кто генерирует новые философские, социальные и/или политические идеи. Среди последних К. Леонтьев особенно выделял английского философа-позитивиста, историка и социолога Генри Бокля (1821–1862). Этот англичанин утверждал, что общество движется под влиянием передовых идей, которые рождают интеллектуалы и которые побеждают в результате естественного отбора.

Краткие и остроумные замечания Леонтьева, касающиеся критики мировоззренческих основ западной социологии, заслуживают того, чтобы их включать в учебники по богословию, философии, социологии. Пользуясь случаем, скажу: те читатели, кого интересуют метафизические вопросы общества и истории (с позиций православия), могут познакомиться с фундаментальной книгой Льва Александровича Тихомирова «Религиозно-философские основы истории». Между прочим, Леонтьев и Тихомиров были знакомы, их мировоззренческие взгляды полностью совпадали. Просто их творчество осуществлялось, выражаясь современным языком, в разных форматах. Тихомиров занимался больше метафизикой общественного развития (близкое понятие – «историософия»), а Леонтьев – более конкретной социологией, а отчасти и политикой.

«Реальные силы» в социологии К. Леонтьева

Мы уже не раз говорили, что Леонтьевым была разработана собственная социологическая теория, которая исходит из понимания общества как некоего целостного объекта органической природы. «Натуралистическая» социология Леонтьева не исключает духовного понимания движущих сил и тенденций общества. Но это духовное понимание важно и полезно дополнять выводами, вытекающими из «натуралистическо-

го» анализа общества. Леонтьев постоянно подчеркивает, что его «натуралистическая» социология не противоречит Православию. Точно так же, как медицина и физиология человека могут и должны находиться в полном соответствии с христианской антропологией.

Так вот на уровне конкретной социологии Леонтьев уделяет немало внимания выяснению реальных, земных сил, двигающих общество и историю. В своей работе «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения» он называет их «реальными силами» или «социальными элементами». В современной социологии ближайший аналог «социальных элементов» – «социальные институты» и «факторы социального развития». Леонтьев выделяет восемь основных «социальных элементов»: «Реальные силы – это очень просто. Во всех государствах с самого начала исторической жизни и до сих пор оказались неизбежными некоторые социальные элементы, которые различными взаимодействиями своими, борьбой и соглашением, властью и подчинением определяют характер истории того или другого народа. Элементы эти, или вечные и вездесущие реальные силы, следующие: религия или Церковь с ее представителями; государь с войском и чиновниками; различные общины (города, села и т.п.); землевладение; подвижной капитал; труд и масса его представителей; наука с ее деятелями и учреждениями; искусство с его представителями».

Заметим, что в списке «социальных элементов» на первом месте стоит религия (или Церковь). Леонтьев подчеркивает тем самым примат духовно-религиозной сферы над всеми остальными. Это вытекает из представления Леонтьева о том, что любое общество принимает форму цивилизации, а ядром цивилизации выступает религия.

Также следует обратить внимание, что первыми тремя «социальными элементами» в списке Леонтьева являются: 1) религия; 2) государство (государь с войском и чиновниками); 3) общины. Именно эти элементы можно назвать самыми главными, определяющими лицо цивилизации. Применительно к России эта триада выглядит следующим образом: «Православие, самодержавие, народность». Такова краткая формула русской цивилизации, предложенная графом Сергеем Семеновичем Уваровым (1786–1855). Применительно к другим цивилизациям триада «социальных элементов» может иметь иное наполнение.

Следующие три «социальных элемента»: землевладение, капитал и труд. Это элементы, относящиеся к сфере экономики. В западной экономической науке это соответствует трем «факторам производства»: 1) земля (природные ресурсы); 2) капитал (производственный, торговый, денежный); 3) труд (рабочая сила). Тут Леонтьев ничего не изобретает, а заимствует тот набор факторов производства, который был определен

французским экономистом Жаком Батистом Сэем (1767–1832) в его работе «Трактат политической экономии» (1803). Относительно указанных трех факторов производства Леонтьев пишет, что они вечны, может лишь происходить определенная их взаимозаменяемость: «Великая разнородность, разумеется, существует во взаимных отношениях подвижного капитала, труда и землевладения, в разных местах и в разные времена; но всегда эти противоположные друг другу и в то же время друг для друга необходимые реальные силы существовали одновременно и существовать будут». Здесь, впрочем, Леонтьев не открывает никаких «Америк», повторяя основные положения теории факторов производства Ж.-Б. Сэя.

Наконец, последние два «социальных элемента» из списка К. Леонтьева – наука и искусство. Они последние в списке, но далеко не последние по значению. По крайней мере, в некоторых странах в определенные периоды времени. Многие социологи XIX века вообще выводили науку и искусство за рамки своих исследований, считая их вещами второстепенными. У Леонтьева в контексте его работ такой «социальный элемент», как искусство, обычно понимается расширительно, включает в себя кроме «высокого» изобразительного и музыкального искусства также народное творчество, литературу, театр и некоторые элементы бытовой материальной культуры (например, одежду).

О социологии К. Леонтьева и современном институционализме

В современной социологии имеется нечто похожее на «реальные силы» («социальные элементы») К. Леонтьева. Появилось направление (школа) социально-экономических исследований, базирующихся на использовании такого понятия, как «социальный институт». Это направление называется *институционализмом*. Основателем его считается американский социолог, экономист и футуролог Торстейн Веблен (1857–1929). В рамках институционализма общество рассматривается как комплекс различных социальных групп (семья, профсоюзы, партии, корпорации и т.д.) и норм (формальных и неформальных), определяющих поведение людей как индивидуумов и социальных групп. Однако в конкретных работах авторов указанного направления мы не видим многих «социальных элементов» из тех, которые обозначил Леонтьев. Прежде всего религии и Церкви. Нет, формально там религиозные институты также присутствуют, но они не входят в список главных институтов. Церковь (независимо от того, какую религию она представляет) в институционализме – лишь один из рядовых институтов наравне с профсоюзами, политическими партиями или благотворительными организациями. В некоторых современных работах главными социальными институтами

оказываются крупные банки и корпорации (то, что у Леонтьева обозначено как «подвижный капитал»). Подобная картина социального мира, с нашей точки зрения, является искаженной (если не сказать, – перевернутой). Религия как главный социальный институт («социальный элемент») никуда не исчезла. Она приобрела лишь другие формы. Ее можно назвать *религией либерализма, экономического материализма, денег**. Так что и сегодня, в XXI веке, лучше пользоваться схемой К. Леонтьева, а не теми схемами современного институционализма, которые пронизаны идеологией либерализма и искажают реальную картину социального мира.

Леонтьев об устойчивости основных «социальных элементов»

У Леонтьева, заметим, список «социальных элементов» не является лишь фотографическим снимком общества XIX века. Тем более общества российского. Леонтьев специально подчеркивает, что он включает в свою схему все те основные «реальные силы», которые присущи обществу во все времена, во всех цивилизациях и во всех государствах. Может меняться лишь содержание отдельных «социальных элементов». Например, первый и главный социаль-

* Желающие могут подробнее узнать об этих метаморфозах религии из моей книги «Религия денег. Духовно-религиозные основы капитализма» (М.: Кислород, 2014).

ный элемент (религия) может быть представлен Православием, католицизмом, протестантизмом (различные конфессии), исламом, другими традиционными религиями, язычеством и т.п. При некотором воображении можно представить, что в будущем этот «социальный элемент» может быть представлен даже сатанизмом. Могут меняться «веса» (значимость) отдельных «социальных элементов», одни элементы частично (но не полностью) могут замещаться другими. Но полностью исчезнуть не может ни один из «социальных элементов». Леонтьев пишет: «Колличественные отношения всех этих реальных сил в разных местах и в разные эпохи разные, но совместное существование их повсеместно и вечно. Поэтому о полном уничтожении той или другой из этих сил, или и почти всех, кроме труда и, может быть, незначительной собственности (как, например, хотел бы Прудон и как стараются сделать это теперь на практике анархисты всех стран, коммунисты Парижа и наши русские нигилисты), невозможно и думать».

Даже если какие-то правители, политики, социальные группы желали бы полностью уничтожить какие-то «социальные элементы», у них, как полагает Леонтьев, ничего не получилось бы. Все восемь «социальных элементов» вечны, являются не переменным атрибутом любого общества – хоть самого цивилизованного, хоть самого варварского. «Оставляя здесь в

стороне вопросы права, справедливости, законности относительно благоденствия, нравственности и т.д., вообще не касаясь ни до чего, что не относится прямо к социальной психомеханике (если можно так выразиться), мы, начиная с глубочайшей древности и до сих пор, видим одно: что ни мистической религии (какой бы ни было), ни власти, ни капитала, ни труда, ни даже, если хотите, самого рабства, ни науки, ни искусства, ни землевладения, ни чиновников (то есть исполнителей предписаний власти) нельзя никак вытравить из социального организма дотла. Можно только доводить каждую из этих сил до наименьшего или до наибольшего ее проявления», – заключает Леонтьев.

Трагическая история нашей страны в XX веке лишний раз подтвердила, что Леонтьев был прав. Уж как большевики ни пытались истребить основной «социальный элемент» – *религию*, у них ничего не получилось. Во-первых, самые жестокие гонения на Православную Церковь не смогли полностью уничтожить в нашем обществе христианство (а также другие религии) и веру. Большевикам религию и веру удалось лишь загнать в подполье, а как только гонения на Церковь прекратились, в стране сразу же начался религиозный подъем. Во-вторых, миллионы советских людей, отошедших от Церкви и традиционной религии, стали адептами новой веры и новой религии, которую можно назвать *материализмом*

(он имел множество взаимосвязанных ипостасей: «экономический материализм», «исторический материализм», «диалектический материализм»).

А взять, например, такой «социальный элемент», как «*подвижный капитал*». Большевики поставили еще в октябре 1917 года задачу полностью ликвидировать власть капитала – промышленного, торгового, банковского. Проводились национализации, конфискации и прочие экспроприации имущества буржуазии, прежде всего фабрик, заводов и банков. Да, свыше 90 процентов всей экономики находилось в руках государства, частный капитал, как было торжественно заявлено большевиками еще до Великой Отечественной войны, был полностью искоренен. Думаю, что полного искоренения никогда не было. Да, действительно, частный капитал скукожился, как шагреновая кожа. Наверное, Сталин не хуже Леонтьева понимал, что «подвижный капитал» до конца истребить нельзя. Поэтому он предпочитал проводить политику допущения в некоторых объемах и в некоторых сферах частного капитала (в виде различных промысловых артелей). Это был легальный частный капитал, находившийся под контролем государства. Но после смерти Сталина, в годы правления Н. Хрущева, ликвидировавшего промысловые артели, начался быстрый рост подпольного частного капитала (цеховики, барыги, валютчики). В конце концов Советский Союз как социалистическая страна

рухнул, в значительной степени под влиянием набравшего экономическую и политическую мощь подпольного капитала*.

Об «эталонах» в социологии

У Леонтьева есть свое представление о социальном идеале. Это прежде всего «византийская цивилизация». Константин Николаевич стремился, чтобы Россия соответствовала «стандартам» («эталонам») этой цивилизации. Особенно четко Леонтьев в своих работах прописал «стандарты» первых двух «социальных элементов» этой цивилизации. «Стандарты» некоторых других элементов были Леонтьевым обозначены очень схематично, причем он их периодически пересматривал. Особенно это относится к «социальным элементам» экономического блока (землевладение, «подвижный капитал», труд). Соответственно, общий диагноз состояния России Леонтьев подобно врачу выставлял, проводя оценку каждого «социального элемента» путем его сравнения со своими «эталонами». Подобные же диагнозы Леонтьев выставлял Европе XIX века, но для нее у Константина Николаевича были иные «эталон». Не мог же Леонтьев предложить Европе «эталон» византизма, который включал восточное христианство, то есть Православие. Европа к тому времени уже почти

* Об этом я достаточно подробно пишу в своей книге «Экономика Сталина» (М.: Институт русской цивилизации, 2014).

тысячу лет жила в условиях западного христианства то есть католицизма, к которому позднее добавился протестантизм. В качестве «эталона» для Европы Леонтьев предлагал саму же Европу, но отнюдь не XIX века. Это для российской интеллигенции и большей части российской элиты Европа XIX века выглядела «эталонном» и даже «идеалом». Леонтьеву же Европа XIX века представлялась в виде тяжелобольного человека, на примере которого та же Россия могла видеть, к чему ведет опасное увлечение либерализмом. Поэтому тяжелобольной Европе Леонтьев предлагает вспомнить период ее наибольшего расцвета, время «цветущей сложности». Таковым временем он считал позднее Средневековье, эпоху Ренессанса, появления религиозного «многообразия» (здесь имеется в виду Реформация, которая породила протестантизм) и т.д. Из этой эпохи он и берет «эталоны» для Европы, с помощью которых оценивает состояние Европы эпохи «заката». Конечно, здесь мы не можем согласиться с Леонтьевым, его оценками Европы позднего Средневековья как «эталона». Его оценки в данном случае носят эстетический характер, вступают в противоречие с оценками последовательно православных авторов, которые рассматривали эпоху Ренессанса и Реформации как «начало конца» Европы. Но, напомню, у нас сейчас разговор не об оценках Леонтьева (которые действительно бывали ошибочными), а о его

методе, о необходимости использования в социологии «эталонов».

Схема К. Леонтьева как инструмент социологических исследований

Список «реальных сил», или «социальных элементов», по мнению Леонтьева, позволяет любому исследователю или наблюдателю более методично подойти к изучению общественных явлений и процессов, разложить отдельные факты и события по нужным «полочкам»: «Вот они, эти главные реальные силы обществ; это действительно очень просто, и всякий как будто это знает; но именно как будто. Тот только истинно и не бесполезно знает, у которого хоть главные черты знакомого постоянно и почти бессознательно готовы в уме при встрече с новыми частными явлениями и вопросами».

Нетрудно заметить, что Леонтьев не только предлагает читателю взять на вооружение список из восьми «социальных элементов», в своем творчестве он сам руководствуется этим списком. Какую бы работу Константина Николаевича мы ни взяли, можно увидеть именно эту схему из восьми «социальных элементов». Конечно, о некоторых из элементов Леонтьев может говорить как бы вскользь, всего несколькими словами (или даже делать ссылки на свои другие работы), а какому-то элементу – посвящать 90 процентов всего текста. Взять, например, такую

ключевую работу Леонтьева, как «Византизм и славянство». Сквозной темой работы является славянство, национальный вопрос, национализм. Но, раскрывая эту тему, К. Леонтьев показывает связи данной темы с религией и вопросами государственной власти (первые два «социальных элемента»). Он говорит о византизме как сплаве восточного Православия и самодержавия и показывает, что для России «национальной идеей» является византизм и только византизм. А идею панславизма, создания всеславянского союза под эгидой России, квалифицирует как ложную и даже опасную. Но речь сейчас не о византизме, а о схеме социологического анализа Леонтьева. На первые два «социальных элемента» приходится, наверное, процентов 70 процентов всего объема работы. Но Леонтьев не забывает (хотя бы кратко) тему славянства и национализма увязать с другими «социальными элементами»: организацией жизни людей на местах (общины, самоуправление), экономикой (земельная собственность, «подвижный капитал», труд), а также культурой и наукой.

А вот работа «Средний европеец как идеал и орудие всеобщего разрушения» в качестве главной темы поднимает либерализм. Опять-таки мы видим, что причины возникновения и развития либерализма рассматриваются через призму указанных восьми «социальных элементов». Точно так же как пагубные последствия либерализма

Леонтьев рассматривает не «вообще», а в виде его влияния на каждый из «социальных элементов».

Леонтьев себя не считал «ученым», «академическим исследователем», «человеком науки», поэтому у него нет специальных фундаментальных работ, посвященных исследованию основных «социальных элементов», например религии, государства или науки. Это не его ампула. Его творчество питается импульсами текущей жизни – международной, внутривластной, религиозной, культурной, литературной и т.п. Но ко всем событиям этой жизни он прикладывает упомянутую схему, и она помогает ему проникать в самую суть этих событий, выходя иногда на выводы метафизического уровня, а также просматривать контуры будущего (конечно, главным инструментом прозорливого предвидения Леонтьевым будущего я считаю его интуицию).

Не постесняюсь признаться, что разработанную Леонтьевым схему «социальных элементов» (с некоторыми корректировками) я взял на вооружение в своей исследовательской работе. Могу уверенно сказать: мне этот метод помогает. Конечно, схема Леонтьева не является догмой. Из нее действительно уже ничего исключить нельзя. Это «железный минимум». А вот расширить (с учетом специфики собственных исследований) ее можно. К тому же каждый из основных «социальных элементов», в свою очередь, может быть разделен на более мелкие элементы.

Константин Леонтьев об этике и морали в социально-политической сфере

Есть люди очень гуманные, но гуманных государств не бывает. Гуманно может быть сердце того или другого правителя; но нация и государство – не человеческий организм. Правда, и они организмы, но другого порядка; они суть идеи, воплощенные в известный общественный строй. У идей нет гуманного сердца. Идеи неумолимы и жестоки, ибо они суть не что иное, как ясно или смутно сознанные законы природы и истории.

К. Леонтьев. Панславизм и греки

Пожалуй, наиболее парадоксальной и спорной является та часть «натуралистической социологии» К. Леонтьева, которая касается вопроса применимости норм морали в социальной и политической жизни.

Сфера действия морали: межличностные отношения, но не политика

По мнению Леонтьева, мораль – это нормы, регулирующие отношения лишь между отдельными людьми, регулятор межличностных отношений. Но моральные нормы и оценки неприменимы к поведению государства, больших

социальных групп, политике. Наши сентенции типа «политика – грязное дело» получают обоснование в работах Леонтьева. Только он полагает, что определение политики с помощью слов «грязная», «чистая», «преступная», «добрая», «справедливая», «несправедливая» не только бессмысленны, но даже дезориентируют политиков и общество, а потому вредны. Никому же не приходит в голову назвать поведение волка, который съел овцу из стада, преступным. Волки действуют в соответствии с законами природы, прилагать моральные оценки к поведению волков никому в голову не приходит. Подобно волкам, политики должны действовать в соответствии со своими целями, а цели должны учитывать законы социального развития. Разница между волками и политиками заключается в том, что волки действуют бессознательно, инстинктивно, а политики должны включать сознание и разум. А этику межчеловеческих отношений, наоборот, отключать.

Не исключаю, что Леонтьев выковал качества стойкого бойца с морализаторством в ходе непрерывной борьбы с российскими либералами. Они постоянно апеллировали к своей либеральной «науке» для достижения нужных им политических целей. Хорошо известно, что любой либерал – сторонник демократии, а стало быть, враг монархии. Сначала он борется за конституционную монархию, а затем начинает воевать за чистый парламентаризм. Российские либералы

разных мастей ругали русский царизм, прибегая преимущественно к понятиям морального порядка (царизм «деспотический», «крепостнический», «безжалостный» и т.п.). Леонтьев их ловил на том, что они забывают про свою «науку», когда начинаются политические споры и баталии, начинают взывать к «совести», «справедливости», «равенству» и т.п. Леонтьев с каждым разом все увереннее оппонировал либералам, заявляя, что государство не может руководствоваться моралью в своей внутренней и внешней политике, что у него должны быть иные ориентиры.

«Абстрактный морализм» Л. Н. Толстого

Воду на мельницу либеральных морализаторов стал лить и великий писатель Л. Н. Толстой после того, как увлекся сам и увлек многих других философией «непротивления злу насилем». Философии и этике непротивления в той или иной форме посвящено все творчество Толстого после 1878 года. Соответствующие произведения (назовем только важнейшие из них) можно подразделить на четыре цикла: исповедальный – «Исповедь» (1879–1881), «В чем моя вера?» (1884); теоретический – «Что такое религия и в чем сущность ее?» (1884), «Царство Божие внутри нас» (1890–1893), «Закон насилия и закон любви» (1908); публицистический – «Не убий» (1900), «Не могу молчать» (1908); художественный – «Смерть Ивана Ильича» (1886),

«Крейцера соната» (1887–1879), «Воскресение» (1889–1899), «Отец Сергей» (1898). Внешне философия и этика Толстого не противоречит христианству, даже апеллирует к нему. «Стоит только людям поверить в учение Христа и исполнять его, и мир будет на земле», – говорит Лев Николаевич. Но люди в массе своей не верят и не исполняют. Почему? По мнению Л. Н. Толстого, есть, по крайней мере, две основные причины, которые закрывают от людей истину Иисуса Христа. Это, во-первых, инерция предшествующего непонимания и, во-вторых, искажение христианского учения. И вот Лев Николаевич включается в дело преодоления «предшествующего непонимания». Прежде всего – средствами своего литературного таланта. Но этого мало. Он начинает бороться с «искажениями христианского учения», взявшись переписывать заново... Евангелие. Дальше – больше... Толстой стал настаивать, чтобы использование норм морали вышло за пределы узкого круга межличностных отношений, охватило все и вся. Прежде всего они нужны там, где потенциально существуют очаги насилия. Самым главным средоточием насилия является государство с его армиями, всеобщей воинской повинностью, присягами, податями, судами, тюрьмами и так далее. Подобного рода морализаторство вызывало у Леонтьева отвращение. Он обвинил Толстого в «абстрактном морализме». Справедливости

ради следует отметить, что в этой критике Леонтьев был не одинок. Н. Бердяев, например, с иронией говорил, что философия и этика Толстого – «удушение добром» (Бердяев Н. А. Кошмар злого добра. О книге И. Ильина «О сопротивлении злу насилием»). Впрочем, Леонтьев намного радикальнее Бердяева в критике царившего тогда в России «абстрактного морализма» (что-то типа нынешней «чумы» под названием «толерантность»). Элементы такого «абстрактного морализма» чуткий Леонтьев замечает даже у Ф. М. Достоевского.

Особенности русского народа и деспотизм государственной власти

Вопросы применимости этики к социально-политической сфере Леонтьев рассматривает в тесной связи с выяснением того, что такое государство вообще и в России в частности. А понимание особенностей государственной власти в России вытекает, в свою очередь, из правильной оценки живущего в ней народа. Тут Леонтьев дает нелицеприятные оценки, которые, между прочим, не только не совпадают с оценками славянофилов, но идут с ними вразрез. Леонтьев трезво выявляет достоинства и недостатки русского народа. Причем как строгий и добросовестный врач он концентрируется на недостатках. Их он, не стесняясь, называет «русскими пороками». Эта тема очень непростая и деликатная, и я не буду ее далее раз-

вивать. Ставя диагноз под названием «русские пороки», Леонтьев в письме к В. В. Розанову писал, что «пороки эти очень большие и требуют большей, чем у других народов, власти церковной и политической. То есть наибольшей меры легализованного внешнего насилия и внутреннего действия страха согрешить» (Избранные письма В. В. Розанову // Леонтьев К. Избранные письма. 1854–1891. СПб., 1993). Русский народ признает только сильную власть, причем персонифицированную, а норма закона для него – пустой звук. По мнению Леонтьева, генерал народу милее и понятнее, чем параграф хорошего устава. Леонтьев не против законов, но на Руси закон нужен не народу, а власти. С властью народ не спорит и не судится. А если народу дать закон (конституцию), то произойдет следующее: через некоторое время он перестанет уважать царя и бояться генерала; а закон он все равно исполнять не будет, не надо путать русского мужика с законопослушным англичанином. Закон подобен камню, случайно оказавшемуся на дороге. Мужик найдет способ его обойти. В общем, либеральная идея «правового государства», которую нам начали навязывать еще четверть века назад, в разгар горбачевской «перестройки», уже завладела умами русских либералов второй половины XIX века. Ее опасность для России была больше, чем вторжение Наполеона в нашу страну. Жесткий вердикт Леонтьева таков: «Государство обязано всегда быть грозным, иногда жестоким и

безжалостным, потому что общество всегда и везде слишком подвижно, бедно мыслью и слишком страстно...» (Леонтьев К. О либерализме вообще). Понятно, что если государство будет пытаться действовать, опираясь на обычные нормы морали, то оно не сможет быть ни грозным, ни жестоким, ни безжалостным. Таковы, по большому счету, требования к любому государству (не только российскому), это закон «натуралистической социологии». Деспотичность государства, по мнению Леонтьева, должна дополняться и усиливаться религиозным воспитанием народа. Особенно поддержанием и развитием в человеке страха Божия, который несравненно действеннее любого самого хорошего закона. Заповеди Божии – вот истинная конституция русского народа. Кстати, страх Божий должен определять и поведение «государевых людей». А моральными нормами они могут пользоваться в своей личной жизни. Вот такая система «двойных стандартов». Но я говорю о ней без иронии, поскольку она призвана была укреплять российскую государственность. В отличие от системы «двойных стандартов» XXI века, как принято называть политику Запада по разрушению нынешнего российского государства.

Моральные оценки: иммунитет для «героев истории

Даже если речь идет об отдельных личностях, играющих или игравших большую роль в обще-

ственной жизни, Леонтьев предлагает оценивать их не на основе морально-нравственных критериев, а по вкладу в развитие науки, культуры, по их следу в мировой истории. Или на основе неких эстетических критериев, кои доступны и понятны лишь самому Леонтьеву. В письме Розанову (от 13 августа 1891) Леонтьев писал: «Я считаю эстетику мерилom наилучшим для истории и жизни, ибо оно приложимо ко всем векам и ко всем местностям. ...Мерило чисто моральное... не годится, ибо, во-первых, придется предать проклятию большинство полководцев, царей, политиков и даже художников (большею частью художники были развратны, а многие и жестоки); останутся одни “мирные земледельцы”, да и какие-нибудь кроткие и честные ученые. Даже некоторые святые, признанные христианскими церквами, не вынесут чисто этической критики».

Конечно, предложение Леонтьева о том, чтобы заменить нравственные нормы эстетическими при оценке выдающихся личностей, кажется, мягко выражаясь, спорным. Некоторые связывают такой подход с тем, что Леонтьев был увлечен Византией, она была его идеалом государственного устройства. В Византии (особенно поздней) принципы Макиавелли (1469–1527) были нормой политической жизни (хотя сам Никколо Макиавелли был итальянцем, и вся его жизнь прошла в Италии). Самого Макиавелли, человека в высшей степени коварного и хитрого, Леонтьев вос-

принимал как положительного героя мировой истории. Оценка сомнительная.

**Политика должна быть не нравственной,
а целесообразной**

А вот мысль о том, что государство и его политику нельзя оценивать с помощью этических норм, звучит более убедительно. Леонтьев на разные лады повторяет: попытки использовать эти нормы для того, для чего они изначально не предусмотрены, могут нанести большой ущерб государству и обществу. Леонтьев как дипломат хорошо чувствовал этот момент, поскольку, по его мнению, Российская империя в своей внешней политике часто руководствовалась именно ложными понятиями морали и нравственности. Леонтьев считал это большой ошибкой. Он это наглядно показывает на примере политики России в отношении южных и центральноевропейских славян, которые формально находились под «игмом» Турции и Австро-Венгерской империи. Он не поддерживал эмоциональных лозунгов патриотической общественности России по освобождению «любой ценой» наших славянских «братьев». Леонтьев по опыту своей дипломатической работы в Турции и на Балканах хорошо чувствовал, что они были «братьями» по крови, но не по духу. Что в случае их освобождения эти «братья» немедленно будут рваться в Западную Европу, поскольку скороспелая «элита»

европейских славян успела пропитаться духом либерализма.

По мнению Леонтьева, политики должны руководствоваться идеями: «Есть люди очень гуманные, но гуманных государств не бывает. Гуманно может быть сердце того или другого правителя; но нация и государство – не человеческий организм. Правда, и они организмы, но другого порядка; они суть идеи, воплощенные в известный общественный строй. У идей нет гуманного сердца. Идеи неумолимы и жестоки, ибо они суть не что иное, как ясно или смутно созданные законы природы и истории». Леонтьев специально подчеркивает, что идеи должны вырастать из правильно понятых законов природы и истории. Политики должны понимать возможную траекторию движения общества, видеть те препятствия, которые встают на его пути, формулировать цель и по возможности управлять движением общества. *Политика должна быть не нравственной, а целесообразной*, то есть работающей на достижение поставленных целей. Исходя из этого, нельзя утверждать, что любые реформы хороши или, наоборот, все революции и перевороты плохи (такие представления бытовали уже во времена Леонтьева). «Самые мирные, закономерные и даже несомненно ко временному благу ведущие реформы могут служить космополитизму и всеуравнительной революции; и самый насильственный, кровавый

и незаконный с виду переворот может иметь значение государственное, национально культурное, обособляющее, антиреволюционное (в моем и прудоновском смысле)», – писал Леонтьев в работе «Культурный идеал и племенная политика». Некоторые критики Леонтьева эти его взгляды называли «политическим аморализмом», сравнивали с формулой «цель оправдывает средства» (ее приписывают Макиавелли). Более поздние критики в этой связи вспоминали различные высказывания В. И. Ленина, суть которых сводится к тому, что нравственно все то, что работает на революцию и пролетарское государство.

Константин Леонтьев и Фридрих Ницше

Каждый второй исследователь творчества Леонтьева приводит высказывание В. В. Розанова, хорошо знавшего Константина Николаевича: «Когда я первый раз узнал об имени Ницше, то я удивился: да это Леонтьев, без всякой перемены». Напомню, что Фридрих Ницше (1844–1890) – немецкий мыслитель, филолог, композитор и философ, жил и творил примерно в те же годы, что и Константин Николаевич Леонтьев. Известен Ницше своей афористичностью, нестандартностью оценок, жесткой критикой тогдашнего общества, мрачным взглядом на существующее и будущее положение человечества, отрицанием

христианских ценностей и морали, смакованием зла, заявлением о том, что «бог умер». В конце XIX – начале XX века молодежь в Европе и России находилась под сильным влиянием идей Ницше. Особенно всех захватила идея «сверхчеловека». Впервые идея такого «сверхчеловека» появилась у Ницше в его известном произведении «Так говорил Заратустра». В сочинениях Ницше встречается две концепции сверхчеловека. Одна из них носит характер биологической теории, близкой к теории «естественного отбора» Чарльза Дарвина. В конце концов в ходе такого «отбора» появится более совершенный биологический вид, на смену виду *homo sapiens* придет особый биологический вид *homo supersapiens*. В поздних своих сочинениях Ницше дает уже другую концепцию сверхчеловека. Ницше склоняется к тому, что ныне существующий вид человека – предел биологического развития. Совершенствование человека может проходить только в рамках существующего вида, с использованием особых техник, тайных сил и знаний, путем освобождения от разного рода «предрассудков». «Сверхчеловек» окончательно отбрасывает господствующую в обществе мораль, основанную на христианстве, как рабскую, как воспитывающую покорность и сострадание. «Сверхчеловеку» все дозволено. Ницше считается основоположником направления в этике, которое называется «аморализм». Воплощением

«аморализма» Ницше является его «сверхчеловек». Кстати, идею «сверхчеловека» подхватил позднее Адольф Гитлер, он использовал ее в идеологии германского национал-социализма. В конце XIX века в полемику с Ф. Ницше вступил наш известный русский философ Владимир Соловьев, который был возмущен ницшеанским отрицанием абсолютных нравственных норм. В ходе этой полемики Соловьевым была написана и в 1897 году опубликована книга «Оправдание добра» (основное его произведение по вопросам морали).

Конечно, Василий Васильевич Розанов в высказывании, приведенном выше, имел в виду не какие-то личностно-поведенческие особенности обоих философов, а их взгляды на прогресс, западную цивилизацию, мораль. После этого высказывания Розанова многие стали рассматривать Леонтьева как «русский аналог» Ницше. Но это совершенно неверно. Ницше вообще отрицает мораль. Леонтьев говорит лишь об ограниченной сфере действия моральных норм (межличностные отношения). Ницше фактически признает абсолютную власть зла. Леонтьев как христианин признает абсолютную власть за Богом и исходя из этого делает заключение, что выше моральных норм те нормы, которые определены Богом (религиозные нормы), которые зафиксированы в Священном Писании и растолкованы на Вселенских Соборах и свя-

тыми отцами. Они, кстати, абсолютны, не могут «корректироваться» людьми (в отличие от норм моральных).

Сторонники Леонтьева приводят бесчисленные примеры того, как государства терпели поражения и даже погибали, когда их лидеры проявляли мягкость и поддавались соблазнам руководствоваться обычными нормами морали. В этой связи было предложено даже использовать понятие *«политическая мораль»*. Давая характеристику Леонтьеву, Н. Бердяев полагает, что «он не аморалист, он проповедник морали власти, морали вождей и водителей против морали масс и автономных личностей» (Бердяев Н. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной философии).

Как мне кажется, понял леонтьевский «аморализм» и русский религиозный философ В. В. Зеньковский. Он в своей фундаментальной работе «История русской философии» писал о Леонтьеве: «Если он, с другой стороны, допускал “лукавство в политике” во имя жизненной и исторической силы в государстве, то в то же время он не отвергал того, что христианство, как он его понимал, “к политике само по себе равнодушно”».

Взгляды К. Леонтьева на мораль и политика в современном мире

Что же, точка зрения Леонтьева на мораль в сфере политики действительно нестандартная,

парадоксальная. Но ее нельзя просто отбросить, она заслуживает отдельных размышлений. Особенно сегодня, когда моральные оценки внешней политики тех или иных государств стали нормой международной жизни. Между прочим, источником такого политического морализаторства является сегодня Америка, которая одновременно является главным источником либеральной идеологии в современном мире. Любое государство, по Леонтьеву, должно быть прагматичным, а его прагматизм вытекает из правильного понимания своих национальных целей. В свете этого сегодня, в XXI веке, Леонтьеву в мире и России многое показалось бы странным. Например, он не понял бы, скорее всего, что такое политика «двойных стандартов». Он, наверное, сказал бы, что никаких «двойных стандартов» нет. А такое болезненное восприятие нами политики тех же Соединенных Штатов порождено именно нашим двоящимся сознанием, причины же двоеения сознания в том, что мы тяжело поражены вирусом либерализма и к межгосударственным отношениям пытаемся применять негодный инструмент – моральные нормы. Внушили нам на Западе, что можно вес аршином измерять, мы и пытаемся это делать.

В то же время Леонтьева удивило и очень огорчило бы то обстоятельство, что Россия в XXI веке лишена понятия «национальные интересы» и вместо них ее руководители постоянно

говорят о каком-то «международном сообществе», мнении этого «сообщества», его интересах, его планах, о «приоритете международного права над национальными нормами», о «человечестве» и т.п. Социология Леонтьева подобного рода либеральных абстракций не предусматривала, считая их вредными химерами. Если бы советские люди изучали в школах и институтах работы Леонтьева, наверное, никто не воспринял бы всерьез разглагольствования М. С. Горбачева о «новом мышлении», которое предусматривало примат «общечеловеческих ценностей». К сожалению, все было иначе. Даже степенные преподаватели исторического материализма и научного коммунизма на полном серьезе ретранслировали эту либеральную галиматью с университетских кафедр. Впрочем, наш разговор о взглядах Леонтьева на мораль в сфере политики и государственной деятельности уже выходит за формат моей небольшой книги*.

Этика равенства и неравенства

Хотелось бы затронуть еще один, уже социальный, аспект воззрений Леонтьева на нравственность. Нравственные нормы, по Леонтьеву, подвижны. Не следует путать их с нормами религиозными, которые являются абсолютами,

* Могу порекомендовать для углубленного изучения данной темы следующую публикацию: Гребенник Г. П. Эстетика и мораль власти в учении К. Н. Леонтьева о государстве // Интернет. Режим доступа: <http://politology2004.narod.ru/articles/leontiev.htm>

не зависящими от времени и места. Под влиянием каких-либо идей нравственные нормы могут подвергаться существенным мутациям. Вот и либерализм, начиная с XIX века, стал оказывать мощное влияние на понимание некоторых норм морали. Например, сегодня популярна крылатая фраза: «Что не запрещено – разрешено». Впрочем, похожая формула (*Ubi jus incertum, ibi nullum*) существовала еще в Древнем Риме, однако на протяжении многих веков существования христианской цивилизации ее смысл был весьма сомнителен, поскольку кроме юридических запретов были еще запреты более высокого уровня – религиозные. И они соблюдались в силу присутствия у людей страха Божия. Сегодня указанный языческий принцип возвращается в нашу жизнь, фактически его приравнивали к норме морали. Он олицетворяет собой либерализм в его высшей фазе.

Другой пример. Люди эпохи христианской цивилизации не воспринимали социальное неравенство как некое нарушение нравственных норм, потому что в эпоху христианства у людей присутствовало понимание (или, по крайней мере, интуитивное чувство) *иерархии*. Принцип иерархии – важнейший принцип христианского мировоззрения, он прежде всего выражает и отражает идею власти. А если человек признает принцип иерархии, то он признает и *идею неравенства*. Лишь в те времена, когда расцвел

либерализм, в человеческое сознание стала внедряться идея равенства. Позднее ее начертали на знаменах буржуазных революций. Еще через какое-то время эта идея в буржуазном обществе получила статус моральной нормы. Нормы, с помощью которой оценивается не человек, а общество. Со временем менялось содержание понятия и нормы «равенство». Те, кто готовили и проводили буржуазные революции, под «равенством» понимали равенство юридическое, то, что сегодня связано с понятием «права человека». Этот лозунг был нужен для ликвидации сословий, создания условий для «подвижности капитала». Когда капитал победил и утвердился, возникло сильнейшее напряжение в отношениях между трудом и капиталом. Появилась идеология социализма, центральным понятием которого было также «равенство». Но не юридическое, а имущественное, экономическое. И оно социалистами разных мастей также было возведено в ранг нравственной нормы. Капитализм они стали называть «безнравственным» строем по той причине, что он создает экономическое неравенство, причем имущественная поляризация имеет тенденцию к увеличению.

О равенстве, морали и социализме

Рассматривать «равенство» в качестве моральной нормы и тем более в качестве идеала

общественной жизни Леонтьев считает почти безумием. Это противоречит христианскому представлению об обществе (равенства, по замыслу Бога, быть не может) и о целях и идеалах христианской жизни (у человека должны быть совершенно другие цели и идеалы). А каковы эти идеалы? – На разных уровнях общественной иерархии они различны. Леонтьев полагал, что иерархия общественной жизни имеет три уровня: низший – утилитарный, средний – эстетический и высший – религиозный. Вот как об этом пишет он сам: «Есть, мне кажется, три рода любви к человечеству. Любовь утилитарная; любовь эстетическая; любовь мистическая. Первая желает, чтобы человечество было покойно, счастливо, и считает нынешний прогресс наилучшим к тому путем; вторая желает, чтобы человечество было прекрасно, чтобы жизнь его была драматична, разнообразна, полна, глубока по чувствам, прекрасна по формам; третья желает, чтобы наибольшее число людей приняло веру христианскую и спаслось бы за гробом». («Кто правее? Письма к Владимиру Сергеевичу Соловьеву»). Этой иерархии трех уровней любви соответствуют свои общественные идеалы. Как видим, в схеме Леонтьева идеалам материального благоденствия и экономического равенства места вообще не находится. Судя по тому, как Леонтьев оценивал «среднего европейца» (в работе «Средний европеец как идеал

и орудие всемирного разрушения»), бытовое благоустройство как идеал вообще вызывало у Леонтьева отвращение. Более того, если государство (не дай Бог!) начинает верить в нравственный принцип равенства и претворять его в жизнь, то тем самым оно начинает подрубать сук, на котором находится и государство, и все общество. Ведь реализация этого принципа означает слом иерархии – несущей конструкции общества. Конечно, в данном случае Леонтьев в первую очередь говорит о равенстве/неравенстве, связанном с сословным (корпоративным) устройства общества. Что касается проблемы материального равенства/неравенства в обществе, то он противник экономического равенства (социалистической «уравниловки») и в то же время противник резкой экономической поляризации (неизбежно вызываемой капитализмом). Для преодоления последней он предлагает использовать государство. Но с такой задачей может справиться, по его мнению, лишь монархическое государство. Отсюда рождается леонтьевская идея «монархического социализма». Но при этом Константин Николаевич постоянно подчеркивает, что реализация такого социализма диктуется не моральными нормами сомнительного свойства («справедливость», «равенство», «коллективизм» и т.п.), а политической и исторической целесообразностью. Леонтьев всячески заостряет вопрос. Он специаль-

но подчеркивает, что социализм в том виде, как его понимают материалисты и социалисты либерального толка, может стать не царством морали, а, наоборот, уничтожить мораль. «Будет разнообразие, будет и мораль: всеобщее равноправие и равномерное благоденствие убило бы мораль», – пишет К. Леонтьев в своей известной работе «Средний европеец, как идеал и орудие всемирного разрушения».

«В социальной видимой неправде, – пишет Леонтьев, – и таится невидимая социальная истина, – глубокая и таинственная органическая истина общественного здоровья, которой безнаказанно нельзя противоречить даже во имя самых добрых и сострадательных чувств. Мораль имеет свою сферу и свои пределы» («Записки отшельника»). С подобным выводом сегодня в XX веке вынуждены были согласиться многие серьезные и известные философы, богословы, социологи. Вот как комментирует это место известный русский философ протоиерей В. В. Зеньковский: «Нетрудно понять смысл последних слов: мораль есть подлинная и даже высшая ценность в личности, в личном сознании, но тут-то и есть ее предел: историческое бытие подчинено своим законам (которые можно угадывать, руководясь эстетическим чутьем), но не подчинено морали» (В. В. Зеньковский. История русской философии).

Эстетический критерий в социологии Константина Леонтьева

Красота спасет мир.

Ф. М. Достоевский. Идиот

Где много поэзии, непременно будет много веры, много религиозности и даже много живой морали.

К. Леонтьев. Письмо к И. Фуделю

Вопросы эстетики занимают заметное место в творчестве К. Леонтьева. Интерес Константина Николаевича к эстетике не был «искусством ради искусства», чистым «эстетством». Эстетика у Леонтьева – важный инструмент его «натуралистической социологии».

Эстетизм К. Леонтьева

Леонтьев был эстетом во всем. Он был не «профессиональным» специалистом в области эстетики, подобно литературным или театральным критикам, искусствоведам или музыковедам. Он был эстетом по своей природе, духу. Для того чтобы прийти к такому выводу, даже не надо глубоко погружаться в мир его произведений. Он был эстетом хотя бы потому, что он был художником, художником слова. Леонтьева просто хочется читать, наслаждаясь его слогом, точностью выражения мысли, образностью. Как

разительно он отличается от скучных профессоров, нудно излагающих нам абстрактные метафизические истины той же самой социологии эзотерическим языком, более похожим на «эсперанто», чем на русский. Василий Васильевич Розанов, друживший с Леонтьевым, будучи сам эстетом, любителем изящного и острого слова, писал Леонтьеву: «Ваш язык, сухой, точный, как бы сталью подрезывающий каждый предмет и подводящий под него пленку именно нужной толщины... меня безмерно приковывал, и я множество страниц перечитал по многу раз, именно ради языка, любясь им» (Неизданные письма В. В. Розанова к К. Н. Леонтьеву // Литературная учеба. 1989. № 6. С. 27).

Биографы Леонтьева также обращают внимание на так называемое бытовое эстетическое чувство Леонтьева. Он был очень чуток к разным проявлениям красоты в окружающей его обстановке и людях. И, напротив, очень болезненно реагировал на беспорядок, неопрятность, банальную грязь. Оценка Леонтьевым нового человека, попадавшего в поле его зрения, начиналась с оценки его внешнего вида, поведения, культуры речи. К некоторым людям у Леонтьева возникала чисто эстетическая неприязнь, которую некоторые воспринимали как проявление снобизма. Лишь один пример: отношения Леонтьева с известным издателем и журналистом консервативного направления М. Н. Катковым.

Поддерживая с Катковым постоянные деловые контакты касательно издаваемого им журнала, Константин Николаевич тем не менее очень не любил бывать в редакции, так как там его со всех сторон окружала серость и грязь. Да и внешний вид самого издателя оставлял желать лучшего.

О красоте социального мира

О чем бы Леонтьев ни писал, он всегда прибегал к эстетическим оценкам. Леонтьев специально подчеркивает, что так называемый вторичный, или «отраженный», мир его интересует во вторую или третью очередь. «Отраженный» мир – мир искусства (изобразительного, музыкального, театрального, литературного). Конечно, Леонтьев проявляет интерес к искусству, но, как говорится, постольку-поскольку. Главным объектом его эстетического интереса выступает первичный, или «живой» мир, прежде всего мир социальный, причем рассматриваемый в его движении, развитии. Эстетическим оценкам у Леонтьева подвергаются цивилизации, государства, монархи, военные начальники, другие великие исторические личности, литературные произведения, войны, церковные службы и храмы, одежда, здания, народное художественное творчество и т.п.

Социальный мир Леонтьев воспринимает как пеструю картину, разные части которой дополняют друг друга и в то же время создают

контрасты. Социальный мир в глазах Леонтьева имеет полюса, в нем порядок и гармония сочетаются с хаосом, он подвижен, периоды относительной стабильности чередуются с катаклизмами и взрывами. Знатоки Гегеля сказали бы, что это мир диалектических противоположностей, но сам Леонтьев Гегеля не любил и слово «диалектика» предпочитал не использовать. Леонтьеву было несложно воспринимать эстетически социальный мир, поскольку он, как мы уже говорили, уподоблял его живому организму.

Красота у К. Леонтьева не есть некая застывшая мещанская «красивость». Такая «красивость» у него ассоциировалась с «нирваной» или смертью. Это уже в XX веке декаденты начали смаковать красоту смерти. Доживи Леонтьев до этих времен, он назвал бы такую эстетику сатанинским извращением. Для настоящей жизни, по Леонтьеву, нужно что-то «более горячее и привлекательное, чем... кроткая, душевная "Нирвана"». А горячее, самоотверженное и нравственно привлекательное обуславливается непременно более или менее сильным и нестерпимым трагизмом жизни» (Леонтьев К. Н. О всемирной любви // Леонтьев К. Н. Собр. соч. Т. 8. М., 1912. С. 193). В картине живого мира всегда должны соседствовать светлые и темные цвета. Некоторые представляют себе социальный идеал как мир абсолютной любви, счастья, милосердия, добра. Такого не может быть по многим

причинам, в том числе по эстетическим. Гармония, о которой многие привыкли говорить по привычке, предполагает сосуществование светлого и темного, добра и зла, милосердия и бессердечия, богатства и бедности, красоты и уродства, любви и ненависти, сострадания и эгоизма, войны и мира. Такова реальная гармония социальной жизни. О том, что такое красота, Леонтьев начал думать еще в молодости. Примерно в двадцатилетнем возрасте он написал роман «В своем краю», где дал чеканную формулу «*Красота есть единство в разнообразии*». В последующие сорок лет жизни эта формула не претерпела принципиальных изменений, она лишь конкретизировалась деталями и примерами их реальной жизни.

«Красота спасет мир»

Часто вспоминают слова Ф. М. Достоевского «красота спасет мир». Напомню, что это слова из его романа «Идиот» (1867). Их произносит 18-летний юноша Ипполит Терентьев, ссылаясь на переданные ему Николаем Иволгиным слова князя Мышкина, при этом с иронией в адрес князя. Данный фрагмент из романа Достоевского заслуживает внимания, поскольку показывает, насколько различно понимание и отношение различных героев в этой мысли о красоте. Но Достоевский, насколько я понимаю (если я не прав, пусть меня поправят), не особенно развива-

ет и углубляет тему красоты в своем творчестве. Более того, Леонтьев без особого трепета перед авторитетом Достоевского называет его «мрачным» писателем, намекает на отсутствие эстетического начала в его романах. Но эта мрачность художественного творчества Достоевского парадоксально соответствует выводам самого Леонтьева, который констатировал, что мир начинает умирать, а умирание у него всегда сопряжено с утратой красоты.

Если исходить из формулы Достоевского, что «красота спасет мир», то в этом спасении должны участвовать писатели, художники, поэты, музыканты. Но, по мнению Леонтьева, они этого почти не делают или делают крайне плохо. Конкретно он это показывает на примере многих произведений русской литературы XIX века. Он критикует даже таких авторитетов русской литературы, как Н. В. Гоголь, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой. Все они, по мнению Леонтьева чрезвычайно увлеклись обличением русской жизни, смакуют ее уродства, специально выискивают грязь. Отсутствие положительных героев и красоты в литературных произведениях порождает у читателей уныние, утрату бодрости, веры сначала в себя, а потом и в Бога. Русские писатели, по убеждению Леонтьева, слишком принижают жизнь под предлогом «объективизма» и «реализма». В отличие, скажем, от французов, которые бросаются в другую крайность: приподнимают ее на каблуки и

ходули. «Сама жизнь лучше, чем наша литература. Все у наших писателей более или менее грубо: комизм, отношения к лицам; даже “Война и мир”, произведение, которое я сам прочел три раза и считаю прекрасным, испорчено множеством вовсе не нужных грубостей» (Леонтьев К. Н. Моя литературная судьба // Литературное наследство. М., 1935. С. 463). Мелочности реализма и искушения заняться обличениями «пороков» русской жизни, по мнению Леонтьева, избежал лишь А. С. Пушкин. Для Константина Николаевича Пушкин был великим поэтом прежде всего потому, что он был великим эстетом.

О соотношении эстетического и этического критериев

Мы уже говорили выше о «натуралистической социологии» Леонтьева, перечислив двадцать основных ее положений. Напомню, что положение третье звучит так: «Эстетический критерий как универсальное и самое точное средство оценки». Мы отметили, что для Леонтьева эстетический критерий оценки социальных явлений, процессов, событий был выше, чем критерий этический. Этические нормы, по мнению Леонтьева, вообще имеют очень ограниченную сферу применения – межличностные отношения. Они непригодны для оценки государства, политики, отношений между большими социальными группами и т.д. В то же время этический критерий, по мнению Леонтьева,

универсален. Он годится для оценки всего того, что имеется в мире природы – как неживой, так и живой (органической). Кроме того, он полностью применим для мира социального. Более универсального критерия, как говорит Леонтьев, человечеству неизвестно. Эстетический критерий предполагает использование таких понятий, как «прекрасное» и «безобразное», «красивое» и «уродливое», «гармоничное» и «хаотичное».

Правда, есть еще религиозный критерий, но о нем Леонтьев вспоминает довольно редко. Как человек верующий, он прекрасно понимает, что именно этот критерий является высшим. В принципе эстетический критерий не противоречит критерию религиозному: с Богом ассоциируется все красивое, прекрасное, гармоничное. С его антиподом (в христианстве – дьяволом) связано все безобразное, уродливое, хаотичное. Но поскольку в мире много религий, то использование религиозного критерия в мировом масштабе, по мнению Леонтьева, затруднено. Эстетический критерий более универсален, он понятен любому человеку независимо от его расы, национальности, вероисповедания. В Леонтьеве сосуществуют два очень ярких и сильных чувства – религиозное и эстетическое. Но долгое время эстетическое чувство было сильнее религиозного, поэтому на первый план (по крайней мере, в его творческой деятельности, а не в личной жизни) выходил именно эстетический критерий.

О примате эстетического начала над этическим Леонтьев говорит при каждом удобном случае. Мысль Константина Николаевича предельно проста: будет красота – будет и мораль. Уходит красота, уходит и мораль. «Где много поэзии, – писал он Иосифу Фуделю, – непременно будет много веры, много религиозности и даже много живой морали» (Леонтьев К. Письмо к И. Фуделю // Русское обозрение. 1895. № 1. С. 272).

Отношение к эстетическим взглядам Леонтьева было среди представителей русской мысли неоднозначным.

Бердяев, например, полагал, что эстетизм Леонтьева далек от русской традиции, происходит от западного романтизма с его культом силы, аристократизма, рыцарства, любви и поэзии. А западный романтизм, в свою очередь, имеет свои корни в католичестве и протестантизме. Западный романтизм чужд русской культуре и Православию. Отчасти Бердяев прав. Леонтьев не похож ни на славянофилов, ни на русских религиозных философов и писателей второй половины XIX и начала XX века, в творчестве которых доминирует не эстетическое чувство, а чувство сострадания «бедным и униженным». Но парадокс заключается в том, что Леонтьев везде говорит о спасительной миссии России, делает все от него зависящее для того, чтобы Россия укреплялась. По внутреннему духу он был более русским, чем некоторые наши религиозные философы, которые оказались

зараженными вирусом западного либерализма. К таковым, в частности, можно отнести того же Бердяева (раннего; позднее, в эмиграции, он стал изживать свои либеральные пристрастия).

Еще более нелицеприятными оказались оценки С. Л. Франка. Он называл эстетические взгляды Леонтьева «эстетическим изуверством», «эстетическим фанатизмом». Некоторые критики Леонтьева сравнивали его с Ф. Ницше. Не только в связи с некоторым (внешним) сходством их взглядов на мораль, но и по причине того, что для «сверхчеловека» Ницше эстетика относилась к высшим ценностям. Впрочем, сходство лишь внешнее. Для «сверхчеловека» Ницше «бог умер», а у Леонтьева Бог оставался высшей, абсолютной ценностью. Бог у Леонтьева и есть источник красоты.

«Эстетическое зрение» как способ восприятия социального мира

Леонтьева крайне удивляет то обстоятельство, что в XIX веке все стали смотреть на мир исключительно через «очки», называемые наукой. Эти «очки» искажают действительность, порой до неузнаваемости. Леонтьев с большим сожалением признает, что человек отвык от прямого эмпирического восприятия мира, основанного на эстетическом чувстве. По мнению Леонтьева, эстетический факт не менее достоверен, чем факт научный. Леонтьев рассуждает следующим образом: «Если никого не возмущает утверждение,

что жасмин пахнет лучше смазных сапог или что олень и лев красивее свиньи и вола, то отчего, недоумевает К. Леонтьев, так трудно принимается публикой аналогичное утверждение: Вронский в “Анне Карениной” изящнее, прекраснее, благовиднее того профессора, который спорит с братом Левина» (Леонтьев К. Н. Моя литературная судьба // Леонтьев К. Н. Собр. соч.: В 9 т. Т. 3. СПб., 1913. С. 41).

По мнению Леонтьева, христианство может оказаться недоступным для многих людей, но способность эмпирического восприятия красоты дано любому язычнику. Леонтьев полагает, что эстетическое чувство имеет определенную автономность от чувства религиозного, в том числе христианского. Языческое отношение к красоте «настолько же не противоречит всеобщему христианству, насколько общие физиологические свойства животных, их дыхание, движения и т.д. не противоречат их сравнительной эстетике... И потому христианин, оставаясь христианином вполне, может рассуждать и мыслить вне христианства, за его пределами о сравнительной красоте явлений точно так же, как может он мыслить о сравнительном законоведении или ботанике» (Леонтьев К. Н. Моя литературная судьба).

Для современного человека положение Леонтьева об эстетической оценке социальных явлений, наверное, труднопонимаемое. Сегодня наши граждане, живя в мире телевидения и интернета,

привыкли обсуждать и оценивать события, происходящие не только в России, но и во всех уголках земного шара. Порой по несколько событий за день. А давайте задумаемся: как мы оцениваем эти события? В половине случаев это оценки экономические, в другой половине – нравственные. А часто ли мы прибегаем к другим критериям оценки? К религиозно-духовным и эстетическим? Крайне редко. Я против абсолютизации эстетического критерия (чем грешил Леонтьев), но *эстетическое восприятие мира усилило бы нашу способность видеть и понимать социальный мир, сделало бы его более «объемным».*

Приведу фрагмент из работы Леонтьева «Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения», раскрывающий значимость «эстетического зрения» для социолога: «Шапка-мурмолка, кепи и тому подобные вещи гораздо важнее, чем вы думаете; внешние формы быта, одежды, обряды, обычаи, моды – все эти различия и оттенки общественной эстетики живой, не той, то есть эстетики отражения или кладбища, которой вы привыкли поклоняться, часто ничего не смысля, в музеях и на выставках, – все эти внешние формы, говорю я, вовсе не причуда, не вздор, не чисто “внешние вещи”, как говорят глупцы; нет, они суть неизбежные последствия, органически вытекающие из перемен в нашем внутреннем мире; это неизбежные пластические символы идеалов, внутри нас созревших или го-

товых созреть...» Это предпоследний абзац большой работы Леонтьева. Казалось бы, Константин Николаевич мог завершить свой труд чем-то более значимым, весомым, глобальным. Речь в абзаце, на первый взгляд, идет даже не о второстепенных, а третьестепенных вещах – о какой-то шапке и о какой-то кепке. Но это только на первый взгляд. Для Леонтьева это очень глубокие зрительно-эстетические символы, отражающие полюса духовного состояния тогдашнего русского общества. Шапка-мурмолка – традиционный русский головной убор (который, кстати, носили некоторые славянофилы), а кепи – французский (его одно время пытались внедрять в русской армии). Сегодня в «демократической» России нас пытаются лишить последних остатков «эстетического зрения». А если мы будем уделять ему должное внимание, как советует Леонтьев, многое нам станет видно и понятно. А это уже шаг к исправлению нашей социальной жизни. Обостренное эстетическое чувство (подобно совести) не даст нам спокойно жить, подобно тому как не мог спокойно жить Леонтьев.

Как отмечает исследователь творчества К. Леонтьева А. А. Корольков, ему «принадлежит открытие такого понимания эстетических, этических, социальных норм, которое еще только пробивает себе дорогу в науке и философии XX столетия. Его эстетика отвергает средне-статистическое толкование норм, столь прини-

маемое и здравым смыслом, и наукой вплоть до наших дней)*. Леонтьев эстетически остро воспринимал то, что выражалось понятиями «среднее», «усредненное», «привычное», «норма», «здравый смысл». Он видел в этом упрощение, «превращение цветущей сложности» в нечто серое, безобразное, умирающее. «Именно это-то среднее, дурацкое, опасное понимание (или так называемый здравый смысл) доступно большинству» (Леонтьев К. Н. Моя литературная судьба // Литературное наследство. М., 1935. С. 449). Он даже постоянно подлавливал представителей «науки» (особенно социальной) на том, что их «открытия» нередко «подгоняются» под запросы нетребовательной публики с ее «здравым смыслом». Кто-то усматривал в этом снобизм и аристократическое высокомерие Леонтьева. Но думаю, что такое описание мира Леонтьевым не было продиктовано каким-то высокомерием, он искренне и тяжело переживал умирание «цветущей сложности». Подобно тому, как люди тяжело переживают умирание своих близких.

Леонтьев – один из величайших (не только в России, но и в мире) ниспровергателей «здрового смысла», «очевидного», «общепринятого», даже если это освящено высочайшим авторитетом науки. Потому что Леонтьев смотрел на мир широко открытыми глазами, был «эмпириком»,

* Корольков А. А. Пророчества Константина Леонтьева. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1991. С. 60.

в отличие от многих людей «науки», всю жизнь пребывавших в мире виртуальных абстракций. Говорят, что в философии есть целое направление, называемое *философией сомнения*. Основоположителем этого направления принято считать французского математика, физика, механика и философа Рене Декарта (1596–1650). Как пишут в словарях и энциклопедиях, метод познания Декарта – «интуитивно-дедуктивный», или «аксиоматико-дедуктивный». По его мнению, основные принципы, основные аксиомы (первые принципы, первые аксиомы) в науке выводятся с помощью интуиции и носят исключительно интуитивный характер. Все остальные положения дедуктивным путем выводятся из этих интуитивных аксиом.

Кто-то из писавших о Леонтьеве сравнил Константина Николаевича с этим знаменитым французом на том основании, что они оба ничего не принимали на веру, усматривали в так называемом здравом смысле хорошо укоренившиеся предрассудки. Наверное, сравнение допустимо. Но все-таки различия есть. Француз был метафизиком и рационалистом, свои сомнения строил на умозрительной логике. Леонтьев вполне обходился без «аксиоматико-дедуктивного» метода, свои сомнения строил на эмпирике и эстетике. У Декарта было множество последователей (они есть и сегодня). А Леонтьев до сих пор остается уникальным явлением.

С учетом сказанного социологию Леонтьева можно назвать не только «натуралистической», но и «эстетической». Если какие-то разновидности «натуралистической» социологии в мире имеются (они берут свое начало от Г. Спенсера), то аналогов «эстетической социологии» не существует.

Константин Леонтьев: гносеология и метод «натуралистической социологии»

Раз же мы переступим сердцем ту таинственную черту, о которой я говорил выше, то и сами познания наши начнут помогать нам в утверждении веры. Все атеисты или антитеисты нам послужат, и даже чем самобытнее мы сами, чем мы способнее скептически отнестись ко всем величайшим приобретениям науки и вообще ума человеческого, тем менее могут авторитеты этой науки и этого ума помешать нам смиряться и склоняться перед тем, перед чем мы сами хотим, не обращая даже никакого внимания ни на Руссо и Вольтера, ни на Гегеля и Шопенгауэра, ни на Фохта и Фейербаха...

*К. Леонтьев. Мое обращение
и жизнь на святой Афонской горе*

Сегодня, слава Богу, стали вспоминать о творческом наследии выдающегося русского мыслите-

ля К. Леонтьева (1831–1891). Для нас это наследие имеет двоякое значение.

Творческое наследие К. Леонтьева: двоякое значение для современной России

Во-первых, в его работах содержатся выводы и мысли, которые сохраняют свою актуальность и сегодня, в XXI веке. Прежде всего мысли, касающиеся либерализма и его различных конкретных проявлений. В ходе и по окончании двух мировых войн XX века либерализм несколько ослабил свое влияние на человечество, порой даже скрывался «в подполье». Но с конца прошлого века начался «ренессанс» либерализма. Либерализм конца XX – начала XXI века произрастил цветы еще более ядовитые, чем либерализм времен Леонтьева. Эффективным противоядием в условиях этого «ренессанса» оказываются именно произведения Константина Николаевича. Такое ощущение, что они писались не в 70–80-е годы XIX века, а вчера. Конечно, актуальность Леонтьева не ограничивается только темой либерализма. Не менее «свежими» оказываются его мысли по вопросам национализма (племенизма), социализма, церковной жизни и религии, «вавилонского смешения» народов (интернационализация и глобализация), государства, сословной структуры общества и т.п. Все эти вопросы рассматривались Леонтьевым в рамках его оригинальной социологии.

Во-вторых, нам еще более важен метод мировосприятия и миропонимания, которым пользовался Леонтьев. Выражаясь языком философов, нас интересует *гносеология (теория познания)* этого русского мыслителя. Тема не праздная. Хотя бы потому, что многие мысли Леонтьева оказались пророчествами, реализованными в XX веке. Вполне вероятно, что какие-то из его предсказаний будут реализованы в XXI веке. Леонтьев был мало известен в России даже при жизни. Сегодня он намного более известен, чем в конце XIX века. А вот многие профессиональные «социологи» и прочие «ученые»-современники Леонтьева были у всех на виду и на слуху. Но их выводы и идеи не выдержали испытания временем, они оказались бесплодными, их имена сегодня знают только узкие специалисты. Таковы парадоксы мыслительной жизни человечества.

Тема гносеологии Леонтьева крайне обширна. Обращу внимание лишь на некоторые моменты.

Гносеология К. Леонтьева: Православие

У Леонтьева познание мира, в том числе социального, зиждется на прочном фундаменте Православия. Для него не существует надуманной проблемы «наука и религия». Эта проблема, по мнению Константина Николаевича, совершенно искусственная и даже провокационная. Она вообще появилась на свет тогда, когда человека перестала интересовать Истина (именно

с большой буквы), когда люди стали отходить от Бога, когда они стали терять духовное зрение. Христианство не только не отвергает познание окружающего мира и человека, но наоборот – считает это непременным условием настоящей, полноценной жизни человека. Познание физического мира, общества, человека – процесс постижения Бога, Который есть Истина. Леонтьев убедительно показывает, что окончательный отказ науки от постижения Истины произошел тогда, когда она сознательно взяла на вооружение догматы ложной религии, называемой либерализмом. Во времена Леонтьева бóльшая часть науки окончательно выродилась в религиозную секту, агрессивную, влиятельную и крайне разрушительную.

Гносеология Леонтьева: умение сомневаться в «очевидном»

Эта псевдонаучная секта, вооруженная догматами либерализма, за время своего существования (примерно с XVI века) сумела внести серьезные повреждения в сознание людей. Многие догмы либерализма для обычного человека стали «очевидными», стали «истинами, не требующими доказательств». С каждым поколением человечество все больше утрачивает способность различать, где истина, а где ложь; где правда, а где кривда; где свет, а где тень и даже полный мрак. На фоне этой всеобщей слепоты и нераз-

борчивости Константин Николаевич являл собой редкий пример человека, который не утратил способности различать свет и тень, правду и кривду, истину и ложь. По крайней мере, он обладал удивительной способностью не принимать ничего на веру, все подвергать сомнению. Такой метод «сомнения» порой давал удивительные результаты: Леонтьев вскрывал либеральную ложь, даже если она была упрятана в красивую упаковку, на которой написано «научная теория». В христианстве подобная способность называется *«даром различения духов»* (см. 1 Кор. 12, 10). Под ним понимается дар различения – что от Бога, а что от дьявола.

Гносеология К. Леонтьева: эстетическое зрение

Конечно, для «различения духов» необходимо духовное очищение человека, духовная трезвость (трезвение) и многое другое, что требует от него непрестанной внутренней работы. Леонтьев такую работу над собой вел, по крайней мере последние два десятилетия своей жизни. И – под руководством опытных наставников. В частности, последним его духовником был многоопытнейший Амвросий Оптинский (1812–1891), который сегодня канонизирован в лике преподобного. Некоторые исследователи творчества Леонтьева справедливо отмечают, что у него был дополнительный способ «различения

духов», крайне редкий. Речь идет о *восприятии окружающего мира (как физического, так и социального) через призму эстетики.*

Эстеты существовали во все времена, в том числе во второй половине XIX века. Однако подавляющая часть эстетов (как профессионалов, так и любителей) интересовалась лишь «отраженной», или «мертвой», красотой, – то есть красотой, запечатленной в произведениях искусства (живопись, музыка, литература и т.д.). Такое эстетство получило большое развитие в России в конце XIX – начале XX века. Леонтьев являл собой редкий пример эстета, которого интересовала «первичная», или «живая», красота. Он не считал себя ни искусствоведам, ни литературоведом, ни художественным критиком. Хотя тем не менее он оставил много интересных замечаний о мировой и русской литературе, в частности о произведениях Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого и др.

А вот «первичный» физический и социальный мир был всегда в центре внимания Леонтьева. Константин Николаевич воспринимал его как царство красок, света и тени, контрастов, разнообразия форм, полюсов, борьбы противоположностей, хаоса и гармонии и т.п. Соответственно явления и объекты социальной жизни, события и герои человеческой истории оценивались Леонтьевым по шкале, крайними точками которой были «абсолютно красивое (прекрас-

ное)» и «абсолютно безобразное (уродливое)». Леонтьев считал, что абсолютное красивое (прекрасное) имеет исключительно Божественное происхождение. Абсолютно безобразное (уродливое) явление – продукт деятельности человека, полностью утратившего связь с Богом. Реальная земная жизнь никогда не достигала крайних точек этой шкалы. «Абсолютно красивое (прекрасное)» – свойство рая или Царства Божия, которое на земле построить нельзя. «Абсолютно безобразное (уродливое)» – свойство ада или состояние земной жизни в последние дни, описанное в Апокалипсисе.

Применительно к органическому миру у Леонтьева прекрасное есть олицетворение жизни, а безобразное – признак умирания или самой смерти. Развитие любого органического объекта находит свое внешнее выражение в том, что он становится все более сложным (по Леонтьеву – «цветущая сложность»). А упрощение структуры такого объекта есть процесс умирания. Окончательная смерть – разложение объекта на простейшие элементы, атомы.

Метод К. Леонтьева:

«натуралистическая социология»

Общество, цивилизация, социальные институты у Леонтьева так же относятся к разряду органических объектов со своими фазами возрастания и умирания. Такое восприятие общества

и социальных процессов Леонтьевым, вероятно, можно объяснить тем, что Константин Николаевич имел медицинское образование и в молодости был медиком (в частности, во время Крымской войны работал военным врачом). Леонтьев был к тому же последователем Н. Данилевского, основателя теории цивилизаций (культурно-исторических типов). Николай Яковлевич был биологом и в ходе разработки своего учения о культурно-исторических типах также широко пользовался аналогиями из биологии, физиологии и медицины. С учетом сказанного картину общества и истории, которую нам оставил Леонтьев, исследователи его творчества нередко называют *«натуралистической социологией»*. Константин Николаевич в своих работах редко обходится без ярких биологических сравнений, порой выраженных в виде запоминающихся афоризмов. Вот, например, в работе «Национальная политика как орудие всемирной революции» Леонтьев дает уничтожающую характеристику атеистического государства: «атеистическое государство также противно законам социальной природы, как жизнь позвоночного животного без остова, без легких или жабр».

«Натуралистическая социология» была самым настоящим вызовом западной социологии. Последняя была, на первый взгляд, очень пестрой. Но, по сути, разные европейские социологические школы и теории перепевали на разный

лад однообразные мантры либерализма. Одним из источников либерализма был европейский рационализм, основоположником которого считается Ренэ Декарт (1596–1650). Европейский рационализм любил апеллировать к механике. Для рационалистов вся вселенная была не более чем набором атомов, движение которых определялось законами ньютоновой физики. Общество – часть этой вселенной, в ней также действуют универсальные законы механики, царит «железный» детерминизм, человек – лишь атом, траекторию которого можно просчитать. А если можно просчитать каждый атом, то можно просчитать и вектор движения всего общества. Многие европейские теории общественного развития можно отнести к так называемой «механической социологии». Логическим завершением этой «механической» логики явилось появление экономических теорий с такими ключевыми понятиями, как *homo economicus* (фактически – человек-атом), конкуренция, рынок. Кстати, «натуралистическая социология» Леонтьева в каком-то смысле была возвращением к истокам экономической мысли Европы. В первой половине XVIII века в Европе (прежде всего во Франции) зародилась экономическая школа «физиократов» (наиболее известным ее представителем был Франсуа Кенэ). Они считали, что единственным источником богатства является природа, особенно земля. В своих рассуждениях представители указанной школы

широко использовали знания и аналогии из таких сфер знания, как агрономия, физиология, почвоведение. Правда, школа «физиократов» была достаточно быстро вытеснена другими школами. В частности, *школой «меркантилистов»*, представители которой уже стали отходить от реального мира производства, погружаться в виртуальный мир обмена, подготавливая почву для появления *классической буржуазной политической экономики* (В. Петти, А. Смит, Д. Рикардо). А она, в свою очередь, была уже предтечей современного экономического либерализма.

Итак, «натуралистическая социология» Леонтьева была разительным контрастом тогдашнему либерализму. Я ранее уже останавливался на некоторых аспектах этой интересной социологии, поэтому повторяться не буду. Может быть, глубокого научного обоснования метод Леонтьева, основанный на изучении социальной жизни с помощью натуралистических аналогий, не имеет. Тем не менее опыт практического использования этого метода нашими и зарубежными социологами показывает, что этот метод «работает».

«Лирическое отступление». Как учат наших студентов экономике

Далее буду говорить, опираясь в том числе на собственный опыт преподавания различных экономических дисциплин (он составляет уже четыре десятка лет). В советское время это были

в основном такие дисциплины, как политическая экономия и мировая экономика. В постсоветский период – экономическая теория, международные финансы, мировая экономика. Излишне говорить, что и тогда, и сейчас вся наша отечественная экономическая «наука» была и остается по сути «импортной». Тогда даже в прикладных экономических дисциплинах в лошадиных дозах присутствовал марксизм, который, как известно, был «импортирован» в Россию из Европы в XIX веке. Политэкономия из такого марксизма состояла на 100 процентов. В «демократической» России преподавание любой экономической дисциплины основывается на таком западном «импорте», как «монетаризм», «экономикс», «институционализм» и прочие «интеллектуальные продукты», названия которых трудно произносятся по-русски. Я сейчас не собираюсь раскрывать либеральную ложь всей «импортной» экономической «науки». Речь о другом – о психологии восприятия этих «импортных» знаний.

Прежде всего, используется «птичий язык», который среднестатистическому гражданину нашей страны понять почти невозможно. Это чистая «эзотерика», призванная, с одной стороны, создавать у молодежи комплекс неполноценности; с другой стороны, произвести впечатление интеллектуального превосходства «профессиональных экономистов» над остальной серой массой, не посвященной в тайны мира

экономики. Усиливается этот эффект разделения общества на «посвященных» и «профанов» благодаря тому, что «экономическая наука» неизменно усложняет самые простые вещи с помощью математики. Рисуются различные графики, составляются таблицы, используются регрессии и корреляции, биномы Ньютона и интегралы. И все для того, чтобы доказать, что $2 \times 2 = 4$. Но это еще полбеды. Чаще всего вся математическая чехарда нужна для того, чтобы студенты поверили, что $2 \times 2 = 3$. Или 5. Обычное надувательство с использованием «научных» методов». Вообще все это удивительно напоминает мне сцены из Евангелия, когда фарисеи и книжники выступали в роли «учителей», преподающих простому народу вещи, порой сомнительные и даже вредные для души. Простой народ такие «учителя» воспринимали как *«невежд в законе»*, наводили на простолюдинов страх и ужас. Вспомним хотя бы евангельскую историю о слепорожденном. Фарисеи допрашивали родителей исцеленного Иисусом Христом юноши, при этом допрашиваемые испытывали панический страх перед иудейскими учителями.

Сам помню, как в свое время учил и сдавал политическую экономию и «Капитал» Маркса, будучи студентом и аспирантом. Какой религиозный трепет создавали очень глубокомысленные рассуждения классика об «анализе и синтезе», о «восхождении от конкретного к абстрактному»,

а затем вновь о «возвращении к конкретному», о «единстве логического и исторического», о «метаморфозах капитала», о «двойственном характере труда» и т.д. Тратя невероятное количество времени на постижение талмудической логики Маркса (тогда это называлось «грызть гранит науки»), мы, студенты-экономисты, сохраняли весьма смутное представление о том, что такое настоящая экономика. Я отнюдь не утверждаю, что все, что было написано в «Капитале» Марксом, – глупость. Ни в коем случае. Он очень неплохо понимал тонкости капиталистической экономики, но не мог допустить, чтобы их понял и читатель. Иначе читатель выведет классика с его некоторыми весьма лукавыми выводами на «чистую воду». Я говорю лишь о том, что найти и тем более распробовать «изюм» в «Капитале» непосвященному человеку было крайне трудно. Студенту приходилось многие вещи просто заучивать. За 40 лет моей преподавательской работы я, конечно, во многом разобрался. Переводить с «птичьего» (или «талмудического») тоже научился. В принципе суть пудового «Капитала» могу объяснить в течение одной академической «пары». Магические чары марксизма, монетаризма и экономического либерализма рассеиваются как утренний туман.

Сегодня студенты находятся в еще более тяжелом положении. Так называемые «знания об экономике» представляют собой грудку каких-

то формул, графиков, индексов, рейтингов, эзотерических текстов на «птичьем языке», а также разных имен, среди которых нет ни одного русского. Мне есть с чем сравнивать: это похуже марксизма. Тот смахивал на талмудические тексты, нынешние «экономические знания» – на «каббалу» (только не для «посвященных», а для «профанов»). Весь сложный мир экономики у современного студента сводится к бирже и рынку «ФОРЕКС». Никаких понятных, из жизни, аналогий учащимся не предлагается. В лучшем случае – аналогия из мира механики, где все сводится к движению атомов. А автоматическим регулятором этого хаотического мира атомов является неведомый и непостижимый Рынок.

К чему я сделал такое пространное «лирическое отступление»? К тому, чтобы читатель понял, что сегодня крайне актуальной задачей является противопоставить талмудической и каббалистической магии «экономической науки» наше национальное понимание экономики. Оно должно быть доступным не только «избранным» специалистам, но и всем людям.

**«Натуралистическая социология»
К. Леонтьева: опыт применения
для объяснения экономики**

Для решения этой задачи крайне полезен метод аналогий. В том числе тот метод, который предлагает Леонтьев, сравнивая общество с орга-

ническим объектом, живым организмом. В этом ведь суть его «натуралистической социологии». Признаюсь, я и раньше использовал в некоторых случаях этот метод, только не зная, что это «метод Леонтьева». Представлю некоторые важнейшие фрагменты картины экономики в рамках натуралистической социологии Леонтьева.

1. Экономика – живой организм. Для наглядности ее можно сравнить с организмом (телом) человека. Подобно тому, как тело человека может пребывать в состоянии здоровья и нездоровья (болезни), экономика так же может находиться в этих состояниях. С тех пор, когда мир прошел фазу «цветущей сложности» и вступил в фазу «упрощающей нивелировки» (по Леонтьеву), экономика вошла в состояние хронического недомогания. Представляя экономику живым организмом человека, мы постоянно помним, что сам человек является сложной структурой. Кроме физического тела у него есть душа, которая, в свою очередь, состоит из ума, чувств, воли. Состояние физического тела, в конечном счете, определяется состоянием более высокой инстанции человека – его души. Для экономического организма более высокими инстанциями являются политика, культура, религия, духовное состояние общества.

2. Экономический организм развивается, достигает своей зрелости и умирает. Каждому возрасту такого организма присущи свои правила жизни, труда, питания, свои лекарства и

свои методы лечения. Экономические организмы имеют национальную специфику. Не может быть единого эталона экономического организма, равно как не может быть универсальных лекарств и методов лечения.

3. Организм экономики состоит из множества частей, функционально между собой связанных. Жизнь этого организма можно представить как процесс непрерывного метаболизма, то есть обмена веществ. В экономике под метаболизмом понимается обмен различных частей организма производственными ресурсами, полуфабрикатами, энергией, услугами, продуктами конечного потребления.

4. Каковы основные части экономического организма? Костно-мышечная система – производительные силы. Желудок и кишечник (органы пищеварения) – энергетическая система. Сердечно-сосудистая система – банки и денежное обращение. Мозг – централизованное управление и планирование. Нервная система – информационная система, проводящая сигналы управления и сигнализирующая об отклонениях в экономике. Печень – системы переработки отходов производства и потребления. И т.д.

5. В свое время Маркс в «Капитале» сказал, что для понимания экономики важно понять, что является «клеточкой» экономики (здесь, как мы видим, Маркс не удержался и применил метод биологической аналогии). Что же, по

мнению Маркса, является такой «клеточкой»? Применительно к капиталистической экономике он такой «клеточкой» определил товар (и далее пустился в пространное описание товара). В нашей картине экономики мы также используем понятие «клеточки». Но таковой у нас является человек, выступающий в двух ипостасях – как производитель и как потребитель. Но при этом мы всегда имеем в виду, что у человека есть и другие, более важные «измерения», которые прямо или косвенно влияют на поведение человека в сфере экономики.

6. Большинство болезней экономического организма зарождается на клеточном уровне. К сожалению, современные экономисты начинают бороться с внешними проявлениями болезней, то есть они реагируют на видимые экономические явления. Такие экономисты являются плохими врачами, которые лишь создают видимость деятельности. Они применяют примочки и прикладывают их к прыщикам, язвам или волдырям, которые выскакивают на коже и видны невооруженным глазом. Внутренним состоянием пациента они не интересуются, обследованиями не занимаются, анализы не назначают. Судя по всему, они вообще не заинтересованы в выздоровлении своих пациентов, им нужны деньги пациентов. Непрофессионализм и цинизм – вот главные характеристики современных врачей-экономистов.

7. Поскольку большинство болезней зарождается на клеточном уровне, важно поставить диагноз: что происходит с клеткой (человеком)? – Происходят различные мутации. Клетки перерождаются. В медицине есть наука – цитология, которая примерно так описывает жизнь нормальной клетки: любая клетка – звено длиннейшей цепи клеток, по которой происходит движение питательных веществ и энергии. Условно говоря, из 100 процентов веществ и энергии, которые клетка принимает, она дальше направляет «по эстафете» 99 процентов, а 1 процент оставляет себе на поддержание жизни. Я не медик, могу в деталях ошибиться, мне главное – объяснить принцип. А что происходит с больной клеткой? Она начинает перехватывать 50 или все 100% входящих веществ и энергии. Как называется такая клетка? – Раковая. Количество таких раковых клеток быстро растет. Возникают метастазы. Именно так можно описать болезнь современного экономического организма. Мы называем это капитализмом. Можно назвать также «раковой экономикой».

8. Когда уже метастазы больного экономического организма становятся «медицинским фактом», лечение примочками (мелкие реформы) кончается. На арену выходят хирурги, которые начинают нещадно вырезать метастазы. Например, врачи-экономисты могут провести национализацию – отдельной компании, отдельного банка или даже целой отрасли. Или даже показательно

посадить в тюрьму на три пожизненных срока какого-нибудь крупного олигарха-афериста. Это может дать очень временный эффект. Поскольку клеточный уровень не затронут, злокачественные клетки продолжают размножаться. За одной операцией следует другая. До тех пор, пока пациент не скончается.

9. Могут происходить и другие неприятности в экономическом организме. Как известно, здоровый человек имеет подтянутую фигуру, никакого лишнего веса, никаких видимых и невидимых «излишеств». Это явный признак того, что процессы обмена веществ в организме протекают нормально. Что происходит с человеком, у которого возникают сбои в процессах метаболизма? Часто у него начинают расти жировые отложения, нарушается нормальная пропорция между мышечной и жировой частью. То же самое может происходить и происходит в экономическом организме. Гипертрофированные жировые отложения – накопления капитала. Капиталистическая экономика неизбежно нарушает нормальные пропорции в хозяйстве.

10. Одна из наиболее острых проблем капиталистической экономики – ссудный процент. Еще Аристотель предупреждал, что деньги не должны рождать деньги. Тут много сходного с теми же онкологическими процессами. В современной экономике происходит рост долговых обязательств по ссудам и кредитам согласно

математическим правилам сложных процентов. Если процесс роста этих «долговых опухолей» не остановить, то они пожрут весь организм. Опять мы приходим к зловещему диагнозу: современная экономика является «онкологической».

О потенциальных возможностях метода «натуралистической социологии» К. Леонтьева

Думаю, что на этом стоит остановиться. Поскольку главный предмет моего разговора не экономика, а метод «натуралистической социологии». В преподавании экономики он, как показывает мой скромный опыт, оказывается очень эффективным.

Во-первых, студенты лучше начинают чувствовать, что такое экономика. У них появляется желание заниматься осмыслением и моделированием различных экономических процессов с помощью метода К. Леонтьева. Кончается тупая зубрежка, начинается творчество.

Во-вторых, на таких студентов перестает действовать «черная магия» современного экономического либерализма. Они начинают догадываться, что именно этот самый либерализм и провоцирует развитие онкологических процессов в экономическом организме.

В-третьих, их особо начинает интересовать исходная «клеточка» экономики – человек. Ведь о человеке студентам учебники сообщают только

то, что это *homo economicus*. Более глубокой антропологии экономический либерализм не предусматривает. А в социологии К. Леонтьева, да и вообще в русской традиции – человек уж точно не *homo economicus*, а творение Бога. Человек создан по образу и подобию Бога. А это уже выход за пределы чисто материального мира экономики. Осмысление экономики на уровне ее «клеточки» неизбежно приводит к пониманию того, что экономика имеет духовное измерение.

Мне трудно судить о том, как преподаются другие общественные науки – социология, политология, история. Но думаю, что там ситуация не может быть лучше, чем в преподавании экономических дисциплин. Подозреваю, что либерализм использует одни и те же приемы и методы оболванивания нашей молодежи. Не исключаю, что и в других науках использование метода «натуралистической социологии» К. Леонтьева могло бы поставить заслон на пути проникновения либерализма в наше общество.

Заключение

Конечно, в данной небольшой книге мы не смогли рассмотреть подробно все стороны социологии К. Леонтьева. Вот, например, в разделе «Социология Константина Леонтьева и современная Россия» мы перечислили двадцать

положений «натуралистической социологии» Леонтьева, но далеко не все были раскрыты в последующих разделах. Например, понятие боли и страха в социальной жизни.

Читатель, наверное, заметил, что я почти не затрагивал описания личности Леонтьева, концентрируясь лишь на его мыслях, его творчестве. Хотя бы в заключение скажу кое-что о самом Константине Николаевиче. Это важно, поскольку, если судить по его творчеству, то может возникнуть впечатление, что Леонтьев – холодный, бесстрастный, прагматичный человек. Человек, для которого во главе всего находятся «объективные истины», «национальные интересы», «сильная власть». Н. Бердяев рисует портрет Леонтьева как холодного и даже безжалостного естествоиспытателя, которому нет дела до страданий объекта его наблюдений: «В своих социологических исследованиях К. Леонтьев хотел быть холодным, безучастным к человеческим страданиям, объективным. В этом он был прямой противоположностью русской “субъективной школе в социологии”. Как социолог, он решительно не хочет быть моралистом и проповедовать любовь к человечеству. Он относится к социологии как к зоологии, к которой, кстати сказать, имел вкус и склонность» (Бердяев Н. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли). Удивительно, что даже В. В. Розанов, хорошо знавший Константина Николаевича, признался:

«Когда я первый раз узнал об имени Ницше, то я удивился: да это Леонтьев, без всякой перемены». Параллели между Леонтьевым и Ф. Ницше проводили и другие авторы. Действительно, у Леонтьева и Ницше внешне схожие взгляды на мораль, человека, либерализм, научный и технический прогресс. Но схожесть только внешняя. Та же мораль для Леонтьева не является абсолютом, выше морали для него эстетика. А выше эстетики и морали – Бог, Его заповеди, страх Божий. Поэтому так называемый аморализм Леонтьева порожден той высочайшей планкой, которая называется Бог. Такой высшей нормы не видели и не могли видеть «моралисты» либерально-материалистического толка.

Многие «портреты» Леонтьев искажают его личность. В каждодневной жизни, общаясь с другими людьми, Леонтьев ярко демонстрировал, что такое нравственность, что такое гуманизм (не как философия, а как чувство сострадания к окружающим людям), что такое обычное человеческое внимание. Это была нравственность иного толка, чем та, которую проповедовали либеральные «моралисты», она была порождена страхом Божиим, который не покидал Константина Николаевича ни на минуту. Этим он разительно отличается от Ницше, который воскликнул: «Бог умер!» Вскоре после смерти Константина Николаевича в письме к Страхову В. В. Розанов, который близко знал Леонтьева,

дал такую ему характеристику: «Леонтьев был редко чистосердечный человек, с редкой отзывчивостью на всякую нужду, с любовью к конкретному, индивидуальному, с привязанностью к человеку, а не только к мозговым абстракциям». Кстати, тот же Бердяев в той же своей работе приводит примеры, которые также характеризуют Леонтьева как человека деликатного, мягкого и чуткого к окружающим. Бердяев отмечает в этой связи своеобразный «дуализм»: Леонтьев как мыслитель, обращающийся к читательской аудитории, и Леонтьев в обыденной жизни – разные, непохожие люди. Чтобы удостовериться в этом, достаточно почитать переписку Леонтьева (см., например: Константин Леонтьев. Избранные письма (1854–1891). СПб.: Пушкинский фонд, 1993). Его личная переписка по стилю, духу, тематике разительно отличается от его публичных выступлений в печати.

Впрочем, возвращаясь к моей книге, можно сказать словами Козьмы Пруткова: «Никто не обнимет необъятного». В ней, как я уже сказал вначале, еще немало «пробелов» даже по части заявленной темы – «социология К. Леонтьева». Но эти «пробелы», с моей точки зрения, не так уж критичны. Моя книжка – не энциклопедия и не справочник по заявленной теме. Читатель, познакомившись для начала с моим скромным трудом, а затем перейдя к освоению творческого наследия Леонтьева (только не «по диагонали»,

а вдумчиво, не спеша), неизбежно начнет по-другому смотреть на окружающий его социальный мир. Это самое главное.

Поначалу читателя может пугать парадоксальность некоторых мыслей Леонтьева, его можно принять за мастера эпатажа. Но тайна этой парадоксальности заключается в том, что Леонтьев, представляя нам в рамках своей «натуралистической социологии» трехмерный земной мир, сам его воспринимает как четырехмерный, добавляя в картину четвертое измерение – Бога. Кроме того, он нам рассказывает о человеке как существе, которое находится на этой Земле 70 или 80 лет. А сам Константин Николаевич воспринимает жизнь человеческую как вечную, и только в контексте этой бесконечности он видит то, что не видит обычный человек, пораженный вирусом либерализма.

Нам нужна не новая информация и не наращивание знаний в нашей памяти (как говорили древние, *«многознание уму не научает»*). Нам нужно изменение нашего мировосприятия и миропонимания. А Леонтьев в этом деле может оказаться непревзойденным учителем. Если мы постигнем его науку, тогда нам уже не потребуются новые мегабайты информации, тогда нам не так принципиальны будут какие-то «пробелы» в знании. Между прочим, одной из парадоксальных мыслей Леонтьева было утверждение, что развитие общества определяется не только знанием, но и незнанием. Избыток знания может

быть вреден не только обществу, но и человеку. На первый взгляд мысль «мракобесная», идущая вразрез со всем, что внушают современному человеку. Не спешите ее опровергать. Лучше еще раз возьмите в руки томик Леонтьева – полистайте, подумайте. Леонтьев – непревзойденный разоблачитель всякого рода «научных аксиом», которые и сформировали за последние два-три столетия религию либерализма. А за этой «научной» религией прячется тот самый, кого Христос называл *«лжецом и отцом лжи»* и *«человекоубийцей от начала»* (Ин. 8, 44). Постигая наследие Леонтьева, начинаешь лучше понимать, что современному человеку нужно не только и не столько знание, сколько умение различать Правду и кривду, Истину и ложь, Свет и тьму. Леонтьев учит нас не столько наполнять свою память новой информацией, сколько умению видеть окружающий мир (мировосприятие) и умению правильно его понимать (миропонимание). А это уже из разряда духовных понятий, это уже вопрос духовного зрения. Об этой «тайне» многократно говорится в Новом Завете. Вот, например, слова из Послания апостола Павла римлянам: «Всякий, питаемый молоком, несведущ в слове правды, потому что он младенец; твердая же пища свойственна совершенным, у которых чувства навыком приучены к различению добра и зла» (Рим. 5, 13–14). В чем смысл этих слов? – Различение добра и зла достигается прежде всего чувства-

ми, а не умом. Понятно, что для этого чувства надо развивать. Понятно, что речь идет не о пяти хорошо известных всем физиологических чувствах (зрение, слух, вкус, осязание, обоняние), а о чувствах, не связанных с физиологией. Их еще называют «духовным зрением». Вот Леонтьев и обращался к этим чувствам, в первую очередь эстетическим. Может именно поэтому он и оказался столь прозорливым во многих своих предвидениях. Ученый и философ с их отвлеченным «анализом-синтезом» не могут увидеть того, что видит человек с развитым духовным чувством.

Если человек лишен духовного зрения, он начинает путать истинное знание с «лжеименным» знанием. Вспомним, например, что апостол Павел предостерегал своего ученика Тимофея не от знания, а от «прекословий лжеименного знания» (гнозиса). Отцы Церкви одним из самых страшных грехов считали... невежество! Человек мог быть переполнен этим самым «гносисом», но при этом оставаться невежественным. На почве увлечения некоторых ранних христиан «лжеименным» знанием появилась *ересь гностицизма*. И в те далекие времена были свои «интеллектуалы» и «люди широких взглядов», смаковавшие тонкости греческой философии и языческих мистерий, носители «тайного знания» (эзотерика). Они не могли удовлетвориться простотой Благой Вести и скромностью христианских собраний, их постоянно тянуло «синтезировать» христи-

анство и «тайное знание» или, на худой конец, внести некоторые «усовершенствования» в учение христианства. Об этом можно прочесть в любом учебнике по богословию или по истории Церкви. Тот «научный» либерализм, критике которого Леонтьев посвятил значительную часть своего творчества, – не что иное, как *современная модификация ереси гностицизма первых веков христианства*. Но тогда христианская Церковь имела сильный духовный иммунитет и сумела побороть вирус гностицизма. В XIX веке ересь либерального гностицизма почти уже не встречала сопротивления в обществе, не только в его светской части, но и в церковной. Леонтьев был одиноким воином, вступившим в эту тяжелейшую войну с ересью гностицизма. Примечательно, что никому из русских мыслителей второй половины XIX века старцы Оптиной пустыни не оказывали такой духовной и моральной поддержки, как К. Леонтьеву.

Почему-то, читая Леонтьева, я время от времени вспоминаю сцену первого грехопадения человека. Все ее прекрасно помнят. Змей искусил в раю первых людей: сначала Еву, а через нее – и Адама. А чем он искушал наших прародителей? – Плодами, которые произрастали на *древе познания добра и зла*. Мне кажется, что современный человек должен чаще вспоминать эту библейскую историю. В центре современного падшего мира находится такой институт, как «наука». На

первый взгляд, очень привлекательный, обещающий человеку счастье, благополучие, изобилие. Леонтьев об этом «древе науки» и его «плодах» пишет почти в каждой своей работе. Возникает некий мираж того самого рая, в котором некогда находились наши прародители. Современному человеку кажется, что срывая плоды с этого привлекательного дерева, которое называется «научкой», он вкушает добро. А яблочки-то насквозь пропитаны ядом либерализма! На самом деле он глотает лошадиные дозы отравы. Наука лишь по форме напоминает древо добра, а по сути оно есть древо зла. А от лошадиных доз либерального яда у бедной жертвы возникают галлюцинации в виде «светлого будущего».

В раю, между прочим, было много других деревьев, с которых Бог плоды срывать не запрещал. Под запретом было лишь одно – «дерево познания добра и зла». О чем это говорит? О том, что человеку много что позволено – пахать, пасти скот, строить, охотиться, ловить рыбу, добывать железо и создавать орудия труда, играть на свирелях и даже торговать. Не воспрещена и умственная, «познавательная» деятельность, но она является одной из самых опасных.

Между прочим, в Священном Писании нигде не сказано, что на других деревьях в раю не было плодов, которые давали знание. Но с тех других деревьев плоды рвут лишь те люди, которые не хотят быть «как Боги», которые хотят познать

Бога и приблизиться к Богу. А к древу «познания добра и зла» как магнитом манит тех людей, которые, подобно падшему ангелу Деннице, хотят сравняться с Богом, быть даже выше Бога, бороться с Богом. Древо познания добра и зла никуда не исчезло. В Новой и Новейшей истории оно обрело образ «науки», обещавшей обильные плоды технического, социального и экономического прогресса, а оказалось деревом, к которому зазывал и продолжает зазывать змей-искуситель. Имя этому змею – «либерализм». Бог об этом искушении предупреждал еще первых людей. А Константин Леонтьев лишь напомнил современному человеку об этом предупреждении.

ИСТОРИОСОФИЯ Л. А. ТИХОМИРОВА

Кто ведет человечество и куда? – Христианин решает это иначе, чем ученые башибузуки. Бог ведет человечество к последней цели его; сие сознать и указать должен историк.

Епископ Феофан Затворник

Если ребенку преподали знания по истории (особенно в христианскую пору), о жизни и обычаях других народов, о бедах и скорбях, которые они претерпели, отойдя от Бога и Его заповедей, о том, сколь радостна и великолепна жизнь тех, кто верен Господу, ребенок, прозрев жизнь и мыслительчество нашего времени, не станет жертвой новомодной философии и взглядов. Главной заботой сегодняшнего образования является то, что школа не дает детям чувства историчности. Страшная, роковая ошибка! Ребенок лишен возможности черпать примеры из жизни людей прошлого. А история, увы, все время повторяется. Разве не интересно узнать, что и в былые времена нахо-

дились те, кто восставал против Бога, и что из этого вышло. Как другие люди меняли свою жизнь, выделяясь тем самым среди остальных, служа нам примером и поныне. Чувство принадлежности ко времени очень важно донести до детей.

Иеромонах Серафим (Роуз)

История (как наука) без историософии – это то же самое, что тело без души.

М. Г. Шиманов, известный русский публицист, член Русского экономического общества им. С. Ф. Шарапова

Введение

Предлагаемый читателю текст является попыткой лаконичного изложения творческого наследия Л. А. Тихомирова в части, касающейся метафизического постижения человеческой истории. Что-то среднее между тезисами и конспектом. Первоначальный текст доклада, подготовленный к заседанию, в несколько раз больше по объему. Мой замысел – познакомить читателя с творчеством Тихомирова, разбудить в нем интерес к историософии нашего великого мыслителя. Думаю, что слишком объемный текст не позволил бы решить эту задачу, а лишь отпугнул бы неподготовленного читателя.

Итак, в нашем разговоре ключевым словом является «историософия». Это, согласно тол-

ковым словарям, «понимание, истолкование и т.п. каких-либо исторических явлений с определенных мировоззренческих позиций»*. Дословный перевод означает *историческая мудрость*. Очень часто слову «историософия» подбирают синоним: *философия истории*. Если говорить об историософии Тихомирова, то она больше, чем философия. Потому что базируется не только и не столько на мудрованиях человеческих, сколько на Священном Писании и Священном Предании, на догматах Православия, откровении, святых отцах.

При этом следует сделать три предварительных замечания. Во-первых, текст конспекта отражает лишь наиболее фундаментальные положения трудов Льва Александровича. Те, которые можно назвать историософскими. За «кадром» осталось множество интересных конкретных деталей, относящихся к социологии, философии, богословию, истории России и всемирной истории, гносеологии и антропологии. Во-вторых, в предлагаемом читателю тексте я выражаю некоторые собственные мысли, которые были навеяны знакомством с творчеством Л. А. Тихомирова. В-третьих, прошу у читателя прощения за то, что вторгаюсь в ту сферу, которая формально лежит за пределами моих профессиональных знаний (я – экономист). Делаю это лишь по той причине, что у нас до сих пор крайне мало работ

* Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998.

о Л. А. Тихомирове, его творчестве и о христианской историософии в целом*.

1. Актуальность идей Льва Тихомирова в области историософии.

Основные положения концепции мировой истории Л. А. Тихомирова изложены в его фундаментальном труде «Религиозно-философские основы истории» (1914–1918). Отчасти также в его другом фундаментальном труде «Монархическая государственность» (1905), работе «Апокалипси-

* Справедливости ради следует сказать, что все-таки работы об историософии Л. А. Тихомирова имеются. Мне известны две: 1) Милевский О. А. Религиозная историософия Л. Тихомирова // Актуальные проблемы региональных исследований: Сборник научных трудов преподавателей, аспирантов и студентов кафедры регионологии АлтГТУ. Вып. 8. Барнаул, 2008. (Интернет. Режим доступа: <http://do2.gendocs.ru/docs/index-412058.html>); 2) Посадский А. В., Посадский С. В. Историософия Л. А. Тихомирова и перспективы христианской культурологии // Христианство и культура: Сборник научных трудов. СПб., 2001 (Интернет. Режим доступа: http://www.pokrov-forum.ru/science/prav_phil_kult/statia/tichomirov_i_christ_kulturologia-s5.php). Обе работы интересные и полезные. Но они не покрывают всего спектра историософских проблем, которые рассматривал в своих работах Л. Тихомиров. Большая часть первой работы посвящена эсхатологическому аспекту историософии Тихомирова (аспекту, связанному с последними днями земной истории человечества). Вторая работа делает акцент на философской стороне историософии Тихомирова, оставляет в тени важнейшие религиозно-мистические стороны понимания истории. К тому же она достаточно невелика по объему (несколько страниц). Творческим наследием Л. А. Тихомирова сегодня занимается целый ряд исследователей: А. В. Репников, С. М. Сергеев, М. Б. Смолин, А. Г. Трифонов, А. Р. Ефименко. В их работах также затрагиваются некоторые аспекты историософии Л. Тихомирова.

ческое учение о судьбах и конце мира» (1907), романе «В последние дни» (1920). Историческая концепция Л. А. Тихомирова является последовательно христианской, православной (при этом по ряду вопросов у Льва Александровича имеются свои, частные мнения, не противоречащие ключевым догматам Православия). До сегодняшнего дня работа «Религиозно-философские основы истории» является одним из наиболее полных и глубоких историческо-философских произведений в отечественной и мировой литературе. Работа основывается на твердом фундаменте православного богословия, святых отцов, лучших (имевшихся на тот момент) работ отечественной и зарубежной философии. Сегодня мир входит в фазу сильной «турбулентности», и нам становится трудно понять вектор дальнейшего развития человечества. Более того, перед лицом этого хаоса многие христиане оказываются в растерянности (если не сказать отчаянии). В этих условиях работа Л. А. Тихомирова «Религиозно-философские основы истории» становится как никогда востребованной. Она укрепляет не только наш ум, но также веру.

2. Лев Тихомиров – пророк, мало известный в собственном отечестве.

Необходимо всячески пропагандировать (а отчасти и популяризировать) работу, чтобы с ней могли познакомиться наши сограждане (все, но в первую очередь христиане). К сожалению, на се-

годняшний день даже не все профессиональные историки (в частности, те, которые преподают историю в высшей школе) читали указанную работу Л. А. Тихомирова. Зато они готовы блеснуть своей эрудицией и рассказать о многотомной работе известного английского историка А. Тойнби «Постижение истории». А наиболее «продвинутые» вспомнят даже про «Философию истории» Гегеля. Иные доценты и профессора даже толком не могут сказать, когда жил Л. А. Тихомиров и что он написал. Про наших бедных студентов я вообще молчу. В общем, как всегда: «Нет пророка в своем отечестве». Надеюсь, что для кого-то знакомство с представленными мною тезисами может стать первой ступенькой к изучению творческого наследия Тихомирова в части, касающейся постижения мировой истории с позиций Православия.

3. Об «экономическом материализме».

Л. Тихомиров обратил внимание на то, что в конце XIX – начале XX века в индивидуальном и общественном сознании нашего народа воцарился так называемый экономический материализм. Вся научная деятельность, вся мыслительная энергия, все устремления человечества сначала в мире, а затем и в России развернулись в сторону материальных условий жизни человека. В мыслительной и творческой сфере это: естествознание, техника, прикладные науки, направленные на освоение и «покорение» природы; в экономи-

ческой сфере – «всемерное развитие производительных сил»; в социально-политической сфере – борьба за справедливость в распределении материальных благ. В этом проявляется стихийный материализм современного общественного сознания. Одновременно на общество и человека стали смотреть как на часть материального мира. История стала восприниматься как непрерывная цепочка причинно-следственных связей экономического и материального характера. Примечательно, что современник Л. Тихомирова религиозный философ С. Булгаков также обращал внимание на доминирование материалистического начала в индивидуальном и общественном сознании в мире и в России в конце XIX – начале XX века. Именно поэтому вульгарно-материалистические идеи Маркса пали в России на благодатную почву и дали свои ядовитые всходы. С. Булгаков в своей известной работе «Философия хозяйства» называл такое сознание «экономическим материализмом», пытался объяснить его происхождение и причины доминирования, искал пути «преодоления» на христианской почве. Сразу отметим, что искания С. Булгакова оказались малопродуктивными, поскольку он, как бывший «легальный марксист», продолжал оставаться под сильными влиянием материалистических идей марксизма и немецкой «классической» философии, которая легла в основание марксизма (отсюда увлечение Булгакова космизмом как способом «освобожде-

ния» человечества, отсюда и его ересь «софианства» и проч.). Нематериальная и надматериальная сторона жизни человека и общества перестала интересоваться современного человека. Сложился безрелигиозный взгляд на историю. Тихомиров в начале своей книги (введение) и в ее конце (девятый отдел «Воскресение языческой мистики и экономический материализм») дает критику «экономического материализма, ставит в правильное соотношение материальные и духовные стороны жизни человека. Тихомиров пишет: «Сфера материальных условий есть нечто внешнее нам, хотя и облекающее нас. Она имеет для нас свою историю, но лишь постольку, поскольку наша внутренняя сфера даст ей направление. Она по внешности владеет нами, но по нашим желаниям и целям составляет только материал для нашей деятельности. Такое очевидное для нас отношение между этими двумя сферами нашего существования делает для нас вполне реальным вопрос не только о причине, но и о цели в жизни нашей, и, стало быть, в жизни человечества. Это понятие о цели, этот вопрос – “для чего” – мы вводим в понимание жизненного и исторического процесса, отчего только и может являться философское понимание его».

4. История как процесс духовной борьбы.

История человечества – арена борьбы, прежде всего духовной, а уже потом политической, экономической и военной. Эта борьба – продол-

жение той борьбы, которая началась с момента бунта Денницы, ангела света, который увлек за собой треть обитателей ангельского мира, то есть еще до сотворения человека и появления человечества. Тихомиров, между прочим, исподволь постоянно вспоминает этого ангела, когда говорит об особой роли иллюминатов (есть версия, что иллюминаты так себя называли, обратившись к образу Денницы). Земная история человечества началась с грехопадения первых людей (Адама и Евы) и их изгнания из рая (Книга Бытия). Земная история человечества имеет не только начало, но и конец. Конец описан в Новом Завете, особенно подробно в Апокалипсисе Иоанна Богослова. Особое внимание Л. Тихомиров уделяет именно концу земной истории. Видимо, по той причине, что книга «Религиозно-философские основы истории» писалась в годы Первой мировой войны и двух «русских» революций (февраль и октябрь 1917 года), когда многим казалось, что не только в России, но и мире наступают «последние дни».

5. Внешние события истории и духовная борьба.

История в духовном смысле – разворачивание во времени содержания души человека (человечества). Мир есть отражение нас самих. Несправедливость и агрессивность мира есть несправедливость и агрессивность в нас самих. Неустроенность российской жизни есть лишь не-

устроенность нашей собственной души. Попытки установления внешней справедливости не прибавляют справедливости в мире.

6. О субъективно-объективном подходе к постижению истории.

Есть два традиционных подхода к описанию и объяснению истории: а) подход объективистский, стремящийся уйти от вкусовых оценок; основан на коллекционировании фактов, их классификации; в последнее время даже предпринимаются попытки математической (компьютерной) обработки больших массивов информации; б) субъективный подход, основанный на интерпретациях; при этом одни и те же факты разные авторы интерпретируют по-разному (иногда с точностью «до наоборот»). Это жанр мемуарной литературы, дневников, «исторических портретов» и т.п. Но если исходить из посыла, что главным субъектом истории является Бог, тогда задача решается следующим образом: а) человек (субъект) постигает Бога – это элемент субъективного познания; б) познав Бога, человек постигает его замысел в отношении человечества; для человек замысел (Промысл) Бога выступает как объективное начало. Таким образом, для истинного христианина, по мнению Л. А. Тихомирова, история воспринимается как *субъективно-объективный процесс*. Нетрудно понять, что такое постижение истории существенно отличается от кабинетных методов изучения исто-

рии. Человек постигает Бога не в кабинетах, – по крайней мере не только в кабинетах.

7. История – процесс Богочеловеческий.

Ее творят и Бог, и человек. Причем, что очень важно, Бог не посягает на свободу человека. За человеком сохраняется свобода выбора. Человек творит одновременно и историю, и самого себя. Причем забывается, что с точки зрения судьбы человека для него важнее, каков будет результат второй. Земная история, земная жизнь – временна. Душа – вечна. Человек спасается или гибнет через свое участие в истории. Общественная жизнь – здесь и сейчас – это всегда нравственный и духовный выбор. Человек может ошибаться в своем выборе. Чем лучше он будет понимать историю, тем меньше ошибок он совершит здесь и сейчас.

Хотя историю творят Бог и человек, но в самой истории проявляется (согласно святым отцам) *три воли*: а) воля Бога; б) воля человека; в) воля дьявола. Дьявол ничего не творит, но он может паразитировать на том, что создает Бог и человек. Он (дьявол) использует для этого хитрость*.

8. Демоны и люди-демоны в истории.

Вся история – движение временного мира в Вечность. Процесс управляется Богом, а не дьяволом или политиками, имеющими доступ к рычагам управления обществом. Ибо Бог бесконечно

* Между прочим, хитрить и хитить – однокоренные слова.

мудрее и могущественнее всех мудрецов, политиков и дьявола. Помимо своей воли и желания и мудрецы, и дьявол оказываются в услужении Богу, пребывая в иллюзии, что именно они управляют миром. Ангельский мир в этом процессе не участвует. Принято считать, что падшие ангелы (бесы, демоны) не способны творить. Они лишь имитаторы, ловкие иллюзионисты, занимаются перераспределением уже созданного. Но важно подчеркнуть, что любые ангелы – лишь вестники. Они не наделены силой творить, в отличие от человека. Так что ангельский мир – вне исторического процесса. Конспирологические теории часто придают чрезмерно большую роль духам inferнального мира. Этакая смесь конспирологии с оккультной мистикой. Другое дело, что в историческом процессе могут принимать участие *люди-демоны*, через которых inferнальные духи пытаются управлять историческим процессом. Между прочим, у святителя Николая Сербского есть деление людей на три категории: а) богоподобные люди; б) звероподобные люди; в) демоноподобные люди, или люди-демоны*.

9. О «царском пути» и разделениях в обществе.

В п. 7 мы сказали, что цели человека, участвующего в историческом процессе, могут ис-

* См.: Святитель Николай Сербский (Велимирович). Царев завет. Псков, 2011. С. 33.

кажаться под влиянием дьявола. Не искаженный этим влиянием вектор движения человека – к Богу. Святые отцы называли это «царским путем», имея в виду, что именно этот путь ведет человека к Царству Божию. Л. Тихомиров показал в «Религиозно-философских основах истории», что бóльшую часть времени человечество уклонялось от «царского пути», уходило в крайности, а история представляла собой борьбу людей, которые принадлежали к этим полюсам. Но истины не было ни на одном, ни на другом полюсе. Еще на примере Иудеи времен Христа можно видеть эти противоположности, которые уводили еврейский народ от «царского пути». Это были партии фарисеев и саддукеев. Итак, влияние дьявола (сатаны) на человека и общество осуществляется через бесконечно большое количество слуг этого начальника «духов злобы поднебесной». Эти духи поляризованы, это духи небытия, духи разделившегося царства, которое опустеет (Мф. 12, 25). Об этом разделяющем влиянии «духов злобы поднебесной» достаточно подробно пишет протоиерей Владимир Соколов: «Можно сказать, что дьявол действует через крайности. Крайности – это две его руки, но он скрывает это, создавая вражду между теми его полюсами, которыми сам же владеет. Он делает это для того, чтобы перебрасывать из одной руки в другую адептов враждующих между собой крайностей, потому что в таком противостоянии

возникает ложная альтернатива: всегда кажется, что на другом полюсе истина. Этой изощренной ложью дьяволу удастся оттянуть тех, кто примыкает к полярным течениям, от точки Бытия, где только и возможно стояние в Боге и познание истины Жизни»*. Идеальным выбором человека в жизни является не поворот направо или налево (категории политические), а движение вверх – в вечную благодатную жизнь. Поворот направо или налево будет означать еще один виток в поисках «царского пути». Некоторые «царский путь» рассматривают как срединный путь, который вычисляется чуть ли не геометрически – как биссектриса. Для объяснения «царского пути» нам потребуется не геометрия, а стереометрия. Третий путь невидим для плотского человека, воспринимающего мир лишь в двух измерениях. Ярким примером современной ложной альтернативы дальнейшего общественного развития России у нас рассматриваются две социально-экономические модели – капитализм и социализм. Находятся некоторые искатели «царского пути» для России, которые говорят о некоем третьем пути для России. На поверку это оказывается какой-то эклектической моделью, созданной на основе капитализма и социализма. Что-то наподобие модели «смешанной экономики». При этом третьего измерения человеческой жизни

* Священник Владимир Соколов. Мистика или духовность? Ереси против христианства. М.: Даниловский благовестник, 2012. С. 407.

авторы таких моделей не видят. Увы, такая духовная слепота не является исключительной особенностью современного времени. Даже во времена, когда христианство было доминирующей религией, в обществе имели место разделения. Но тогда эти разделения имели не политическую природу, а происходили на основе полярных ересей. В книге «Религиозно-философские основы истории» имеется большое количество примеров таких полярных ересей и порождаемых ими социальных противостояний.

10. Союз крайностей в борьбе с Богом.

Впрочем, когда дьявол видит, что появляются люди, группы людей, которые отказываются идти за лидерами крайних партий, которые нащупали единственно верный путь спасения и вышли на него, то он делает все возможное для того, чтобы эти крайности соединялись и боролись с носителями правды и истины. Та же самая новозаветная история показывает, что жестоко между собой враждовавшие фарисеи и саддукеи объединились в своей ненависти ко Христу и совместно участвовали в Его убийстве. Новая и Новейшая история дает немало примеров того, как правые и левые партии объединяются для того, чтобы организовывать гонения на христиан. Идеологии капитализма и коммунизма, даже если они открыто не выступают против Церкви

и христианства, все равно подразумевают, что их идеалом является атеистическое общество. Несмотря на то что в тактических целях последовательные строители и капитализма, и коммунизма могут заигрывать с верующими и говорить, что они «разделяют» их убеждения, Л. Тихомиров показал, что такие идеологические полюса (капитализм и коммунизм) вполне уживаются в рамках монистического мировоззрения (см. п. 19) и «экономического материализма» (п. 37) и прокладывают путь антихристу. Л. Тихомиров убедительно показывает, что атеистическое состояние общества – переходная фаза к религии открытого сатанизма, к прямой борьбе с Богом.

11. О прошлом, настоящем и будущем. О бытии и небытии.

Все бытие – в настоящем. Точка настоящего связывает человека с *Вечностью*, с Источником жизни. Обращенность в прошлое или будущее, жизнь прошлым или будущим – иллюзия жизни. Священник Владимир Соколов об этих увлечениях прошлым и будущим пишет следующее: «...во времена таких кризисных поляризаций происходит обращение или к прошлому (как, например, в эпоху Возрождения на Западе и во время раскола в России), или к выдуманному несуществующему будущему, как это было с социалистами-утопистами (что характерно для всех хилиастических направлений, в том числе

и для коммунизма)»*. Инфернальные духи делают все возможное для того, чтобы оторвать человека от точки бытия, увести его в небытие.

Обращение к прошлому – как правило, погружение в язычество, природное начало, чрезмерное увлечением национализмом (на почве крови). Пассивное, созерцательное отношение к истории. Индуизм, платонизм. Монофизитство. Фашизм. Это, как отмечает священник В. Соколов, так называемый *дух циклического времени*. Тяга к прошлому – требование души.

Обращение к будущему – увлечение хилиазмом (создание подобия Царства Небесного на земле). Адепты этого духа – «дети вдовы», строители нового храма искусственной природы, космополиты, им чуждо чувство крови, предков. Они в пределе – атеисты. Примеры такого мировосприятия: ереси арианства, пелагианства; философия Аристотеля; картезианство (философия Декарта).

12. Марксизм как наиболее влиятельная разновидность хилиазма.

Идея коммунизма родилась в недрах христианства как идея хилиазма (социалисты-утописты еще сохраняли связь с христианством). Затем коммунизм преодолел свое христианское происхождение, приобрел ярко выраженные свойства

* Священник Владимир Соколов. Мистика или духовность? Ереси против христианства. М.: Даниловский благовестник, 2012. С. 388.

атеистического мировоззрения (марксистская разновидность). Но сейчас коммунизм преодолевает свой воинствующий атеизм, на Западе вполне уживается с религией (яркий пример – Уго Чавес). Впрочем, коммунизм никогда не был атеистическим. Это была разновидность пантеизма. Культ вождей, которые выступали «мозгом нации». Которые и после смерти – «вечно живые». Хилиастический дух, как отмечает свящ. В. Соколов, – это так называемый *дух исторического времени*. Тяга к будущему – требование даже не души, а плоти. Технократия, технологии, алгоритмы, рациональное знание – неизменные атрибуты духа хилиазма. Душа этому духу ненавистна. Она (душа) намного сложнее, чем все технико-технологические достижения человека духа хилиазма, она разоблачает «грандиозность» его достижений.

13. О смысле истории.

Особое внимание Л. А. Тихомиров уделяет раскрытию *смысла истории*. Историю надо изучать не только через выявление причин исторических событий, ища ответа на вопрос «почему?». Обычно историю изучают как смену одних событий другими, причем одни выступают причинами, а другие следствиями. *История представляется как цепь причинно-следственных связей*. Надо пытаться понять историю через постижение *целей*, то есть ища ответ на вопрос

«зачем?». Первый подход предполагает *знание фактов* истории (событий, людей, дат). Второй подход ориентирует на *понимание истории*.

14. Человек – существо целеполагающее (и этим определяется его роль и место в историческом процессе).

И это его главное отличие от животного. Человеку важно понимать, каковы цели жизни. Не только личной, но также общественной. Без этого он лишается ориентиров – нравственных, творческих, социальных, становится живым автоматом. Тем, что для носителей современной идеологии является идеалом, эталоном, – *homo economicus*. Кстати, еще наш русский ученый-филолог, президент Российской академии наук адмирал А. С. Шишков считал, что «человек» и «цель» – слова однокоренные (у некоторых славянских народов буква «ч» заменялась на букву «ц»)*. Тихомиров писал в «Религиозно-философских основах истории»: «Это упорство нашего сознания (искать цель жизни. – В. К.) вполне законно, ибо, примиряясь с невозможностью понять цели жизни, мы осудили бы себя на бессознательность существования, а потому должны были бы отказаться

* См.: Славянорусский корнеслов. СПб.: Фонд славянской письменности и культуры, 2007. Впрочем, у А. С. Шишкова имелась и другая версия происхождения слова «человек». Не исключено, что оно произошло от «слово» (в этом случае слово «человек» звучало как «словек»). Однако, в конечном счете, никакого противоречия между двумя версиями нет, поскольку конечной целью христианина является соединение с Богом Словом.

от всего высокого в своей личности и признать, что нет различия между высоким и низким. Вопрос о том, что высоко и благородно, а что низко и гнусно, всецело зависит от целей жизни. То, что для одних целей было бы высоко, для других целей придется признать нелепым. Оценку своей личности и свою выработку мы можем производить только применительно к тем или иным целям мировой жизни, и если их нет или если мы их не знаем, то нет и личной осмысленной жизни, нет, стало быть, именно того, из-за чего стоит жить». Итак, без понимания цели личной и общественной жизни (и тем без размышления над данным вопросом) происходит следующее: а) человек превращается в животное; б) исчезают ориентиры, критерии, которые помогают определить, что хорошо, а что плохо, что высоко, а что низко, что благородно, а что гнусно.

15. О субъектах целеполагания в истории.

В мире существует *три уровня целей (субъектов целеполагания)*. Первый – Бог. Второй – общество. Третий – отдельный человек (индивидуум). Между этими уровнями существуют связи. Человек ставит свои цели, учитывая цели общества – официально декларируемые или неофициальные, господствующие де-факто. О целях высшего уровня он часто не задумывается. Если общество и человек не задумываются о высших целях или вообще о них не задумываются, не-

избежно возникают и накапливаются серьезные проблемы, которые переходят в кризис. Чисто рационалистическая наука не отвечает на вопросы о целях субъектов – это не ее задача. Священник Владимир Соколов отмечает: «Беда современного сознания состоит в том, что в его мировоззрении отсутствует даже малейший намек на Промысл Божий. Уже в XVIII веке из лексикона, а вместе с тем и из кругозора русской интеллектуальной элиты исчезла такая богословская категория, как Промысл. Поэтому и в историософии с тех пор можно наблюдать антропологический крен – главным деятелем истории сделался человек. *Влияние Бога на историю, даже если и признается Его существование, не учитывается – Бог остается в стороне от Своего творения, тем более истории*»*. Этот перекокс уже был виден в отечественной богословской литературе XIX века (учебники по догматическому богословию). Уже не приходится говорить про работы «профессиональных» светских историков – Татищева, Карамзина, Ключевского, Соловьева, Платонова. Ближе всех к правильному изложению русской истории приблизился генерал А. Д. Нечволодов, написавший «Сказание о Русской земле». На книгах по истории XIX века виден отпечаток антропоцентризма, западного гуманизма, давшего бурные побеги на почве западного протестантизма. Россия формально

* Священник Владимир Соколов. Там же. С. 370 (курсив мой. – В. К.).

была страной православной, а протестантский дух проникал через книги, школу, университеты. Сегодня все программы университетов на 100 процентов протестантские. Даже в духовной академии этот дух протестантизма бьет в нос. На Россию сильное влияние оказывал Гегель. Хотя он был протестантом, у него в понимании движущих сил истории наблюдалась другая крайность – Абсолютный дух, который является источником саморазвития, а человек здесь ни при чем. Мы обсуждали на заседаниях Русского экономического общества им. С. Ф. Шарапова творческое наследие С. Булгакова, который увлекался немецкими философами. Мне его София отчасти также напоминает гегелевский Абсолютный дух. Таким образом, мы некритически заимствовали от Запада два историософских подхода: а) социальный (историю творят люди); б) натуралистический (история – результат саморазвития Абсолютного духа).

16. О Божественном целеполагании.

Всемирная история – жизни миллионов и миллиардов людей, причем каждый из них преследовал (преследует) свои личные цели. Но есть цель мировой жизни, преследуемая Богом как Творцом и Промыслителем этого мира. Бог не мог ограничиться лишь творением (созданием) этого нашего мира. Любой человек, создавая какую-либо вещь или нематериальное произ-

ведение, всегда преследует какую-то цель. Тем более нельзя предположить, чтобы Бог – Сама Мудрость – занимался бы тем, что мы называем «искусство ради искусства». Если у человека вся его жизнь состоит из целей, то тем более у Бога должна быть цель: «Всякая же созидательная роль может быть свойственна только тому, у кого имеются разум и воля, а в действиях разумного и волящего существа всегда имеются **цели**. Наши силы в распоряжении природой относительно невелики, но мы знаем, что мы при этом всегда имеем цели воздействия, и это настолько увеличивает нашу мощь, что неизмеримо громадные пассивные силы природы нам повинуются, совершают то, чего мы хотим. Может ли быть хоть малейшее сомнение, что Высший Разум, создавший или хоть только устроивший мир, точно так же влагал в него Свои цели, желал и желает чего-то достигнуть и, следовательно, достигает, как достигаем мы в пределах наших малых сил?» – читаем мы во введении «Религиозно-философских основ истории». Личные цели могут находиться в русле Божественной цели, могут с ней не совпадать, а могут ей и противоречить. Л. Тихомиров пишет о соотношении Божественного целеполагания и человеческой воли: «На этом анализе мы впервые вступаем в предчувствие того, что мировая жизнь есть область великой борьбы, в которой решались и решаются судьбы человечества, не только то, чем люди сами хотят быть и

чего они желают для себя, но то, что Высшими силами вселенского бытия поставлено **целью** мировой жизни, той целью, для которой люди получили именно данную, а не какую иную природу и способности».

17. Протестантский способ восприятия истории.

Протестантские воззрения возникли в России давно. Образовался духовный надлом, его обычно связывают с появлением старообрядчества. Но он произошел задолго до XIX, XVIII и даже XVII века. Вспомним спор Иосифа Волоцкого и Нила Сорского (начало XVI века). Собственно, спора никакого у двух преподобных не было. Спор начался у последователей преподобных. Закончился победой «стяжателей». Была нарушена существовавшая ранее гармония, целостности Церкви (вертикальное измерение – обращенность к Богу; горизонтальное измерение – соборность). Ослабление вертикального измерения привело к тому, что Церковь как соборный институт стала превращаться в социальную организацию. Отказ от патриаршества, переход к синодальному устройению также способствовали нарушению этой гармонии и целостности. Об этом хорошо написал Георгий Флоровский в своем фундаментальном труде «Пути русского богословия». Церковь, утратив вертикальное измерение, превратилась в социальное учреждение. Поэтому вся-

кий человек даже со стороны оценивает Церковь как и всякие другие институты – общественные организации, корпорации, политические партии. *Соборность стала трансформироваться в коллективизм, а затем коллективизм деградировал в стадность. Человек стал терять свободу. Пытаясь покорить силы природы, человек опирался на социальную деятельность, но социальная деятельность ущемляла его духовную свободу. Как сказал апостол Павел: «Где дух Господень, там свобода» (2 Кор. 3, 17)*.*

18. Социальные и духовные цели истории: взаимоисключение или несовпадение?

Задачи социального преобразования мира, как ни парадоксально это звучит, наносили ущерб личностному совершенствованию человека. Особенно если преобразования мыслились как революция. В марксизме все именно так: а) сначала задача материального характера – развитие производительных сил; б) затем задача социальных преобразований (совершенствование производственных отношений, прежде всего через решение вопросов собственности на средства производства); в) в конце этой цепочки – человек. Он-то деградирует! Велика цена достижений на

* О том, как Россия заражалась протестантским духом мировосприятия вообще и восприятия истории в частности, можно прочитать в уже упоминавшейся нами книге протоиерея Владимира Соколова «Мистика или духовность? Ереси против христианства» (раздел третий: «Общество и мистика. История и мистика»).

первых двух этапах борьбы человека за свое счастье. По большому счету, человек в этой схеме даже не цель, а средство, подчиненное мертвой материи под названием «производительные силы». Церковь болела со всем обществом. Из нее стало уходить понимание и ощущение соборности, она стала замещаться коллективизмом. До стадности пока дело не дошло. Но утрата некоей духовной энергии налицо. Появилась атмосфера теплохладности и пассивности.

19. Безверие как причина исторической слепоты.

Настоящее понимание истории невозможно без *религиозной веры*, которая помогает человеку понять, что есть Бог, каково его вмешательство в жизнь человечества и отдельно взятого человека и т.п. По-гречески *православие выражается словом «ортодоксия»*. В греческом языке это не только православие, но также *правомыслие*. Надо учиться правильно мыслить. Правильно мыслить может только тот, кто имеет связь с Богом, который есть Истина. Целостный подход – важный признак, условие правомыслия. Дьявол – разделитель. Поляризация, разделение, раскол – вот методы дьявола. Он нам подбросил и диалектику с ее законом единства и борьбы противоположностей (берет свое начало у гностиков). Человек может не верить в Бога, но он должен понимать, что это неверие не имеет никаких доказательств, это не ре-

зультат какого-либо знания, а просто *атеистическая вера*. Но тогда надо быть последовательным: если мы не признаем Бога, то тогда надо отказаться от всякой философии истории. Атеист может познавать лишь внешние связи явлений, а этих связей – мириады. Атеист просто потонет в море этих явлений и связей. Познание целей истории мы можем искать только с помощью религии, которая позволяет постигать личного Бога. Именно личного Бога, имеющего сознание и цели. В буддизме, например, нет личного Бога, там нет смысла искать цели истории. Это такая философия, на которой невозможно понимание истории.

20. Религиозные воззрения и философские учения как предмет исторического исследования.

Историю крайне сложно изучать как совокупность бесконечного количества различных событий, между которыми могут возникать мириады прямых и обратных связей. Человеческий ум и даже мощный компьютер не в состоянии осваивать такие массивы информации, тем более что речь идет о событиях прошлого. Как бы исчезает объект исследования. События были и исчезли. Остались лишь отпечатки этих событий в виде каких-то документов и предметов материальной культуры. Невнятные следы могут приводить к неоднозначным толкованиям прошлых событий. Представления человечества об истории до сих

пор весьма обрывочны. Одно тысячелетие идет за другим, а память человечества сохраняет очень немного. Люди обычно в жизни руководствуются ближайшими целями, большей частью связанными с низшими материальными потребностями. Если над всеми этими сиюминутными целями носится идея об общем смысле жизни, то в большинстве случаев люди бродят около этого вопроса как в тумане. В каждом поколении появляются какие-то символы, мифологические образы, с помощью которых люди пытаются описывать высшие цели. Но со временем они забываются, становятся достоянием узкого круга специалистов. В мифах, символах, памятниках культуры находит отражение религиозная идея соответствующего народа и соответствующей эпохи. Такие религиозные памятники плюс сохранившиеся в рукописях философские теории – важнейшие объекты, которые Тихомиров и предлагает поставить в центр внимания историка. Вместо событий Л. А. Тихомиров предлагает изучать *философские и религиозные взгляды, теории, системы*, существовавшие в разные времена. Конечно, этих теорий и систем также было в истории очень много, одни сменяли другие. Но все-таки на основе определенных критериев можно производить отбор наиболее репрезентативных и изучать их взаимное влияние, борьбу, умирание и рождение на их месте новых. Работа Л. А. Тихомирова как раз представляет собой сгруппированную в хронологическом по-

рядке и на основе иных принципов совокупность религиозных воззрений и философских систем. Приведу цитату из «Религиозно-философских основ истории» для подкрепления описанной методологической позиции Л. Тихомирова: «Идеи составляют отвлеченную формулировку тех сил, которые взаимодействуют между собою в жизни. Но рассматривать содержание и соотношение религиозно-философских идей легче, нежели улавливать безмерную сложность исторических событий. Ошибаются те, которым религиозно-философские познания кажутся чем-то отвлеченным, не имеющим в жизни практического значения. Наоборот, философское познание дает нам истинный ключ к познанию исторической эволюции». От себя добавлю, что правильно понятая история философии может рассматриваться как лаконичное изложение мировой истории. Но подчеркиваю: «правильно понятая». В советское время мы изучали и сдавали в институте предмет «история философии». Но, конечно, изучая курс истории философии, основанный на догматах исторического материализма и диалектического материализма, понять смысл исторического процесса было невозможно.

21. Лев Тихомиров о двух системах мировосприятия и миропонимания.

Все философско-религиозные теории и системы, в конечном счете, можно разделить на

две большие группы: а) системы монистического взгляда на мир; б) системы дуалистического взгляда на мир. По сути, между ними существует непреодолимая стена. *Системы монистического мировосприятия* исходят из того, что существует извечно материальный мир. В рамках этого мира допускается существование какого-то духовного начала, даже каких-то божеств. Но, в конечном счете, самым духовным началом обладает человек. Человек – вершина этого мира, он призван господствовать над миром. Наиболее яркие формы монистического мировоззрения – материализм, пантеизм, язычество. При таком мировосприятии возникает идея *Царства Человеческого* (или же каких-либо других духовных существ). *Системы дуалистического мировосприятия* предполагают существование двух миров – мира Бога, Творца и Промыслителя, – и мира материального, тварного, созданного Богом. Наиболее известные формы такого мировоззрения – религия древних евреев (Моисеева религия) и христианство. Между монистическим и дуалистическим мировосприятием всегда существовала и существует борьба. Все существующее составляет *Царство Божие*, даже если тварный ум не осознает своей безусловной зависимости от Божией воли или не хочет находиться в этой зависимости. Идея Царства Божия впервые явилась перед людьми в Моисеевом откровении, в окончательном же раскрытии принесена Спасителем. Еврейство ново-

заветного времени (талмудический иудаизм) в значительной степени исказило ее. Царство Божие оно променяло на идею Царства Человеческого, причем не просто Человеческого, но конкретно – еврейского. Магометанство, восприняв ту же идею Царства Божия, еще больше исказило ее. Монизм и дуализм как два основных мировоззрения пытались не раз в истории человечества сближаться и синтезироваться, Л. А. Тихомиров приводит многочисленные примеры таких попыток. Красной нитью, проходящей через всю работу «Религиозно-философские основы истории», является мысль Тихомирова о том, что никакие попытки конвергенции двух мировоззрений, и тем более их слияния в единое, универсальное учение и мировоззрение, успехом не кончались. Подобно воде и маслу, они не смешивались. Искусственные союзы быстро разваливались, и стороны опять занимали полярные позиции. Вот что писал по этому поводу Тихомиров: «...невозможно органически слить столь противоположные идеи, невозможно охватить их какой-либо другой высшей объединяющей идеей, а можно только механически “синтезировать”, соединить вместе, причем, не будучи уничтожены в этом синкретизме, они продолжают внутреннюю борьбу и снова расходятся, как расплываются на отдельные слои вода и масло, сколько бы их ни взбалтывали в одном сосуде». Два основных мировоззрения самодостаточны и автономны. Это

надо помнить современным экуменистам, которые носятся с разными проектами создания единой вселенской религии. Фактически за многими такими проектам просматриваются попытки монистического лагеря поглотить, уничтожить дуализм. Для наглядности мною составлена *таблица «Основные признаки (характеристики) двух основных религиозно-философских представлений о мире (бытии) по Л. А. Тихомирову»* (приводится в Приложении).

22. Наиболее последовательно дуалистического мировоззрения придерживается христианство.

Изначально носителями дуалистического мировоззрения были религии: иудаизм, христианство, ислам (магометанство). Однако на протяжении веков дуализм в этих религиях размышлялся разными ересями. Христианство наиболее ревниво и пристально следило за тем, чтобы никакие инородные идеи, относящиеся ко второму направлению, не проникали внутрь христианского дуализма. Евреи и магометане в этом смысле оказались более «толерантными». Тихомиров пишет по этому поводу: «Так, в христианстве гностицизму скоро было отказано даже в наименовании христианского учения. Хуже у евреев с Каббалой, которая продолжает оставаться элементом якобы еврейского учения, хотя находится в коренном противоречии с действительным

моисеизмом и учением пророков. В магометанстве пантеистические секты также не отрезаны безусловно от правоверного учения. Тем не менее все-таки, когда мы говорим о еврейской вере, мы разумеем под этим отнюдь не каббализм, а или моисео-пророческие доктрины или талмудическое их истолкование, а говоря о магометанстве, разумеем учение Магомета с основным его документом – Кораном». Большие потери за две тысячи лет понесло и христианство: сначала от единой Церкви отпала римо-католическая ее часть, затем (после Реформации) – протестантская часть. Осталось неповрежденным ортодоксальное христианство, или Православие. Впрочем, когда мы говорим «христианство», то имеем в виду именно ортодоксальное христианство.

23. О царствах: земном и Божием.

Собственно, все стремления людей и обществ могут быть направлены на достижение одной из двух целей. В рамках первого мировоззрения люди пытались и пытаются строить *земное царство и подобие рая на земле*. В рамках второго люди воспринимают земную жизнь как временную, ищут *Царство Божие*. Кстати, работа Тихомирова «Философско-религиозные основы истории» имеет подзаголовок «*Борьба за Царство Божие*». Борьба за Царство Божие ведется здесь, на земле, а в полной мере Царство Божие обретается человеком лишь после земной

жизни, на небе. Там Царство Божие становится Царством Небесным. Идея Царства Божия, по мнению Л. Тихомирова, – центральная, коренная в христианском мирозерцании. При этом он часто ссылается на мнение своего современника, протоиерея профессора Университета св. Владимира. П. Я. Светлова, который считал, что даже идеи искупления или любви уступают место всеобъемлющей идее Царства Божия*. Описать Царство Божие в его полноте достаточно сложно и даже невозможно. Ведь это Царство Духа. Тихомиров пишет в этой связи: «Все это, конечно, безусловно непостижимо для нынешнего нашего **разума**, как и апостол говорит: “проповедуем премудрость Божию тайную, сокровенную” – “как написано: не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его”. “А нам, – говорит апостол, – Бог открыл это Духом Своим; ибо Дух все пронизает, и глубины Божии” (1 Кор. 2, 7–10). Но формулировать в человеческих представлениях то, что открывается только в Духе – невозможно. Это станет ясно в Царстве Духа. В здешнем существовании полагается лишь начало развития Царства Божия, с характером некоторой эволюции, как можно видеть из притчей о закваске хлебной, о сеятеле и плевелах и т.д.».

* Работа П. Я. Светлова называется «Идея Царства Божия в ее значении для христианского мирозерцания» (1906).

24. Царство зла.

Утрата человечеством идеи Царства Божия, переключение его умственных, душевных и физических сил на строительство царства земного неизбежно приводит человечество к тому результату, на который оно не рассчитывало. А именно к царству зла. Царство зла попускается Богом, так как Бог создал ангелов и человека свободными существами. Царство зла появилось еще до грехопадения человека в раю. На примере Денницы мы видим, что грех богоборчества заразителен. Против Бога выступил не только Денница, но за ним последовала треть всех ангелов. Из них и составилось царство зла. Если те ангелы поддались «стадному» чувству, то падшие ангелы (дьявол и его слуги) стали действовать уже более осмысленно. Они стали враждовать с Богом, привлекая на свою сторону людей.

Именно после грехопадения людей в раю началась вторая серия строительства царства зла. Третья серия начнется тогда, когда к политической власти над миром придет антихрист, который открыто заявит о своем богоборчестве.

25. Четыре вехи земной истории.

В укрупненном виде всю историю человечества Л. А. Тихомиров представляет в виде *четырех основных этапов*: 1) сотворение Богом людей и жизнь первых людей в раю; 2) грехопадение

первых людей и их изгнание из Рая; 3) земная жизнь людей, представляющая собой борьбу между Царством Божиим и царством зла; 4) завершение земной жизни, временное воцарение антихриста, Второе Пришествие Христа, переход всех людей, составляющих «народ Божий», в Царство Божие на небе. Особый интерес Л. Тихомиров проявляет к четвертому периоду (о чем мы скажем ниже).

26. Гносеологические основы постижения истории.

Тихомиров делит знание на два основных вида. *Первый вид* – *знание опосредованное, внешнее, чувственное* (основанное на показаниях органов наших внешних чувств). *Второй вид* – *знание непосредственное, внутреннее, сверхчувственное*. С помощью первого знания мы познаем физический мир. При этом с помощью первого знания мы не можем судить о внутреннем существе предмета, оно нам дает некоторое представление о внешних отношениях предмета к тому, что вне этого объекта... Второе знание нам также известно, просто мы о нем редко задумываемся. С его помощью мы постигаем наше собственное «я»: нашу волю, цели, идеалы, движущие побуждения и т.п. То, что не может постичь ни один внешний наблюдатель. Довольно часто мы встречаем лозунг, идущий из древности: «Познай себя». Сегодня даже книжки с та-

кими названиями выходят. Но никакие микроскопы, рентгеновские аппараты, компьютеры и даже детекторы лжи не способны проникнуть внутрь человеческого «я». В лучшем случае они могут уловить некие психофизические реакции, которые являются лишь отраженным светом.

27. О внутреннем познании.

Из двух способов познания (внутреннее и внешнее) внутреннее познание более важно. Без него познание внешнее было бы неполным. Внутреннее познание необходимо для постижения всего того, что не относится к физическому миру и что недоступно для пяти органов чувств. Если в мире есть сознание, воля и чувство, то постичь их можно только с помощью внутреннего познания. Человек, подобно радиолокатору, с помощью внутреннего познания ищет в окружающем мире то, что может иметь сознание, волю и цели. Наиболее «зрячие» находят Бога – некое личное начало, пребывающее вне физического мира, обладающее сознанием, волей и целями. Тихомиров совершенно справедливо говорит, что внешнее и внутреннее познание могут дополнять друг друга. Один вид знания иногда помогает понять, насколько достоверно другое знание. Так, в отношении целей личной жизни и исторического процесса указания религии значительно дополняются данными *внешней исторической науки*. Итак, историческое познание состоит из: а) философии

истории, опирающейся на религиозное знание; б) внешней исторической науки. Современный человек почти исключительно свои познания об истории черпает из второго источника.

28. Об откровении как источнике знания.

Знание, получаемое в результате непосредственного общения человека и Бога, называется *откровением*. Кроме истинных откровений могут быть также ложные откровения. Л. Тихомиров приводит примеры псевдооткровений: индуизм, каббала, оккультизм, астрология. Истинным Откровением, по мнению Л. Тихомирова, является лишь то, которое он называет моисеохристианским. Во всех других философиях бытия явны признаки работы человеческого ума, иногда очень высокого, но всегда человеческого. Как пишет Л. Тихомиров, «другие религии обыкновенно начинают с уверений о непостижимости Бога, а затем разбирают его в таких подробностях, во всех элементах, в численных соотношениях сил, что непостижимого не остается ровно ничего. А рядом с этими тонкими сведениями о существовании Бога мы видим в их откровениях грубейшие ошибки, например по естествознанию, которые немислимы были бы со стороны Божества». Моисеохристианское Откровение действительно не имеет ничего общего с теми представлениями, которые рождаются у человека в этом мире – человеческими представлениями. Во-первых, идея

сотворения мира Богом из ничего. Человеческие представления предполагают сохранение вещества и энергии. Во-вторых, «все философии бытия, созданные вне Откровения, представляют Бога некоторой огромной силой, но не всемогущим. Только христианское Откровение показывает Его действительно Всемогущим», – отмечает Л. А. Тихомиров. Бог бесконечен во времени и пространстве («время» и «пространство» применительно к Богу – понятия условные). Бесконечность – атрибут Бога. В тварном мире все конечно. Конечно пространство. Конечно время. Итак, по Тихомирову, христианское Откровение сводится к следующему: «Таким образом, христианское Откровение разъясняет нам величайшие проблемы бытия – свободы, ответственности, добра и зла, и разъясняет их в таком смысле, которого люди сами по себе, своим разумом тварного существа не могли бы себе представить. **Все** другие откровения, наоборот, говорят именно то, что люди могут представить себе при помощи своего собственного разума, почерпывающего основания суждений в наблюдении явлений и законов тварного мира».

29. О самопознании и познании Бога.

Когда человек познает самого себя, то происходит соединение субъекта и объекта познания. Они неразрывны. Для того чтобы человек мог познавать Бога, также должно произойти соедине-

ние субъекта и объекта, то есть человека и Бога. Вера – начальный пункт процесса познания Бога, целью которого является максимально полное соединение человека и Бога. Это как раз и происходит в рамках религии. Религия – восстановление разорванной связи человека с Богом. Бог не относится к числу предметов физической природы. Но из этого нельзя делать вывод о том, что Его нет. Предметным способом мы не можем обнаружить нашего сознания и нашей воли, но мы при этом не доходим до абсурдного вывода о том, что нас не существует. Наше внутреннее сознание дает нам твердое убеждение в нашем существовании. А дальше можно продолжить следующую цепочку заключений. Если нет уверенности в существовании «я», мне надо признать, что и пять моих чувств физического восприятия также эфемерны (или недостоверны). Ведь эти чувства принадлежат личности, называемой «я». Тогда я должен признать, что недостоверен (эфемерен) и тот внешний физический мир, который я воспринимаю с помощью зрения, слуха и других чувств. Все мы живем и действуем на основании последовательного признания: а) объективности моего «я»; б) достоверности пяти чувств, принадлежащих «я»; в) реальности внешнего мира, познаваемого пятью чувствами. В начале нашей цепочки, напомним, – признание достоверности моего «я», которое мы делаем на основе признания такого способа познания, как внутреннее,

сверхчувственное знание. *Достоверность знания, достигаемого внешними чувствами, основывается на признании существования нашей личности. Познание человеком Бога и самопознание человеческого «я» тесно взаимосвязаны.* В самопознании «я» человек задает вопросы: откуда я взялся? зачем я живу? как надо жить? что будет со мной после смерти? Ответить на них лишь на основе самопознания «я» невозможно. Требуется принимать в расчет существование Бога. В этом случае первые, предварительные ответы на эти вопросы будут: меня создал Бог. Он меня создал для каких-то Своих целей. Жить надо так, чтобы максимально учитывать эти цели (даже если их не принимаешь). После смерти моя участь будет определяться Богом... Но это лишь предварительные, не очень конкретные и исчерпывающие ответы. Человек должен от признания существования Бога перейти к познанию Бога для того, чтобы ответы стали более полными... Конечно, познание Бога происходит прежде всего в виде откровения. Но это откровение дополняется, в свою очередь, постижением своего «я» и познанием тварного физического мира.

30. Искание смысла личной жизни и жизни человечества и есть искание Бога.

А искание Бога, наоборот, предполагает постижение смысла личной жизни и жизни человеческой. А смысл – это цели. Наука не может и не

должна отвечать на вопросы о смыслах и целях. Это сфера религии. Отыскав смысл жизни, мы находим Бога. Найдя Бога, мы постигаем смысл жизни. Без Бога жизнь бессмысленна. Все «смыслы» без Бога не выдерживают критики. Загоняют человека в угол уныния и отчаяния.

31. О факторах исторического процесса, внечеловеческих и надчеловеческих.

Современный человек чаще всего имеет безрелигиозное мировоззрение, он воспринимает историю как борьбу человеческих интересов в самом узком (материальном) смысле, и действия других факторов – внечеловеческих и надчеловеческих – он не допускает или игнорирует. Между тем даже атеисту известно действие факторов *внечеловеческих*, а именно природных. Никто с этим не спорит. Иногда даже атеистически мыслящие историки вспоминают об этих факторах – естественно, наиболее значимых, например, землетрясения, извержения вулканов, засухи и т.п. А вот о факторах *надчеловеческих*, обусловленных действием Бога, почему-то начисто забывают. Даже если историк лично верующий человек, признающий существование Бога, в своих научных профессиональных изысканиях он тут же забывает об этом факторе, называемом в богословии Промыслом Бога. Между тем даже крупные внечеловеческие факторы, выражающиеся в природных изменениях, являются

второстепенными по отношению к факторам надчеловеческим. Потому что внечеловеческие факторы могут порождаться волей Бога. Тот, кто не усматривает проявлений *Высшей Личной Силы* в переживаниях своей собственной личности и в событиях своей личной жизни, конечно, не усмотрит их и в человеческой истории. Но тот, кто подмечает в своей жизни действие *Высшей Личной Силы*, тот не может не допускать таких же проявлений в жизни других людей; следовательно, в коллективности их, в их преемственной исторической жизни Бог – объективное начало. Человек познает Бога и Его цели через призму откровения, человек – субъект познания Бога. Таким образом, мы имеем *субъективный подход к объективному факту*.

32. О целеполагании в истории и социальном детерминизме. Внутреннее противоречие монистических учений.

Человек – существо, имеющее разум и волю. Разум участвует в формулировании целей, воля – в их реализации. Личный Бог также обладает сознанием и волей. Он также определяет цели и добивается их реализации. Целеполагание отличает человека от животного. *Деизм* – учение, согласно которому Бог лишь творит мир, а затем удаляется и взирает на Свое Творение. Он не вмешивается в развитие мира. Мир развивается без участия Творца. Это мир без Промыслителя. На

почве деизма рождаются разные философские теории, согласно которым историю делают гении, толпа, человечество, наука и техника и проч. и проч. *Пантеизм* – еще большее умаление Бога. В рамках такого мировоззрения Богу отводится роль некоей «программы», по которой происходит развитие физического мира. Это не Личный Бог с разумом и волей. В пантеизме бог пишется с маленькой буквы, он оказывается ниже человека, вернее, человек становится богом. Поскольку в человеке наиболее высока концентрация божественного субстрата, который более или менее равномерно распространен во всем физическом мире, пантеизм и материализм смыкаются. *Марксизм* с его «законами» развития производительных сил – разновидность пантеизма. Вот что пишет Тихомиров о различных философских учениях, которые двигателем истории определяют мертвую материю или, в крайнем случае, органическое вещество: «Вся жизнь – физическая, умственная, психическая – составляет лишь орудие и последствие приспособления человека к природе в процессе обмена веществ... Личная этика, понятия о достоинстве человека, о том, что благородно и высоко, – все это складывается в таком виде, как требует общественность данного типа, в свою очередь являющаяся созданием техники производства... человеческая общественная жизнь представляет простой процесс развития органического вещества, совершающийся по

законам физики, химии, космических влияний и т.д. Эта грубая философия, выбрасывающая из души три четверти ее содержания, дает образчик того, в какую ничтожность низводит человека в конце концов горделивая идея автономности. Избавившись от зависимости от Бога, он переходит в полное рабство силам природы, где нет ничего, кроме роковой необходимости». «Роковая необходимость» в марксистской философской литературе называется *социальным детерминизмом*. Марксизм не может выйти из этого тупика. Он признает детерминизм, при этом призывает трудящиеся массы к классовой борьбе. Одно с другим не вяжется. На это обратил внимание С. Булгаков в своей работе «Философия хозяйства». Между прочим, он был в молодости «легальным марксистом». В *буддизме* также нет Личного Бога, поэтому буддизм – философия, которая обходится без допущения в мире высших целей. В буддизме высшее начало – ничто, а ничто обходится без целей и смыслов. Это философия (религия) суицида.

33. Об агностицизме и познании истории.

Деизм, пантеизм, материализм, марксизм (как разновидность материализма) неизбежно вырождаются в *агностицизм*, но на этом процесс не останавливается: агностицизм перерастает в атеизм, атеизм – в богоборчество и сатанизм. Начинаются всякие искания и конструирования

бога – богоискательство, богостроительство. В XVII–XIX веках появляются попытки сконструировать «религию разума», «религию человечества». Особо стоит сказать об агностицизме. Его теоретиком справедливо следует считать Канта. У него реально существующим является только «Я познающее». Я – единственное сущее в мире, все прочее – лишь познаваемое, то есть только мыслимое, мною творимое, из меня исходящее, вне моего представления не существующее. Это философский нигилизм, который назван вежливо «агностицизмом». *Фейербах* продолжал мысль Канта: *человек первичен, Бог – вторичен. Не Бог создает человека, а человек создает Бога.* Вот откуда дуют ветры богоискательства и богостроительства, которыми занималась наша интеллигенция накануне революции 1917 года (Богданов, Луначарский, поэты-символисты, даже Сергей Булгаков). Они были уже в шаге от того, что произнес Ницше: «Бог умер». Но вернемся к Фейербаху. Он считал, что абсолютом, в котором можно и нужно искать точку опоры, является даже не человек, а человечество, коллективный человек. Человечество и есть бог, по Фейербаху. Вспомним, с чего начиналась перестройка в нашей стране: с того, что высшим авторитетом признавались общечеловеческие ценности. Об этом Горбачев говорил в течение нескольких лет. Фактически это были идеи Фейербаха, которого Ленин в работе «Три источника и три составные

части марксизма» называл материалистом. Да, Фейербах был материалистом, но при этом он не был абсолютным атеистом. Квинтэссенцией человечества у Фейербаха является государство. Оно и определяет общечеловеческие ценности, нормы поведения, управляет людьми, составляющими человечество. Как пошутил современник Тихомирова профессор В. Кожевников (которого цитирует Тихомиров), философия Фейербаха привела его в полицейский участок.

34. Об объектах поклонения человека.

Постепенная эволюция человечества просматривается через смену объектов, которым люди поклоняются и подчиняются:

1. Бог (как Творец и Промыслитель).
2. Человек, человечество, гении (герои истории), человеческий разум.
3. Природа, материя.
4. Сатана.

Человек начинал с языческого поклонения различным объектам природы (животные, камни, звезды, солнце, луна, ветер, горы и др.). А затем, пройдя многие периоды истории, опять вернулся к поклонению силам и предметам неживой природы (техника, производительные силы). Только он на этом не останавливается. Он идет дальше – к поклонению сатане. Тихомиров обращает внимание, что в Откровении от Иоанна (Апокалипсисе) все это предсказано.

35. О поклонении человека человеку и гуманизме.

Чтобы человека оторвать от Бога, надо было насаждать идею автономности человека. Для этого были использованы идеи *рационализма* – идеи проникновения в тайны мира собственными силами человека, без помощи Откровения. Самоконтроль – важная часть познавательных способностей человека. Эта функция ослабевает, человек начинает давать завышенные оценки своим способностям познавать мир. Отцом рационализма принято считать *Декарта*. Но Декарт был набожным человеком, полагал, что его учение о познании лишь укрепляет религию. Но дело в том, что разум у Декарта – самостоятельное средство познания. У Декарта человек познающий может обходиться без Бога... Позитивизм, в свою очередь, способствовал формированию *деизма* – «усеченного» варианта *религиозного мировосприятия*. Признается существование Бога как Творца, но не как Промыслителя. Бог из человеческой истории изгоняется. Мир и историю творит человек. Субъектами человеческой жизни становятся: а) человек; б) человечество; в) отдельные группы людей: партии, общества, классы, народы, религиозные общины и т.п. Незаметно деизм трансформируется в *атеизм*. Большинство мыслителей в XVIII веке примыкают к атеизму. Как уступка религии мог допускаться

пантеизм. Деистам, пантеистам и атеистам очень помог немецкий философ Кант, который в своих умственных исканиях дошел до полного отделения человека от Бога. Кант фактически попытался Бога «убить». У этого философа существует только мое познавательное, познающее Я. Только оно реально. О существовании всего остального он не может сделать каких-либо твердых заключений. Человек конструирует мир в своем сознании. Не Бог создает человека по Канту, а человек создает какого-то своего бога. Бога безличного, некую абстракцию под названием Абсолютный дух. Так постепенно Бог вытесняется на периферию жизни. Человек объявляется богом. «Умствования» Канта продолжил Л. Фейербах. Он обратил внимание на то, что люди разные, каждый – источник своей собственной истины. Поэтому отдельный человек не может быть «абсолютом». *Абсолютом может выступить лишь человечество.* Истина есть нечто коллективно-человеческое. Посмотрите на сегодняшние информационные сообщения, касающиеся самых разных тем и событий. Там постоянно дается ссылка на некое «человечество»: «во имя человечества», «общечеловеческие ценности», «в интересах человечества», «мнение человечества» и т.п. Можно еще вспомнить «властителя умов» интеллигенции Огюста Конта (позитивная философия). Его взгляды – разновидность философии человекобожия. В отличие от Фейербаха

он предлагает поклоняться не человечеству и не искать у человечества ответы на вопросы, а обращаться лишь к знаменитым, гениальным людям. Они выступают в виде «богов». Только довольно странно называть их «богами». Потому что, во-первых, Конт не верил в бессмертие души. Во-вторых, потому, что представление о том, кого сделать богами, принадлежит самим людям. Как гении могут выступать в качестве «абсолютов», если все остальные (негениальное человечество) может назначать и смещать гениев? Конт говорил, что даже если гении и смертны, то все равно они продолжают жить в памяти людей. Но люди могут запросто гения и похоронить. Был Ленин, который был «живее всех живых». Скоро его могут «похоронить» (я имею в виду не в прямом, а переносном смысле). В общем, философия Конта – своеобразная *религия человечества*, причем активной стороной в ней выступает не объект поклонения, а сами поклонники. *Позитивная философия* – допускает существование лишь того, что может быть зафиксировано пятью органами чувств. Все остальное – непознаваемо. У французского просветителя Кондорсе разум объявил себя хозяином всего мира.

36. О «преодолении» гуманизма.

Материалисты «преодолели» гуманизм, заменив человека мертвой материей. Впрочем, часто материалисты произносят всякие дежурные

слова о высоком предназначении человека. Все мы помним слова Горького: «Человек – это звучит гордо». Такие слова нужны были для облагораживания марксизма. Человека как личности в такой модели общества просто нет. Есть просто продукт производственных отношений и производительных сил. Именно такими словами последовательный марксист Каутский описывал человека социалистического общества. Он даже не исключал, что произойдет определенное понижение качественных характеристик человека при социализме по сравнению с какими-то предыдущими периодами времени. Что же, это неизбежно. К этому надо быть готовым, социализм «превыше всего».

37. Вопросы свободы и необходимости.

Свобода, воля выражаются *творением*, необходимость – *рождением*. Едва ли можно найти символы более верные для олицетворения этих двух отвлеченных идей. Человек, который приходит в этот мир, одновременно и создается (творится), и рождается. Творится он Богом как свободная, вольная личность. При творении человек получает Духа. Рождается другим человеком как личность несвободная, зависящая от земных условий, смертная. Здесь Тихомиров ссылается на нашего славянофила А. С. Хомякова. Только при создании из небытия мы могли явиться существами свободными. Если человек рождается,

он имеет источник своего рождения, он связан пуповиной с этим источником, он несвободен и смертен. Итак, о чудо, процесс творения продолжается! Он не завершился много тысяч лет назад. Ошибочно некоторые думают, что Бог с тех пор почивает. Нет, Он продолжает творить. Но люди не получают свободу раз и навсегда. Они выбирают между свободой и неволей (необходимостью). Если бы человек был эманацией Бога (то есть рождался бы от Бога), то не имел бы свободы, а тянулся бы почти механически к своему Источнику не как свободная личность, а как составная часть Божества. Свободный же человек, то есть сотворенный, может сам выбирать: идти к Богу, удаляться от Него, даже идти против Бога. Точно так же, как это сделал в свое время сотворенный Богом ангел Света (Денница). Исторические и политические реалии – надводная часть универсальной и всеобъемлющей реальности движения от небытия к Бытию, которым управляет Бог. Бог создал из небытия этот мир. Бог создает каждого человека из небытия (акт творения наряду с актом рождения) и далее ведет человека от колыбели до могилы

38. О добре и зле.

Довольно много разных богословско-философских конструкций протестантского толка, которые убаюкивают совесть и бдительность человека. Такие конструкции включают в себя та-

кие элементы: а) нет добра и зла; нет носителя зла – дьявола (это, мол, аллегорический образ, не имеющий реального воплощения); б) нет гибели человеческой; в) человек рождается от Бога, после смерти к нему возвращается. В православном учении все иначе: а) Бог создает добро, зла он не создает; б) человек, созданный Богом, имеет свободу; он может пользоваться этой свободой, создавая как добро, так и зло (наряду с человеком этим могут также заниматься падшие ангелы, которые также были созданы Богом и, таким образом, обладали изначально свободой). Любовь и свобода – нравственные идеалы, которые мудрые люди совершенно правильно связывают с их началом и источником – Богом.

39. Критерий оценки истории.

Еще древние говорили: «**Человек – мера всех вещей**»*. Сегодня эта простая истина забыта. Сегодня мы все меряем вещами. Вернее, даже не вещами, а деньгами. А еще точнее – каббалистическими знаками, потому что современные деньги – понятие виртуальное, все более утрачивающее связь с миром вещей, но зато укрепляющее связь с миром inferнальных духов. Священник Владимир Соколов поднимает вопрос о необходимости антропологического критерия: «Нельзя

* «Человек есть мера всех вещей: существующих, что они существуют, и не существующих, что они не существуют» – изречение самого известного представителя античной софистики Протагора (ок. 490 – ок. 420 г. до н.э.).

оценивать историю ее государственными, военными, технологическими, финансовыми, культурными и другими достижениями. Цель истории – обновленный человек, способный войти в Царствие Божие. Поэтому не человек для истории, а история для человека... При оценке эпохи важны критерии самой оценки. К сожалению, у нас уже сложились стереотипные оценки – мы оцениваем эпохи по достижениям в политике, в экономике, в науке, в искусстве, отношение же к человеку остается на последнем месте, тогда как это должно быть главным в оценке достижений эпохи»*. Попробуем, например, оценить советскую эпоху. Сегодня довольно часто и справедливо говорят о том, что в СССР существовала мощная экономика, была создана социальная инфраструктура, на высоком уровне находилось образование. С этим трудно не согласиться. Более того, следует подчеркнуть, что мы до сих пор по инерции пользуемся этим советским «багажом». Это одна сторона медали. Но есть и другая сторона медали. О ней пишет священник В. Соколов: «Безволие, неумение мыслить, крушение нравственных устоев – все это наследие по большей части именно советской эпохи»**. От себя добавлю: миллионы так называемых порядочных людей (распространенное в советское время выражение) очень быстро перестроились, от их «по-

* Священник Владимир Соколов. Указ. соч. С. 477.

** Там же. С. 490.

рядочности» ничего не осталось. Я был свидетелем десятков таких метаморфоз. Поначалу я был шокирован. Нас учили, что «человек произошел от обезьяны». А тут приходилось наблюдать обратную метаморфозу: люди становились даже не обезьянами, а жестокими хищниками.

40. О прогрессе.

К вопросу о критерии оценки истории самым тесным образом примыкает вопрос о «прогрессе». Слово, которое модно не только сегодня, оно было в обиходе у политиков, социологов, историков и философов и в прошлом, и в позапрошлом веках. У нас бóльшая часть книг по истории (особенно марксистского толка) представляет весь исторический процесс как социально-экономическую поляризацию (дифференциацию) общества и борьбу с этой поляризацией. Это называется борьбой за счастье. Успех этой борьбы, по мнению сторонников этой точки зрения, и определяет прогресс человечества. Вся эта борьба состоит, по сути, из двух задач: а) создать как можно больше благ для потребления; б) обеспечить максимально равномерно распределение этих благ среди членов общества. Впрочем, что касается первой задачи, то она присутствует как в идеологии капитализма, так и в идеологии социализма. Этот материализм их очень роднит. В книге Л. Тихомирова основное внимание уделено дифференциации не социально-экономической,

а духовно-нравственной. Христиане понимают, что духовно-нравственная дифференциация неизбежна. Так говорит Священное Писание и Священное Предание. «Не мир пришел Я принести, но меч» – вот слова Спасителя (Мф. 10, 34). Поэтому задача христианина состоит не в том, чтобы противостоять этой поляризации, а в том, чтобы остаться за оградой Церкви. И, может быть, помочь спастись ближним. Но весь мир христианин спасти не может. Христос говорил о христианах как малом стаде. Идеи хилиазма (тысячелетнего Царства Божия на земле) чужды истинному христианству, рассматриваются как ересь. Кстати, тему духовно-нравственной поляризации общества как содержания исторического процесса и понимание истинного прогресса очень лаконично и убедительно изложил протоиерей Валентин Свенцицкий в своей известной работе «Диалоги» (1928). Вот, в частности, фрагмент его рассуждений на тему прогресса: *«Прогресс не есть созидание материального блага, а разделение противоположных нравственных начал.* Внешняя история мира есть простое следствие этих внутренних столкновений, этой борьбы. Этот процесс разделения прежде всего касается взаимоотношений Церкви и мира. Здесь дифференциация приводит к решительному и полному их противоположению. Затем тот же процесс касается Церкви, ее в особенности. Здесь отсеивается чистая пшеница от сорных трав. Затем он про-

ходит через всю мирскую жизнь – и здесь одних *приближает к спасению* в порядке естественно-природного развития, других – повергает в бездну окончательного растрепания. Этот процесс поэтому касается каждой человеческой души, где смешанные начала добра и зла все резче и резче разделяются и все ожесточеннее противоборствуют. Этот процесс в своих последних стадиях развития окончательно разрывает связь между Церковью и миром, Христом и Велиаром. Церковь приводит к чистоте Апостольского века. Мир – к окончательному нравственному падению. Каждая отдельная душа ставится перед необходимостью выбрать себе господина»*.

41. О революции и эволюции в истории.

До XVIII века человечество не знало идеи революции (исключение составляли христианские сектантские движения типа анабаптизма). Тихомиров считает, что идея революции – атеистический вариант практической реализации религиозного идеала христианства. *Идея революции* как быстрого переворота всего мира имела место лишь в христианском учении о конце мира. Впрочем, *анабаптисты* (начало XVI века) также смотрели на революцию как на религиозное событие, рассматривая ее как начало периода хилиазма, вслед за которым наступит конец

* Протоиерей Валентин Свенцицкий. Диалоги. М.: ДАРЪ, 2007. С. 351.

земной истории*. Люди стали забывать Бога, полностью переместили все свои мысли и мечты в мир земного. Но при этом на психологическом уровне люди все еще несли в себе представление о том, небесном идеале. И они начали тот небесный идеал воплощать здесь, на земле. Это можно было сделать только с помощью революции. Революция как скачок из царства необходимости в царство свободы, революция как переход из земной жизни в Царство Небесное была заменена революцией как переходом из одного земного состояния в другое. Нет ничего более противного законам земной природы, как *революция*, ибо в земной природе существует только *эволюция*. Человек решил поправить законы земной жизни и организовать революцию.

42. О первоначальных религиозных корнях идеи социализма и революции.

Идея социализма и социалистической революции, по мнению Тихомирова, имеет религиозные корни. Человек постепенно отходит от Бога, но матрица христианского мировоззрения отпечатывается глубоко в том слое человека, который Тихомиров называет психологией. В психологическом коде (матрице) запечатлеваются понятия о должном, о благородном, о чести, о высоком и

* О революции, которую в начале XVI века в Германии учинили анабаптисты, достаточно подробно написано в работе И. Р. Шафаревича «Социализм как явление мировой истории».

низком и т.п. Итак, происходила утрата веры при сохранении религиозной христианской психики. Соответственно, на уровне психики оставалось особое (псевдорелигиозное) восприятие революции. Только 99 процентов носителей этой идеи в этом себе не отдавали отчет. Более того, будучи атеистами и агностиками, они протестовали бы против такой постановки вопроса. Впрочем, с появлением марксистской версии социализма он уже утратил всякую связь с христианством. До Маркса социализм выводился из внутренней природы человека, а Маркс определил социализм как общественное устройство, которое возникает под влиянием внешних материальных условий жизни человека (называл он их производительными силами). В марксизме социализм стал окончательно атеистическим и материалистическим. Тихомиров считает марксистский вариант социализма наиболее извращенным. Автор «Религиозно-философских основ истории» подчеркивает: идея социализма не есть результат развития производительных сил. По Марксу, эта идея зарождается среди наемных работников, пролетариев. Однако мы видим, что эта схема не имеет под собой оснований. Основоположники утопического социализма отнюдь не пролетарии. Роберт Оуэн – богатейший фабрикант, Сен-Симон – богатый аристократ, Фурье также не принадлежал к рабочему классу. Все они так или иначе сохраняли какую-то связь с христианством. Так, Сен-Симон

написал книгу «Новое христианство». Между прочим, С. Булгаков также ловил Маркса на этом противоречии. Классик говорил, что идея социализма должна зародиться внутри рабочего класса под влиянием новых экономических условий. Однако социализм марксистского толка появился не в грохочущих цехах какого-то завода в Бирмингеме, а в тихом и достаточно комфортном кабинете человека по имени Мардохей Леви (настоящее имя Карла Маркса), принадлежащего к потомственному роду раввинов и талмудистов. Чувство социализма, как считает Тихомиров, – общечеловеческое. Он отмечает: «Это общечеловеческое чувство создается не условиями производства, а именно той человеческой природой, которую думает привести к нулю односторонняя теория экономического материализма». Кстати, Тихомиров объясняет причины неудач социалистических проектов, предпринимавшихся социалистами-утопистами: «Достаточно лишь указать, что весь утопический социализм держится на убеждении в том, что социалистическое общество можно и должно воздвигать на психологии людей. Нужно было испытать множество бесплодных попыток устройства социалистических общин для того, чтобы исчезла эта уверенность, прямо противоречащая всему, что мы знаем о природе людей. И, однако, эта вера и до сих пор не исчезла, хотя существует теперь преимущественно в идее анархического социализма».

**43. Тихомиров предвидел,
что социалистические проекты из утопических
могут стать вполне реальными. Но и в
условиях реального социализма религиозное
чувство у человека не будет истреблено.**

Вот цитата из «Религиозно-философских основ истории»: «Мы не станем рассматривать и гадать, в какой степени и в каких формах общество будущего приобретет социалистический характер. Несомненно, что множество сторон жизни все более “обобществляются”, социализируются. Несомненно, с другой стороны, что лучшие социалистические умы отказываются предвидеть формы будущего социалистического общества, как, например, известный Эдуард Бернштейн. Мы не станем также предугадывать, в какой степени в социалистическом обществе будет допускаться свобода личности. Общество человеческое социализируется уже давно, и эта социализация во множестве случаев ограничивает личную свободу. Однако нельзя сказать, чтобы личность в настоящее время была всесторонне менее свободна, чем прежде. Напротив, во многих отношениях ее свобода расширена и лучше гарантирована. Что будет в социалистическом обществе, – мы не знаем. Очень вероятно, что свобода и в нем получит известные гарантии. Но дело не в том. Если мы допустим, что будущее общество представит ту самую картину, которую рисует, например, Каут-

ский, и что в нем свобода личности будет чрезвычайно связана зависимостью от общества, то все же остается вопрос: исчезнут ли тогда в людях помышления и заботы о сверхчувственном?» И немного ниже Тихомиров отвечает: «...предположения о том, что элементы религиозные и мистические вымерли или вымрут в душах людей, в том числе и рабочих, совершенно ни на чем не основаны. Эти запросы не вымерли и не вымрут, потому что они порождаются реально существующими силами в душе самого человека и в мире, вне его простирающемся. Те или иные условия производства ничего не изменяют. Если они и влияют на психику человека, то лишь в тех отношениях, которые связаны с условиями производства, а не с тем, чтобы они создавали человека в его целостном существе». Мы сами сегодня можем подтвердить: несмотря на мощную атеистическую пропаганду власти в течение семидесяти лет существования советской власти в нашей стране, атеизм оказался крайне недолговечным и даже эфемерным явлением. Десятки миллионов людей обратились к вере. Другое дело, что эта вера пока слаба. Да и очень большое число людей ударилось в ложную мистику, которая уводит человека от Истинного Бога. Но говорить об отсутствии «духовности» в нашем сегодняшнем обществе не приходится. Оно оказалось даже более религиозным, чем общество Запада, где формально не было гонений на Церковь.

44. Критика марксистского и материалистического понимания истории.

Тихомиров посвятил этому предпоследний, *девятый, раздел* своей работы, который называется «Воскресение языческой мистики и экономический материализм». Особое внимание уделено критике положения о том, что движущей силой общественного развития являются «производительные силы». Это наиболее одиозная форма пантеизма. В теории марксисты придерживались такого «истматовского пантеизма», а в практической работе выступали с позиций атеизма. От того, что атеизм был назван «научным», он не стал более убедительным. Доказать отсутствие Бога намного сложнее, чем решить противоположную задачу. Кстати, «экономический материализм» лишь на короткое время сумел создать что-то похожее на атеистическое общество. Уже через некоторое время у людей все равно просыпаются потребности духовного характера. Но это уже не потребность единения и общения с Богом, а желание мистики. Мистики, которая, как отметил Тихомиров, носит языческий характер и подталкивает человека в объятия сатаны. Тут на память приходят слова апостола Петра:

«Ибо если, избегнув скверн мира чрез познание Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, опять запутываются в них и побеждаются ими, то последнее бывает для таковых хуже первого. Луч-

ше бы им не познать пути правды, нежели, познав, возвратиться назад от преданной им святой заповеди. Но с ними случается по верной пословице: пес возвращается на свою блевотину, и вымытая свинья [идет] валяться в грязи» (2 Пет. 2, 20–22).

Тихомиров говорил, что в XX веке в дополнение к монистическому и дуалистическому мировосприятию появляется еще одно самостоятельное мировосприятие – сатанизм. Во времена Тихомирова сатанизм находился еще в зачаточном виде, но он предвидел, что это мировоззрение может стать со временем доминирующим*.

45. «Закон соответствия» в марксизме и в христианстве.

Читая Тихомирова, я вспомнил хорошо знакомый старшему поколению по курсу исторического материализма «закон соответствия». Основоположник марксизма сформулировал этот закон следующим образом: тип производственных отношений соответствует уровню развития производительных сил. В христианском мировосприятии также имеется аналог «закона соответствия». Все это на уровне здравого смысла, поэтому мы даже не называем его «законом». В мире, в истории существует всего лишь два типа экономических от-

* Впрочем, многие духовно чуткие люди в России предчувствовали возможность такого развития мира. Например, княгиня Елизавета Александровна Шавельская-Борк написала и издала в 1912 году книгу с многозначительным названием: «Сатанисты XX века». Современное издание книги: Шавельская Е. А. Сатанисты XX века. М.: ФЭРИ-В, 2004.

ношений. Первый тип: отношения братства, взаимопомощи, сотрудничества, любви. Второй тип: отношения вражды, корысти, конкуренции, ненависти. Первый тип отношений – созидающий. Второй тип отношений – разрушительный. Все зависит от человека, его духовно-нравственного состояния. Это действительно закон соответствия. Если человек с Богом, стремится к Богу, то в таком обществе превалирует первый тип экономических отношений. Если человек без Бога, отходит от Бога, то в обществе доминируют отношения второго типа. Общество может декларировать высокие цели, но если общество атеистическое, оно неизбежно будет сползать ко второму типу отношений. Человек без Бога неизбежно обречен на жизнь в аду рабовладельческо-капиталистических отношений. Кстати, это прекрасно понимал Сталин. Он пытался выстраивать первый тип экономических отношений, но духовно-религиозный базис общества тормозил это строительство. А то, что он пытался выстраивать, это видно по дискуссиям вокруг проекта учебника политической экономии. Но отсутствие необходимого «соответствия» препятствовало выстраиванию нового типа экономических отношений.

46. Лев Тихомиров о противоречиях марксистского понимания истории.

Обратим внимание еще на некоторые наблюдения Тихомирова по поводу общества, которое

основывается на идеологии экономического материализма. Такое общество не может находиться в духовно-религиозном вакууме. Атеистическое пространство начинает заполняться разного рода языческой мистикой. В девятом разделе книги Тихомиров возвращается к вопросу *о роли субъективного фактора (человека) в истории*. В марксизме социальный детерминизм доведен до крайности. Человек – атом социальной механики. Но при этом марксизм говорит о необходимости классовой борьбы, диктатуре пролетариата, организации политической партии и т.п. Это противоречие в марксизме остается*. Тихомиров разбирает фундаментальный тезис марксизма о том, что экономика влияет на человека. Человек – продукт материальных условий. А человек на экономику не влияет. Тихомиров пишет: «Слабейшая сторона экономического материализма состоит именно в том, что он решает *односторонне* вопрос об отношениях между человеком и экономическим производством, указывает на зависимость человека от экономики и забывает о зависимости экономики от человека». Правда, скороговоркой говорится о том, что человек – часть производительных сил. Но это какая-то деталь машины производительных сил, которая не меняется во времени. После Маркса, в начале

* На это противоречие марксизма обращает внимание священник Владимир Соколов: «...марксисты начали с отрицания личности в истории, а кончили абсолютизацией роли вождя в истории» (Указ. соч. С. 441).

XX века, появились работы Вернера Зомбарта и Макса Вебера, которые сделали попытку описать влияние человека на экономику, причем у них человек – более сложное и динамичное начало, чем социальный атом Маркса*.

47. Эсхатологический аспект историсофии Льва Тихомирова.

Эсхатология – учение о последних временах вселенной, земного мира и человека, их гибели (обычно рассматриваемое в рамках богословия). Это учение не только является изложением поступательного движения в совершенствовании человечества на пути к завершению, но стремится определить смысл бытия, постигнуть тайны тварного мира и жизни человека. Недооценка важности этого учения ведет к печальным последствиям. Следует обратить внимание на то обстоятельство, что еще с 1900-х годов Л. Тихомиров начал заниматься серьезными теологическими исследованиями, в частности *толкованием Апокалипсиса*. Он слыл одним из самых авторитетных экспертов в этом вопросе. В 1907 году его увлечение пророчествами Апокалипсиса нашло свое выражение в исследовании «Апокалипсическое учение о судьбах и конце мира», появившемся в журнале «Христианин» (1907. № 9), а чуть позднее оно было издано отдельной брошюрой.

* Подробнее об этом см.: Катасонов В. Ю. Религия денег. Духовно-религиозные основы капитализма. М.: Кислород, 2013.

В этом теологическом сочинении автор предлагал свою систему чтения и толкования Апокалипсиса. Опираясь на разработанную им систему, Л. Тихомиров, исходя из апокалипсического учения о семи Церквях, развивал идею о том, что в нем рассматриваются семь эпох христианской истории. Углубляя этот тезис, он приходил к выводу, что «наше время должно быть отнесено к пятой эпохе... пятый период Сардийской церкви принадлежит вообще к самым печальным», а именно «апокалипсическая характеристика этой эпохи как бы представляет зеркало с отражением нашего псевдохристианского лика», «весь мир теперь только носит имя христианского, но нигде противоположность между именем жизни “Святой Руси”, “Православия” и полной мертвенностью веры не поражает нас до такой степени, как в современной России»*. Темой Апокалипсиса и эсхатологией Лев Александрович был увлечен до конца жизни. В его основном труде «Философско-религиозные основы истории» этой теме посвящен заключительный десятый отдел, который называется «Завершение круга мировой эволюции». В художественной форме свои эсхатологические представления Лев Александрович выразил в повести «В последние дни» (1920). По увлекательности и глубине данное произведение не уступает знаменитым «Трем разговорам о войне,

* Тихомиров Л. А. Апокалипсическое учение о судьбах и конце мира // Апология веры и монархии. М., 1999. С. 461–462.

прогрессе и конце всемирной истории» (вместе с «Краткой повестью об антихристе») Владимира Соловьева. Даже превосходит, поскольку Вл. Соловьев в «Трех разговорах» допускает серьезные отступления от Священного Писания, святых отцов и положений богословской науки в части, касающейся эсхатологии (например, проводит идею хилиазма – установления Царства Божия на земле после уничтожения антихриста). Одна из основных мыслей Тихомирова, связанных с эсхатологией, очень проста: любое «поклонение твари вместо Творца» неизбежно закончится «безумием поклонения Антихристу»*. В данном материале мы не даем подробного описания эсхатологических представлений Л. Тихомирова о последних днях мира. Эта сторона творчества Льва Александровича достаточно подробно исследована профессором О. А. Милевским, поэтому мы отсылаем читателя к его работе**.

48. Христианское восприятие истории кардинально отличается от мирского.

Независимо от того, учитывают люди волю Бога или нет (или даже идут сознательно против Его воли), они все, в конечном счете, участвуют в реализации той цели, которая задумана Богом.

* Тихомиров Л. В последние дни. М.: Артос-Медиа, 2004. С. 20.

** Милевский О. А. Религиозная историософия Л. Тихомирова // Актуальные проблемы региональных исследований: Сборник научных трудов преподавателей, аспирантов и студентов кафедры регионологии АлтГТУ. Вып. 8. Барнаул, 2008. С. 153–192.

В ходе исторического процесса люди могут что-то созидать («материальный прогресс»), но могут разрушать, убивать, создавать хаос (внешне выглядит как материальный, культурный и нравственный регресс). Но и в этом случае они трудятся на Бога, его конечные цели. Чем больше человек забывает Бога, тем более непостижимой кажется ему история. Апостол Павел говорил: «Мы проповедуем Христа распятого – для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие» (1 Кор. 1, 23). «Мудрость мира сего безумие пред Богом» (1 Кор. 3, 19). Современному человеку, пропитанному «духом времени», христианское понимание истории может казаться либо «соблазном», либо «безумием».

Заключение

В дополнение к трудам Л. А. Тихомирова для постижения христианской историософии можно было бы рекомендовать труды таких наших философов, историков, богословов XIX–XX веков, как А. С. Хомяков («Записки по всемирной истории»), Н. Данилевский («Россия и Европа»), Н. Бердяев («Смысл истории»), Л. Карсавин («Философия истории»), протоиерей Валентин Свенцицкий («Диалоги»), протоиерей Василий Зеньковский («История русской философии»), протоиерей Георгий Флоровский («Пути русского богословия»). Среди современных наибо-

лее интересны такие авторы, как В. Тростников («Православная цивилизация: исторические корни и отличительные черты»), О. Забегайло («Духовное понимание истории»), протоиерей Владимир Соколов («Мистика или духовность? Ереси против христианства»), Г. Шиманов («Причины гибели христианской цивилизации»). Я называю только тех авторов, которые известны лично мне. В целом на фоне громадной массы работ, в том числе фундаментальных монографий, по разным аспектам мировой и отечественной истории, количество историософской литературы выглядит очень скромно. В выходящих у нас учебниках по философии истории на первых местах оказываются имена О. Шпенглера, А. Тойнби и, как это ни странно, все того же К. Маркса. Количество отечественных авторов, упоминаемых в учебниках, очень скромное. Уже прошло 95 лет с того момента, когда Лев Александрович поставил точку в своем труде, который продолжался четыре года. Считаю, что его книга «Религиозно-философские основы истории» по-прежнему остается главной в списке православных историософских работ. Где-то у протоиерея Г. Флоровского я прочитал, что в современном мире богословское невежество становится смертным грехом для православного человека. Думаю, то же самое можно сказать в отношении незнания верующим человеком XXI века азов православной историософии.

Приложение 1

(относится к пункту 21 доклада)

Основные признаки (характеристики) двух основных религиозно-философских представлений о мире (бытии) по Л. А. Тихомирову

	Дуалистическое мировоззрение	Монистическое мировоззрение
1. Определение	Бытие представлено в виде двух миров: Бог и сотворенный Богом мир	Бытие одно, единое. Бог и материальный мир представляют собой единый «сплав»
2. Источник мировоззрения	Божественное Откровение, запечатленное в ветхозаветных книгах (Откровение Бога Моисею). Окончательное оформление Откровение получило в Новом Завете. Каждый человек, стремящийся к Богу, может, кроме того, иметь свои личные Откровения. Такие Откровения являются процессом приближения человека к Истине. Истина и Бог в этом мировоззрении совпадают	Непосредственное восприятие человеком материального мира органами чувств. Это восприятие может быть оформлено в виде ложного откровения. На более поздних этапах на место откровения приходит наука, которая претендует на то, чтобы не только дать ответы на все вопросы об устройстве мира, она пытается также обосновать цели жизни человека и общества
3. Религиозные и философские системы	Ветхозаветная религия древних евреев, христианство (православие)	Талмудический иудаизм, каббала, ислам, пантеизм, выродившийся протестантизм, марксизм, другие философские школы материализма. Талмудический иудаизм и каббала – результат «заражения» ветхо-

		заветной религии древних евреев различными гностическими учениями. Выродившийся протестантизм – также результат «скрещивания» христианства с талмудическим иудаизмом и различными еретическими учениями
4. Взгляд на создание мира	Мир создан Богом-Творцом. Три основных творения Бога: а) материальный мир (природа); б) ангельский мир (нематериальный или тонкий материальный); в) человек	Мир существует извечно, никем не создавался. Это утверждение распространяется и на «божественный элемент» мира, присутствующий в природе
5. Представления о Боге	Бог существовал извечно, Он является Творцом и Промыслителем в отношении материального мира. Бог выступает в качестве Личного Начала. То есть Он имеет такие свойства (характеристики), как сознание, волю, цели	Бог – неразрывная часть материального мира. Может признаваться существование многих богов. В их иерархии один выступает в качестве главного бога – демиурга (устроителя вечно существующей природы). Часто богом выступает некое безличное начало
6. Об управлении материальным миром и земной жизнью	Управление осуществляет Бог-Промыслитель. В соуправлении может участвовать человек, если он улавливает волю Бога	Управление осуществляет бог-демиург. Возможны варианты, когда на место бога-демиурга заступает человек

<p>7. О человеке</p>	<p>Человек – часть созданного мира, но при этом он – особое творение, созданное по образу и подобию Бога, то есть стоит над всем остальным тварным миром. Человек наделен свободой</p>	<p>Человек – часть материального мира. Некий «сгусток», «концентрат» «божественного материала», рассеянного по всему материальному миру. Это позволяет человеку быть над остальной материальной природой, он становится «богом», иногда даже «богом-демиургом»</p>
<p>8. Взаимоотношения человека и Бога</p>	<p>Полученная человеком свобода позволяет ему стремиться к Богу, удаляться от Него, даже враждовать с Богом. Иногда человек выстраивает свои отношения с Богом осознанно, иногда они складываются стихийно, без понимания со стороны человека. В любом случае Бог проявляет любовь к человеку. Не посягая на свободу человека, Бог, любя человека, помогает ему найти правильный путь в жизни. Человек может общаться с Богом, но не может управлять Богом</p>	<p>Множество моделей взаимоотношений. Человек может подчиняться богам, особенно богу-демиургу. В какой-то момент человек чувствует, что он стоит над материальным миром, сам становится как бог. Другие боги ему уже не нужны. В обществе воцаряется атеизм-гуманизм. В таком обществе может возникать целая иерархия «людей-богов». Такие «люди-боги» чаще всего выстраивают свои отношения с «простыми смертными» на основе личного авторитета, обмана и силы (в разных комбинациях). «Люди-боги» чаще всего вступают в прямую вражду с Богом, т.к. рассматривают Бога в качестве своего</p>

		«конкурента». Религиозная «толерантность» перерастает в воинствующее богоборчество
9. О будущем земного мира	Земной мир конечен. Земная история завершается после исполнения замысла Бога о человеке и человечестве	Земная история бесконечна. Возможны разные варианты описания такой истории: циклическое развитие, спираль, прогресс и др.
10. О происхождении, жизни и смерти человека	Человек – существо плотское и духовное. Как плотское существо он рождается (плоть от плоти). Но как существо духовное человек создается (творится) Богом. Будучи смертен по плоти, человек имеет бессмертную душу. Дальнейшая (посмертная) судьба души человека определяется его земной жизнью	Человек – существо материальное. Если и признается наличие души, то душа – атрибут, продолжение, функция человеческой плоти. Человек смертен, вместе с плотью исчезает и душа. Существующая на уровне подсознания идея бессмертия заменяется суррогатами бессмертия (бессмертие в детях, в плодах творчества, в славе и т.п.)
11. О свободе и необходимости в жизни человека и общества	Рождение предопределяет несвободу человека (необходимость). Но как творение Божие человек свободен. Свобода проявляется в выборе человека между добром и злом. Благодаря свободе человек может приближаться к Богу, может от Него удаляться, может даже враждовать с Богом.	Человек, будучи материальным существом, зависит от внешней среды, прежде всего природных условий. Идея свободы сводится прежде всего к борьбе с природными условиями, к «покорению» природы. Отсюда – особый упор на технику и экономику как средства обретения человеком свободы

<p>12. Об устройении человеческой жизни (общественно-политический идеал)</p>	<p>Царство Божие и его разновидность – Царство Небесное (после конца земной истории). Царство Божие – сообщество людей, добровольно и осознанно воспринимающих Бога как своего Царя, независимо от того, какие земные правители в данный момент находятся у власти. Человек может подчиняться земным властям в том случае, если их требования не противоречат требованиям и принципам Высшего Правителя – Бога. В небесной жизни имеет место прямое подчинение человека (его бессмертной души) Небесному Царю. За пределами Царства Божия оказываются те, кто в земной жизни забывал Царя или активно боролся с Ним.</p>	<p>Царство человека на земле. По своей сути это царство неизбежно становится царством зла, несмотря на красивые лозунги. Это очевидно и понятно, т.к. человек, забывший Бога и даже стремящийся занять место Бога, неизбежно становится слугой и рабом дьявола. Странники монизма не могут дать удовлетворительно ответа на вопрос, зачем человеку нужно «светлое будущее», если его жизнь конечна. Человек, вероятно, загружает свое сознание проектами будущего, чтобы уйти от кошмаров, порождаемых идеей конечности человеческой жизни. С другой стороны, дьявол также заинтересован в том, чтобы человек загружал свое сознание разного рода «проектами» «светлого будущего», чтобы он (человек) не начал думать о Боге и спасении</p> <p>В некоторых учениях царство земное ограничивается отдельным народом или религией. Так, в талмудическом иудаизме – царство Израиля.</p>
--	--	---

		В исламе – царство мусульманских народов
13. Степень влияния (популярность)	Во все времена последователей сторонников было меньшинство по отношению к численности всего человечества. В древние времена это было небольшое племя евреев, получивших Откровение через Моисея и окруженное язычниками. Во времена официального христианства истинных сторонников дуализма также было не очень много. Выражаясь словами Самого Христа, это было « <i>малое стадо</i> »	«Едва ли подлежит сомнению, что численный перевес всегда принадлежал тому слою, который верил в самобытность природы и не верил в Бога Создателя» (Л. А. Тихомиров)

Приложение 2

Устройство мира (христианское мировосприятие)*

Бог – Царь тварного мира		
Тварный мир	Царство Божие	Царство зла
Мир ангелов	Ангелы, продолжающие служить Богу. Иерархия ангельского мира	Денница и другие падшие ангелы
Человечество (общество)	Цивилизация Авеля	Цивилизация Каина

* Таблица составлена на основе работы Л. А. Тихомирова «Религиозно-философские основы истории» с учетом авторской концепции деления человечества на цивилизации Авеля и Каина.

Человек (внутренний мир личности)	Добродетели, порождаемые духом (человек духовный)	Грех, порождаемый похотью души и плоти (человек душевный и плотский)
Физическая природа	Природа несет на себе отпечаток Бога-Творца	Природа несет на себе отпечаток разрушения. «Нарушение внутренней гармонии человека может иметь последствием лишь такое же нарушение всей мировой гармонии» (Л. Тихомиров)

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
--------------------------	---

СОЦИОЛОГИЯ КОНСТАНТИНА ЛЕОНТЬЕВА	18
---	----

Введение.....	18
---------------	----

Вклад Константина Леонтьева в создание теории цивилизации.....	39
---	----

Учение о цивилизации: приоритет России.....	40
---	----

Учение о цивилизации Н. Я. Данилевского	41
---	----

К. Леонтьев – оригинальный русский социолог... ..	43
---	----

Место Бога и религии в социологии К. Леон- тьева.....	45
--	----

К. Леонтьев о трех стадиях развития цивили- зации	47
--	----

К. Леонтьев и О. Шпенглер	49
---------------------------------	----

К. Леонтьев о византизме как цивилизации.....	50
---	----

Россия и панславизм	55
«Увядание» Европы.....	58
О «подмораживании» России	61
О пророчествах К. Леонтьева	63
Социология Константина Леонтьева и современная Россия	64
Введение. К. Леонтьев как оригинальный русский мыслитель.....	65
Положение 1. Общество – часть природы и развивается по ее законам.....	70
Положение 2. Нравственные и экономические критерии для оценки общества и истории не годятся.....	72
Положение 3. Эстетический критерий как универсальное и самое точное средство оценки.....	73
Положение 4. Социология Леонтьева опирается на учение Н. Данилевского о культурно-исторических типах	75
Положение 5. Универсальная формула «органического развития». «Цветущая сложность»	76
Положение 6. «Жизненный цикл» цивилизации. Приложение формулы «органического развития» к европейской цивилизации. Диагноз: «закат Европы»	77
Положение 7. Россия как византийская цивилизация.....	79
Положение 8. Капитализм и социализм – две стороны «одной медали»	80

Положение 9. Экономика не может быть доминирующей сферой общественной жизни и определяющей частью цивилизации	82
Положение 10. Появление социологической науки – признак умирания общества	83
Положение 11. Боль как понятие натуралистической социологии Леонтьева	83
Положение 12. Страх как главная скрепа общества и двигатель истории	84
Положение 13. Невозможность построения «рая на земле». Вред «научных» версий ереси хилиазма	85
Положение 14. Критика Леонтьевым ключевых понятий научно-социологического хилиазма (прогресс, равенство, демократия, социализма и т.п.)	86
Положение 15. Либерализм – вирус разложения общества	87
Положение 16. Технический прогресс как форма религиозной веры	89
Положение 17. Разрушительный характер научного, технического, промышленного, экономического прогресса	90
Положение 18. Государство как центральная категория «натуралистической социологии» Леонтьева	92
Положение 19. Ослабление религиозного начала и усиление национализма как проявление социальной энтропии	94

Положение 20. «Подмораживание» процессов социальной энтропии. «Монархический социализм».....	95
Положение 21. Сословность как условие устойчивости общества.....	96
Заключение. Социология Леонтьева и современность.....	97
Константин Леонтьев о либерализме и либеральной науке как форме религиозного сознания.....	104
К. Леонтьев: либерализм – многоголовая гидра... 105	
«О либерализме вообще»: десять ключевых положений.....	107
Либерализм: сложность средств и простота цели.....	116
О «сложности науки» и «среднем европейце» от «науки».....	118
«Наука» как религиозная секта	121
Российская интеллигенция как вирус социального разложения	124
Интеллигенция как всеядный страус	129
Социология Христа и социология смерти	132
Знание и незнание в обществе и истории	133
На злобу дня: о «всеобщей грамотности» и «демократизации знаний».....	135
О примирении христианства и социологии	137
Константин Леонтьев о техническом прогрессе.....	139
Технократический энтузиазм второй половины XIX века	139

Лукавое слово «прогресс».....	141
Леонтьев: философия «прогресса» как ересь и обман	142
Зараза «прогресса» в России.....	143
Ересь «прогресса» заразила церковную иерар- хию.....	144
Епископ Никанор как единомышленник К. Леонтьева.....	146
Епископ Никанор о железных дорогах и «исто- щении благотворных для человека сил ве- щественных»	148
Технический прогресс и «дурная бесконеч- ность» возвышения потребностей.....	151
Истинная цена технического прогресса, или эффект «разбитого корыта»	153
Технический прогресс и «вавилонское все- мешение».....	155
Всемирность науки и техники – опасный дог- мат либерализма.....	157
Технический прогресс и человеческая глу- пость	159
Технический прогресс как фермент социаль- ного разложения	162
О жертвах и «бенефициарах» технического прогресса.....	164
О техническом прогрессе и гипнозе либе- ральной науки.....	166
Константин Леонтьев о национализме и племе- низме	168

Национальный вопрос – ключевой в творчестве К. Леонтьева	168
Критика К. Леонтьевым идеи панславизма	170
Европейское славянство: отсутствие традиций государственности	173
Славяне: различий больше, чем сходства	174
Панславизм – путь к космополитическому порядку	176
Европейские славяне: отсутствие истинно национальной элиты	177
Панславизм и Православие	180
«Не льстить надо славянам...»	181
О национально-освободительных движениях в XIX и XX веках	182
О национальных движениях в Европе и германском племенизме	185
Будущее Европы глазами К. Леонтьева	188
О племенизме малороссов	192
Два социализма Константина Леонтьева	195
Парадоксы Леонтьева	195
Безбожный социализм как продолжение капитализма	197
Россия – оплот борьбы с европейским социализмом	200
«Монархический социализм»	203
Сельская община и социализм	207
Сословный социализм как форма «монархического социализма»	209

«Корпоративный социализм»	211
Предчувствия социалистической «пугачевщины».....	216
Какой социализм нужен России?	221
Константин Леонтьев об экономике	224
Ответы Леонтьева на вызовы «экономического материализма»	225
Гипнотический эффект западной экономической «науки»	227
Западная экономическая мысль – разновидность либерализма	230
Технический и экономический прогресс – детище либерализма	232
«Прогресс» и разрушение внутренней природы человека	233
«Прогресс» и разрушение природы, окружающей человека	235
Социальная энтропия и «подвижность капитала»	236
Сословность общества как преграда для всевластия капитала.....	238
О рабстве вообще и рабстве капиталистическом.....	239
О русской крестьянской общине и «закрепощении» дворянства	240
Предчувствие «пугачевщины» и «феодалного социализма»	242

«Монархический социализм»: социальная утопия или социальный идеал?	244
О движущих силах общества и методе их исследования.....	247
Метафизика истории и социология К. Леонтьева.....	247
«Реальные силы» в социологии К. Леонтьева ...	250
О социологии К. Леонтьева и современном институционализме	254
Леонтьев об устойчивости основных «социальных элементов».....	255
Об «эталонах» в социологии.....	259
Схема К. Леонтьева как инструмент социологических исследований.....	261
Константин Леонтьев об этике и морали в социально-политической сфере	264
Сфера действия морали: межличностные отношения, но не политика.....	264
«Абстрактный морализм» Л. Н. Толстого	266
Особенности русского народа и деспотизм государственной власти	268
Моральные оценки: иммунитет для «героев истории».....	270
Политика должна быть не нравственной, а целесообразной.....	272
Константин Леонтьев и Фридрих Ницше.....	274
Взгляды К. Леонтьева на мораль и политика в современном мире	277

Этика равенства и неравенства.....	279
О равенстве, морали и социализме	281
Эстетический критерий в социологии Констан- тина Леонтьева	285
Эстетизм К. Леонтьева	285
О красоте социального мира.....	287
«Красота спасет мир»	289
О соотношении эстетического и этического критериев	291
«Эстетическое зрение» как способ восприя- тия социального мира.....	294
Константин Леонтьев: гносеология и метод «на- туралистической социологии»	300
Творческое наследие К. Леонтьева: двойное значение для современной России.....	301
Гносеология К. Леонтьева: Православие	302
Гносеология Леонтьева: умение сомневаться в «очевидном».....	303
Гносеология К. Леонтьева: эстетическое зрение.....	304
Метод К. Леонтьева: «натуралистическая со- циология».....	306
«Лирическое отступление». Как учат наших студентов экономике.....	309
«Натуралистическая социология» К. Леон- тьева: опыт применения для объяснения эко- номики.....	313

О потенциальных возможностях метода «на-
туралистической социологии» К. Леонтьева ... 319
Заключение 320

ИСТОРИОСОФИЯ Л. А. ТИХОМИРОВА 330

Введение 331

1. Актуальность идей Льва Тихомирова в об-
ласти историософии. 333
2. Лев Тихомиров – пророк, мало известный
в собственном отечестве 334
3. Об «экономическом материализме». 335
4. История как процесс духовной борьбы 337
5. Внешние события истории и духовная
борьба. 338
6. О субъективно-объективном подходе к по-
стижению истории. 339
7. История – процесс Богочеловеческий. 340
8. Демоны и люди-демоны в истории 340
9. О «царском пути» и разделах в об-
ществе. 341
10. Союз крайностей в борьбе с Богом 344
11. О прошлом, настоящем и будущем. О бы-
тии и небытии. 345
12. Марксизм как наиболее влиятельная раз-
новидность хилиазма. 346
13. О смысле истории 347

14. Человек – существо целеполагающее (и этим определяется его роль и место в историческом процессе).	348
15. О субъектах целеполагания в истории.	349
16. О Божественном целеполагании.	351
17. Протестантский способ восприятия истории.	353
18. Социальные и духовные цели истории: взаимоисключение или несовпадение?	354
19. Безверие как причина исторической слепоты.	355
20. Религиозные воззрения и философские учения как предмет исторического исследования.	356
21. Лев Тихомиров о двух системах мировосприятия и миропонимания.	358
22. Наиболее последовательно дуалистического мировоззрения придерживается христианство.	361
23. О царствах: земном и Божием.	362
24. Царство зла.	364
25. Четыре вехи земной истории.	364
26. Гносеологические основы постижения истории.	365
27. О внутреннем познании.	366
28. Об откровении как источнике знания.	367
29. О самопознании и познании Бога.	368
30. Искание смысла личной жизни и жизни человечества и есть искание Бога.	370

31. О факторах исторического процесса, вне-человеческих и надчеловеческих.....	371
32. О целеполагании в истории и социальном детерминизме. Внутреннее противоречие монистических учений.	372
33. Об агностицизме и познании истории.	374
34. Об объектах поклонения человека.	376
35. О поклонении человека человеку и гуманизме.....	377
36. О «преодолении» гуманизма.....	379
37. Вопросы свободы и необходимости.	380
38. О добре и зле.....	381
39. Критерий оценки истории.	382
40. О прогрессе.....	384
41. О революции и эволюции в истории.	386
42. О первоначальных религиозных корнях идеи социализма и революции.	387
43. Тихомиров предвидел, что социалистические проекты из утопических могут стать вполне реальными. Но и в условиях реального социализма религиозное чувство у человека не будет истреблено.	390
44. Критика марксистского и материалистического понимания истории.....	392
45. «Закон соответствия» в марксизме и в христианстве.....	393
46. Лев Тихомиров о противоречиях марксистского понимания истории.	394

47. Эсхатологический аспект историософии Льва Тихомирова.....	396
48. Христианское восприятие истории кар- динально отличается от мирского.....	398
Заключение.....	399
<i>Приложение 1</i>	401
<i>Приложение 2</i>	406

Институт русской цивилизации создан для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 30-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 14 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей и ученых, отражающих главные вехи в развитии русского национально-мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 160 томов).

Редактор Д. В. Орлов
Корректор Г. А. Островская
Компьютерная верстка Е. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 20.11.2014 г. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times». Объем 13,4 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».

ISBN 978-5-426-10093-0

9 785426 100930

**ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ВЫПУСКАЕТ
БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ
РУССКОГО НАРОДА**

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

- Русская цивилизация *(вышел)*
- Русское Православие в трех томах *(вышли)*
- Русское государство *(вышел)*
- Русский патриотизм *(вышел)*
- Русское мировоззрение *(вышел)*
- Русский образ жизни *(вышел)*
- Русская география
- Русское хозяйство *(вышел)*
- Международные отношения
- Национальные отношения
- Русская литература *(вышел)*
- Русская икона и религиозная живопись в двух томах *(вышли)*
- Русская архитектура и скульптура
- Русская живопись
- Русский театр
- Русская музыка
- Русская наука
- Русская школа
- Русское воинство
- Памятники Отечества
- Русские за рубежом
- Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

- Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.
Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.

- Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
- Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
- Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.
- Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
- Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.
- Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
- Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
- Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.
- Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.
- Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.
- Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.
- Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.
- Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства, 864 с.
- Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель, 432 с.
- Преп. Нил Сорский. Устав и послания, 240 с.
- Трубецкой Е. Н. Смысл жизни, 656 с.
- Ломоносов М. В. О сохранении русского народа, 848 с.
- Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати, 176 с.
- Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1216 с.
- Тютчев Ф. И. Россия и Запад, 592 с.
- Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа, 1136 с.
- Шарапов С. Ф. Россия будущего, 720 с.
- Св. Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России, 648 с.
- Суворин А. С. Россия превыше всего, 912 с.
- Меньшиков М. О. Великорусская идея в 2-х томах, т. 1 – 688 с.; т. 2 – 720 с.
- Розанов В. В. Народная душа и сила национальности, 992 с.
- Архиепископ Аверкий (Таушев). Современность в свете Слова Божия, 720 с.

- Иларион Троицкий. Преображение души, 480 с.
- Митр. Антоний (Храповицкий). Сила Православия, 688 с.
- Соловьев В. С. Оправдание добра, 656 с.
- Бердяев Н. А. Философия неравенства, 624 с.
- Киреев А. А. Учение славянофилов, 640 с.
- Феофан Затворник. Добротолюбие, 752 с.
- Кожин В. В. Россия как цивилизация и культура, 1072 с.
- Миллер О. Ф. Славянство и Европа, 880 с.
- Архиепископ Никон (Рождественский). Православие и грядущие судьбы России, 640 с.
- Пушкин А. С. Россия! встань и возвышайся!, 976 с.
- Князь Александр Васильчиков. Русское самоуправление, 960 с.
- Святитель Игнатий (Брянчанинов). Особенная судьба народа русского, 752 с.
- Нилус С. А. Близ есть, при дверех, 576 с.
- Кавелин К. Д. Государство и община, 1296 с.
- Белов В. И. Лад. Очерки народной эстетики, 512 с.
- Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости, 736 с.
- Аскоченский В. И. За Русь Святую! 784 с.
- Будилович А. С. Славянское единство, 784 с.
- Повесть Временных Лет, 544 с.
- Преп. Серафим Саровский. Стяжание Духа Святого, 480 с.
- Ростопчин Ф. В. Мысли вслух на Красном крыльце, 704 с.
- Магницкий М. Л. Православное просвещение, 528 с.
- Домострой, 448 с.
- Уваров С. С. Государственные основы, 608 с.
- Муравьев А. Н. Путешествие по святым местам русским, 768 с.
- Панарин А. С. Православная цивилизация, 1248 с.
- Говоруха-Отрок Ю. Н. Не бойся быть православным, или Русско-православная идея, 768 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

- Ильин И. А. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
- Нилус С. А. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.

Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил, 704 с.
Шмаков А. С. Международное тайное правительство, 944 с.
Чванов М. А. Русский крест. Очерки русского самосознания, 608 с.
Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии, 720 с.
Нечволодов А. Д. Император Николай II и евреи, 400 с.
Бабурин С. Н. Возвращение русского консерватизма, 832 с.
Крупин В. Н. Книга для своих, 512 с.
Шиманов Г. М. Записки из красного дома, 1024 с.
Жеденов Н. Н. Гроза врагов русского народа, 704 с.
Книга Русской Скорби. Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом, 1136 с.
Сенин А. А. Служить правде, 416 с.
Личутин В. В. Размышления о русском народе, 576 с.
Куняев С. Ю. Русский дом, 912 с.
Замысловский Г. Г. В борьбе с ненавистниками России, 720 с.
Проханов А. А. Слово к народу, 896 с.
Хатюшин В. В. Вехи окаянных лет, 608 с.
Ганичев В. Н. О русском, 832 с.
Мионов Б. С. Русский национализм, 560 с.

- Шевцов И. М. Тля. Антисионистский роман. Соколы. Воспоминания о деятелях русской культуры., 816 с.
- Тимофей Буткевич, протоиерей. Верю разумеваем, 704 с.
- Любомудров М. Н. Каноны русского мира. Идеология. Культура. Искусство, 816 с.
- Ерчак В. М. Слово и Дело Ивана Грозного, 1008 с.

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ»

- Максимов С. В. По Русской земле, 960 с.
- Зеленин Д. К. Русская этнография, 672 с.
- Коринфский А. А. Народная Русь, 944 с.
- Сахаров И. П. Сказания русского народа в 2-х томах, т. 1 – 800 с.; т. 2 – 928 с.
- Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах, 880 с.
- Калинский И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси, 384 с.
- Риттих А. Ф. Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование, 576 с.
- Пассек В. В. Очерки России, 448 с.
- Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, 1056 с.
- Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях, 704 с.
- Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия, 688 с.
- Фаминцын А. С. Божества древних славян, 736 с.
- Терещенко А. В. Быт русского народа в 2-х томах, т. 1 – 944 с.; т. 2 – 864 с.
- Азадовский М. К. История русской фольклористики, 1056 с.
- Снегирев И. М. Русские народные пословицы и притчи, 528 с.
- Шергин Б. В. Отцово знание. Поморские были и сказания, 704 с.
- Сумцов Н. Ф. Народный быт и обряды, 688 с.
- Буслаев Ф. И. Русский быт и духовная культура, 1008 с.
- Русские люди XVIII века, 784 с.

Токарев С. А. История русской этнографии, 656 с.
Миллер В. Ф. Очерки русской народной словесности, 672 с.

РУССКАЯ БИОГРАФИЧЕСКАЯ СЕРИЯ

Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. В 3-х томах, т. 1. – 1120 с.; т. 2. – 1120 с.; т. 3. – 1280 с.

Воспоминания о Михаиле Каткове, 624 с.

Воспоминания современников о Михаиле Муравьеве, графе Виленском, 464 с.

Иван Аксаков в воспоминаниях современников, 544 с.

Ягодинский В. Н. Александр Чижевский, 496 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.

Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.

Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.

Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.

Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.

Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.

Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.

Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.

Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.

Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.

Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.

Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.

Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.

Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.

Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.

- Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
- Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
- Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
- Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.
- Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.
- Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.
- Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.
- Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.
- Очерки истории русской иконы, 592 с.
- Мокеев Г. Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства, 480 с.
- Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию, 672 с.
- Евдокимов А. Ю. Русская цивилизация: экологический аспект, 672 с.
- Синодикъ, или Куликовская битва в лицах, 736 с.
- Русский государственный календарь, 728 с.
- Пецко А. А. Великие русские достижения. Мировые приоритеты русского народа, 560 с.
- Русская артель, 672 с.
- Русская община, 1376 с.
- Платонов О. А. Русский народ. История. Душа. Победы, 816 с.
- Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации», 1072 с.
- Минаков А. Ю. Русская партия в первой четверти XIX века, 528 с.
- Кикешев Н. И. Славянская идеология, 704 с.

- Катасонов В. Ю. Экономическая теория славянофилов и современная Россия, 656 с.
- Прохоров Г. М. Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое, 416 с.
- Катасонов В. Ю. Экономика Сталина, 416 с.
- Аверьянов В. В., Венедиктов В. Ю., Козлов А. В. Артель и артельный человек, 688 с.
- В. Ю. Катасонов, В. Н. Тростников, Г. М. Шиманов. История как Промысл Божий, 640 с.
- Колесов В. В. Древнерусская цивилизация. Наследие в слове, 1120 с.
- Катасонов В. Ю. Православное понимание общества, 432 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

- Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
- Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
- Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
- Платонов О. Пролог царевубийства, 496 с.
- Платонов О. История царевубийства, 768 с.
- Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
- Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
- Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
- Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
- Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
- Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
- Платонов О. Заговор царевубийц, 528 с.
- Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

ПЛАТОНОВ О. А. СОБРАНИЕ ТРУДОВ В 6 ТОМАХ

- Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.

Платонов О. А. Россия и мировое зло. Труды по истории тайных обществ и подрывной деятельности сионизма, 1120 с.

Платонов О. А. Массонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ, 1344 с.

Платонов О. А. Разрушение Русского царства, 912 с.

Платонов О. А. Война с внутренним врагом, 1296 с.

Книги, подготовленные Институтом русской цивилизации, можно приобрести в Москве: в Книжном клубе «Славянофил» (Большой Предтеченский пер., 27, тел. 8(495)-605-08-58), в издательстве МОФ «Родная страна» (тел. 8(495)-788-55-74, mofrs@yandex.ru, www.mofrs.ru), в книгоиздательской фирме «Крафт+» (Пр. Серебрякова, 4, тел. 8(495)-620-36-94) и в магазине «Политкнига» (тел. 8(495)-543-87-93, www.politkniga.ru)